Вѣстникъ
Западной Россіи

Историческая истина

Откуда пошла земля русская

И рече Олегъ: Кіевъ се буди мати градомъ русскимъ

Вильна

1867.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V—1867.

КНИЖКА VIII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою. 22-го Ноября 1867 года. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,“

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1868 ГОДУ.

(ШЕСТОМЪ).

Въ теченіи пяти лѣтъ, характеръ и направленіе „Вѣстника западной Россіи“ обозначились настолько, что мы можемъ уволить и себя, и читающую публику отъ тѣхъ прелюдій, которыя распѣваетъ наша собратія въ подобныхъ настоящему обстоятельствахъ. Можемъ только увѣрить читателей нашихъ, что „Вѣстникъ“ будетъ проходить свою миссію по тому же пути, котораго онъ держался неизмѣнно доселѣ, и что пятилѣтнее существованіе изданія, подверженнаго всѣмъ случайностямъ, съ какими не знакомы другія изданія, ручается нѣсколько за честный выборъ этого пути, за современность и умѣстность задачи изданія и нормальность пріемовъ, которыми она рѣшается.

Говоря такимъ образомъ, мы и не думали утверждать, чтобъ угодили всѣмъ и каждому, подобная угодливость противна даже нашей натурѣ и нашему долгу. „Служенье нашимъ и вашимъ“ ни какъ не могло умѣститься въ нашемъ духѣ рядомъ съ тѣми святыми началами, которыя положены въ фундаментъ нашего зданія, и измѣнить которымъ, по нашему убѣжденію, значилобъ измѣнить Богу, Царю и Россіи. Независимо отъ разныхъ случайныхъ непріятностей, мы не избѣгли, потому, ни интригъ, ни нападокъ. Но тѣмъ хуже для тѣхъ, которые до нихъ унизились; ихъ упреки составляютъ лучшую нашу аттестацію, ихъ досада — вѣрнѣйшій признакъ успѣха нашей миссіи; кто борется съ врагами и лжебратіями, тѣмъ не могутъ быть *всѣ* довольны.

Считаемъ нужнымъ—однажды навсегда—сказать нѣсколько словъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые сѣтуютъ на опаздываніе выходомъ нѣкоторыхъ книжекъ Вѣстника. Это явленіе, ни-

когда независѣвшее отъ причинъ редакціи, печалитъ ея душу не меньше читателей „Вѣстника." Въ утѣшенье ихъ и себя, редакція можетъ сказать только то, что она употребитъ всѣ человѣческія усилія къ *возможному* устраненію этой непріятности на будущее время,— хотя она и не обязывалась доставлять читателямъ по книжкѣ *каждый* мѣсяцъ, а только лишь обязывалась доставить въ теченіи года всѣ 12 книжекъ. Это обѣщанье она выполнитъ теперь и будетъ выполнять послѣ.

„Вѣстникъ Западной Россіи" остается неизмѣнно-вѣрнымъ четыремъ рубрикамъ прежней своей програмы, именно:

Отдѣлъ I.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и расказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи источниковъ для исторіи западной Россіи,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣденія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ,— вообще полемика со всѣмъ, что на-

правлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Повѣсти, расказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею,—свѣденія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,—о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи,—новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, исключительно касающіяся сихъ областей,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти области,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи. Объявленія, и проч.

ВѢСТНИКЪ

будетъ выходить съ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *Г. И. Феннера*, *б. Сеньковскаго*.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,—у коммиссіонера „Вѣстника", книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ,—у такогожъ коммиссіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспасскаго монастыря и у книгопродавца г. *Черенина*, на Никольской улицѣ.

ВЪ ВАРШАВѢ,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*.

ВЪ КОВНѢ,— въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: „**Вѣстникъ западной Россіи**“, *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адрессовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать *„Вѣстникъ“* за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны, по 5 руб., для иногороднихъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ—для первыхъ по 5 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 1867 годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 к. Для выписывающихъ «Вѣстникъ, за *истекшіе* годы не менѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не менѣе 25,—10%,—50,—15%—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій.**

Редакторъ-сотрудникъ **И. Эремичъ.**

I.

—

№ 12.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩIЕСЯ КЪ ИСТОРIИ СУПРАСЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Опись вещамъ и утварямъ супрасльской монастырской церкви, составленная настоятелемъ сего монастыря, архимандритомъ Сергiемъ (Кимваромъ), въ 1557 году.

Божею волею. Я сергие вооно время будучи страстный Архимандрить, для певное (извѣстной) истоты, и помнѣ будучимъ вѣдомости. Изволихъ сий реистрикъ написавъ и печатию церковною запечатавъ, у скарбъ церковный положити. Што есми обители Богородицине супрясльекой, и церквамъ святымъ у животѣ (при жизни) моемъ, поспешением и дароношением, Богородици, приложилъ, ку окрасе (украшенiю) и славе, и по чести церковной.

Прежде подписанием красным церкви светое и олтаря.

А потомъ оправлением сребренымъ спозолотою образовъ светыхъ, намѣстныхъ пяти. Еще же, сосуды свещенными, сребраными.

И оправлением позлоты всихъ свещенныхъ образовъ церковныхъ, которыхъ былъ попущением Божиимъ громъ опалилъ. Актому и праздниковъ иконостасныхъ написанием. Анадто (сверхъ того) ризами, и звоны, и прочими дробными потребами церковными.

И змурованием трапезницы совсимъ. Яко то все нижей именовано и личба (число) описаня колко сумою нашто вышло.

Вмѣсто отначала миру 7065 индикта 10-го тотъ тоистый реистрикъ писанъ.

М. П.

Первое подписана святая церков и олтарь Авыдано на то полтораста копъ грошей литовское личбы (счетомъ) кромѣ исправы и подарковъ.

А потомъ ховлено кресть великий настояльцы А внемъ сребра 20 гривенъ и 14 золотниковъ. А кдругому кресту великому церковному стояльце а внемъ сребра 7 гривенъ и 13 золотниковъ а позолоты на кресту и на тое стояльце вышло 55 золотыхъ. А всего втомто светомъ крестѣ и встояльцы другого креста въ сребре и впозолоте и вроботе и зобразомъ искамушки чинитъ 141 копа и 15 грошей.

А кресть напрестолный сребромъ оправеный снозлотою а сребра на него положено 5 гривень. А позолоты 10 золотыхъ и камушки суть у немъ простые а всего обраховано (сосчитано) за серебро и за позолоту и за роботу и за камушки оного креста 30 копъ и 24 гроши.

А у венцахъ спасова образа и пречистое Богородици измлоденцемъ и благовѣщения ее светого со архан-

геломъ вышло сребра 22 гривны и 24 золотника а на позолоту 45 золотыхъ А всего натые венцы сребра спозолотою вышло 102 копъ а сроботою и скаменемъ и перлы 165 копъ и 5 гроши А затым наоковане образа избавителя ему мануилову вышло сребра 17 гривенъ и 2 золотники а позолоты 12 золотыхъ а за роботу 11 копъ и 22 гроши А веего всребре ивпозолоте и работе чинить 72 копъ и 30 грошей.

А на оковане пречистое богородицы образа благовѣщенна вышло 39 гривенъ и 9 золотниковъ сребра а напозолоту 20 золотыхъ а за роботу 25 копъ и 17 грошей а такъ всего всребре и впозолоте и роботе того светого образа чинитъ 146 копъ и 13 грошей кроме венцовъ вышей писаныхъ.

А на окование образа великого богородицы одегитрей цаней ее милости дано сребра 36 гривенъ и 2 золотника ачинить зато 127 копъ и 20 грошей кромѣ роботы. А церковного ктому приложено 19 гривенъ и 13 золотниковъ сребра а на позолоту 25 золотыхъ дано, А такъ сребра и спозолотою и роботою церковного вышло 51 копа и 43 гроша, а всего восполомъ и панею ее милости и церковного сребра 55 гривенъ и 13 золотниковъ, А пѣнязми засребро и запозолоту и заработу паней ее милости И церковною чинить 190 копъ и 40 грошей кромѣ венца выше писаного,

А на оковане образа спасова вышло 54 гривны и 6 золотниковъ сребра, а на позолоту вышло 30 золотыхъ и ползолотого, а за роботу выдано 26 конъ и 55 грошей, а всего сумою вышло за сребро и запозолоту и за роботу 196 копъ и 3 гроши и 7 пенязей кромѣ венца вышей писаного,

У сосудехъ церковныхъ употири авдискосе и взвѣздѣ 5 гривенъ и 10 золотниковъ сребра. И за то чи-

чить 16 коп и 40 грошей А позолота и робота господаря пана его милости славное памяти,

Аврукомыйце тоесть у коновце и въ блюдце 11 гривенъ и 27 золотниковъ сребра А позолоты 8 золотыхъ И всего въ сребре спозолотою и роботою у той рукомыйце чинить 51 копа и 15 грошей,

Авголуби сребра 4 гривны и 4 золотника а позолоты 16 золотыхъ А всего всеребре и впозолоте и роботе чинитъ 27 копъ грошей,

Двѣ коновочце всенощныхъ 2 грывны сребра внихъ а позолоты золотый И всего всеребре и въ позолоте и роботе чинить 8 копъ и 40 грошей,

А въ блюдцы всенощномъ 4 гривны и 16 золотниковъ сребра И всего всеребре и вроботе чинить 17 копъ и 20 грошей,

Авъдвудорныхъ блюдцахъ 5 гривен и 23 золотники сребра а позолоты золотый и всего всребре и впозолоте и роботе чинить 22 копъ и 42 гроши,

Авъ киотцы сребра 9 гривенъ и 18 золотниковъ а позолоты 18 золотыхъ И всего въ сребре и впозолоте и роботе чинить 49 копъ и 30 грошей,

Дванадцать ложекъ а внихъ сребра 3 грывны и 33 золотника и всего въ сребру и вроботе чинить 14 копъ и 17 грошей,

Впечати церковной 24 золотники. сребра, а за крытье дано 4 копы грошей, А такъ всего вней чинить въсребре и врытьи (рѣзбѣ) 3 копъ и 36 грошей,

А у дву лихтариковъ (подсвѣчничковъ) 2 гривни сребра и 6 золотниковъ И всего въсребре и вроботе чинить 8 копъ и 30 грошей,

У дискосѣ изъзвездою церкви великого Богослова 2 гривны сребра и 5 золотниковъ, А впотири и взвездѣ што у придѣлѣ великое церкви светыхъ мученикъ Бориса и Глѣба сребра гривна и 37 золотниковъ и 16

камушковъ простыхъ апозолоты золотыи и за все въсребре и впозолоте и вкамушкахъ и роботе чинить 17 копъ и 10 грошей,

У венцы дѣисусномъ 5 гривенъ сребра а позолоты 10 золотыхъ а камушковъ 7 добрыхъ И всего всребре и впозолоте и въкамушкахъ и роботе чинитъ 29 копъ и 30 грошей,

У пугвицахъ потрахилныхъ и поручныхъ и вшлягу (галунѣ) и впукляхъ великихъ ризныхъ и поручныхъ и крестовыхъ и въмалыхъ пукольках кои на ризахъ и назавѣсце малой перловой и въ крыжикахъ потрахильныхъ перловаго потрахиля А што дано отъ Кмиты (1) подуши Коробки архимандрита троецкаго и съслуцка священныи сосуды сребряные потиръ дискосъ звезда лжица и евангеліе сребромъ оковано позлотисто, А я другое евангеліе далъ сребромъ оправити, А такъ втыхъ вышей мѣненыхъ дробныхъ рѣчахъ сребра одного 9 гривенъ и 24 золетники и напозолоту вышло 6 злотыхъ, а всего чинить уперлахъ и всребре и впозолоте и роботе 41 копа и 12 грошей.

Да упросилъ есми угосподаря пана его милости славное памяти евангелие коимъ его милость даровалъ нынѣшній митрополитъ и оправивъ сребромъ спозолотою положилъ есми оное евангелие напрестоле великое церкви у мѣста жабиныхъ двухъ што митроволитъ невинне отнялъ, а вышло на оправу его сребра 3 гривны и 24 золотники а напозолоту 5 золотыхъ, И всего въсребре и впозолоте и роботе чинить 15 копъ и 16 грошей,

А ризы шестеры четверы адамашковыи одны сперлы спотрахилемъ и споручми и споясомъ коштовнымъ (дорогимъ) государиня пани ее милость замоимъ припоминаниемъ

---

(1) Значитъ, что предки нынѣшнихъ ренегатовъ *Кмитовъ* были православные. *Ред.*

приложивъ къ церковнымъ перломъ своихъ перелъ утрое або вшестеро справила, астихаръ адамашковый исурарemъ государиця папижъ ее милость замонимъже припоминутиемъ и митрополимъ солътановымъ перломъ што еще заживота своего купивъ засто копъ на церковъ светую далъ и ктымъ своихъ перелъ ее милость немало приложивъ справила.

Адругии ризы адамашковыи спухлямя сребряными позлотистыми исперлы испотрахилемъ испоручами, Атретии ядамашковые сотлосомъ золотымъ спотрахилемъ испоручми, А четвертые соксамитомъ назолоте спотрахилемъ и споручми, А мухояровыи одиы бѣлыи соксамитомъ бурнатнымъ спотрахилемъ испоручми, Адругии мухояровые чорныи соксамитомъ бурнатнымъ спотрахилемъ испоручми, Истихаръ книмъ мухояровыйже совсимъ,

Астихаръ дьяконскій мухояровый бѣлый соксамитомъ бурнатнымъ исурарemъ, Адруги бѣлый соксамитомъ бурнатнымъ исурарemъ, Адругии бѣлый соксамитомъ чорнымъ исурарemъ, Атрети чорный соадамашкою дволичною исурарemъ, Изавѣска перловая иныхъ церковныхъ дробныхъ рѣчей много и то все обраховано авышло зато 600 копъ грошей,

А задва лихтари стоячихъ великихъ церковныхъ, Изаиконостасъ мосязный дано 60 золотыхъ у золоте и кладучи зазолотый посороку грошей чинить затую шестьдесятъ золотыхъ 40 копъ грошей,

Затри святости олътарьныхъ великихъ изачетвертую малую жертовничную Изакрестъ рѣзаный што засветою трапезою выдано 20 копъ и 30 грошей

Иконнику што дѣисусъ церковный золотомъ покладалъ и пророки и праздники и кивотъ и двери царыскии и икону жития Богородицы дано зароботу 36 копъ и 40 грошей а золото церковное,

За большии звонъ заспижу и зароботу и зажелѣзо

што его всерцы извоокованы иввазе 161 копа и 24 гроша,

Затри звоны што назвоницы кроме кмитиского и женьшого вышло 124 копы и 52 гроши,

Сербину нектарию малерю задѣисусецъ теплое церкви дано 6 копъ грошей а золото церковное,

Задвѣ святости што онже робилъ трехъ святителей и трехъ преподобныхъ 9 копъ грошей а золото церковное

Заположене золота накорунку церковную инадва кивотцы дверныхъ 3 копы грошей а золото церковное,

Залѣтописецъ церковный што на тябле 3 копы грошей азолото церковное,

Азатрапезничный муръ изавсе ее внутреннее и внѣшнее вышло готовыми пенязми кроме истравы и матерей 300 и 17 копъ грошей,

Азапраздники иконостасныи 12 копъ и 14 грошей и 4 пенязи,

Всего сребря наобразе жития Богородицы 31 гривенъ и 32 золотники а запозолоту изароботу 34 копы и 33 гроши и 5 пенязей Авсего натотъ образъ светый вышло засеребро изапозолоту изароботу 135 копъ и 53 гроши и 5 пенязей

Азаполтретядцать книгъ золота 20 копъ грошей

Апотомъ пять книгъ задесять копъ грошей.

Задвои ризы изастихаръ дьяконскии чорного аксамиту съокладками златоглавого аксамиту а съкрещики сребреныхъ пуколъ позлотистыми исъоправенемъ около ихъ перловыми исъобрумованиемъ полнимъ Изроботою вышло 49 копъ и 10 грошей

А зачетыри стихари адамашковыи бѣлыи съокладками златоглавого отласу изураремъ тогожъ отласу и чорный мухояровый священническии Идва коленскихъ бѣлыхъ священническихъже Исъобрумованиемъ исъшолкомъ и роботою на то вышло 24 копы грошей

(Сребра вышей писаного всего наодно зложивши вышло 322 гривны и 44 золотники)

(Апѣнязма наодно рахуючи (сосчитавъ) всего у верху положеного чинить 3019 копъ и 32 гроши и 6 пѣнязей)

Актитора митрополита сольтана надана светой церкви усребре. Акрестъ великий сребромъ оправеный позлотою искамушки кукоторому я столльце сробити далъ. Другий крестъ сребромъ оправеный позлотистый скамушки напрестольный. Евангелие паркгаменное сребромъ оправное спозлотою. Потирь великий сребряный позлотистый. Адругий потиръ меншии сребряный мѣстцы позлотистый. Кадило сребряное я вже исподъ его далъ позолотити. Святости образовъ Богородици три сребромъ оправеныи позлотистые скаменеемъ добрымъ ипоснолитымъ исперлы. Кубочекъ орешокъ оправенъ сребромъ спозлотою. Понагея раковины перловыя рытая сребромъ спозолотою оправеная. Апритомъ образъ пречистое богородици оправеныи сребромъ позлотистый скамушки исъзапоничкою сребряною позлотистою вкоторой чотыри камушки аиять перелъ атотъ образъ панъ троцкий его милость придалъ церкви светой.

Да чарка серебряная венецъ позлотистый вкоей чашу настолъ поцарьскимъ праздникомъ дают которуюжъ государь панъ его милость славное памяти отъ государини паней ее милости далъ здругимъ сребромъ наоправене образа богородици одегитрей великого намѣсъного а я онную чарку оставилъ начашу богородицы Аковъшъ сребряный владыки ионинъ коего былъ заживота своего на церковъ светую далъ. Авнемъ сребра было четыри гривны сполна увоное чарки мѣсто большое ваги (вѣсу) нижъ чарка усребро господарини паней ее милости вложивъ иросковати далъ.

Апотомъ разроблено серебра церковного. Индиктиона

14 Увилли наоковавие евангелия и кадильницы и потиря здискосомъ извездицею и солжицею гривенъ 40 и 2 и 42 золотниковъ. Аизолоты на то вышло 67 золотыхъ.

Ичинитъ зато сребро испозолотою изроботою 200 копъ и 16 копъ и 40 грошей.

И притомъ здѣланы двои ризы отласу бурнатного ноксомиту чорного совсимъ прислужающихъ къним Ивышло зматерьею и зроботою 30 копъ и 5 копъ грошей.

Авсего изверхнею сумою чинитъ 3271 копъ и 12 грошей

Потиръ здискосомъ нзвездицею изъолъжицею данъ отъ пана григоря воеводы его милости на памятъ матки его панее ее милости А важитъ въвсемъ томъ серебре полпяти гривны.

М. П.

Актому три сажовки (пруда) церковныхъ разширены иуглублены Анасередней имелница корчатая вчинена совсимъ Ивышло нато кроме стравы (пищи) готовыхъ пѣнязей кроме верхнее сумы описаное 52 копе и 30 грошей литовское личбы (счетомъ)

Апотомъ вдѣланы свои ризы оксамиту чорного окладки на нихъ оксамиту назолоте зеленого вышло занихъ зматериею изполнимъ изроботою всего 40 копъ грошей литовскихъ.

Ато пописаны книги.

Евангелие пергаменное новоокованое сребромъ спозолотою совсихъ сторонъ

Другое евангелие напрестолное у великой церкви новое съоковы сребрянными спозолотою

Третее евангелие вполдесть окованое сребромъ новое на богословли престоле

Четвертое евангелие напрестоле преподобныхъ отецъ антония и теодосия окованое спозолотою новое

Пятое евангелие усветыхъ великомученикъ бориса иглѣба окованое сребромъ новое

Шестое евангелие уцеркви въскресения Христова окованое позлотою.

Ато книги старые.

Евангелие толковое великое.

Евангелие учителное старое.

Евангелие вполдесть толковое

Евангелие матфеово столпъ толковое

Книга криница

Книга десятого

Навесьгодъ 4 прологи авкождомъ по 3 мѣсяцы.

А у пятомъ прологѣ 6 месецевъ.

Авшестомъ и всемомъ цѣлый годъ.

Книга Змарагдъ.

Книга златая четъ

Двѣкнизе оба маргариты,

Книги григория богослова.

Книга пророчества.

Книга великая дионисие ареопагитскии.

Книга кирила ерусалимскаго.

Книга григория двоеслова.

Книга другая григория двоеслова напаркгамене.

Уставы 2 одинъ вдесть а другии уполдесть

Книгъ великихъ вдесть соборниковъ 4 апятый напаркгамене.

Аполудесныхъ соборниковъ 3.
Ауводномъ соборнику книга Асафъ ихожение данилово.
Книга псалтыря вдесть окованая позлотистыми пуклями.
Книга псалтыря митрополита солтана вдестьже.
Книга псалтыря толковая.
Книжка толкованя избранныхъ псалмовъ вполдесть иоу-мершихъ слова
Книги ефремова 2.
Книги 2. отечники.
Двѣкнизе симеона метафраста одна вдесть адругая вполдесть авдесномъ написанъ синаксоръ.
Двѣ книзе вполдесть Исака Сириянина.
Апостолъ толковый.
Апостолъ великий на паркгамене
Апостолъ десныхъ 3.
Часословы 2 великихъстарыхъ.
Книга лѣствица вполдесть другая исъотечникомъ.
Книга Антиохъ изжитиемъ богословлимъ.
Книга вкоторой писаны слова на четыредесятницу и напятдесятницу вполдесть.
Двѣ книзе златоустого постныхъ.
Книга 12 нияковличовъ.
Книга царственникъ злѣтописцемъ.
Книга Асафъ изжитиемъ светого сергия чудотворца руского.
Книга кирилова наулияна.
Книжка патерикъ печерский.
Книжка григорей синаитъ.
Книжка *налатину*.
Книжка жите великого феодосия киновлиярха и иныхъ светыхъ.
Книга григория амиритского на ервана.
Книга зерцало.
Книга іовъ съ пленениемъ ерусалимскимъ.

Книжка таранковская монокановъ.
Книги 2 великихъ правилъ церковныхъ.
Книжка Василей новый.
Миней старыхъ 12.
Триоди 2 — постная и цвѣтная.
Охтаихи 2.
Книгъ служебникъ 7.
Книга вполдесть зонара.
Книгъ витыхъ 5.
Книга дорофей изжитиемъ иоанна злотоустаго.
Ермолоевъ знаменныхъ 4 а пятый стихаралчикъ.
Ермолой беззнаменя.
Псалтытрей проходенецъ 10.
Псалтыря покоторой вцеркви говорять.
Псалтыря великая келейная.
Книга требникъ.
Книжка вкоторой Богородицы каноны што поются на повечерницахъ.
Книжка панахидникъ.

А всихъ книгъ старыхъ 129.

А то книги новые што за мене сергия прибавлены церкви светой.

Книга правила светыхъ отецъ зуполные.
Книга великого василия кесарийского новописаная.
Книга никонъ новописаная.
Книга шестодневникъ иоанна антиоха и внейже написано Козма индикапловъ.
Книга иоаннъ дамаскинъ.
Книга апокалипсия столкованиемъ.
Книга временникъ изъ костантинова временника выписанъ.

Книга палея.
Книга бытея.
Книги 2 злотоустаго о лущи.
Книги 2 отечники изпаисиевымъ житиемъ новописаные·
Книга соборникъ новописаный.
Псалтыри 2 одна великая паперы (бумаги) а другая жабинская.
Псалтырка проходенка новописаная а другая битая.
Книга Феодора студита отъ сопѣги.
Книга лѣствица вдесть.
Книга отечникъ египетский.
Книга соборникъ напреде житие киприяново а потомъ инших светыхъ.
Книжка вкоторой написано житие Атанасия атонского.
Псалтыря толковая.
Охтаихи 2 новыхъ.
Треоди 2 постная и цветная.
Миней новыхъ 13.
Евангелие учителное новое а другое учителное жабинское.
Апостоловъ 3 а четвертый битый а пятый латынский.
Панахидничокъ.
Часословы 3.
Уставъ великий новописаный.
Служебникъ новый.
Минея новыхъ светыхъ.
Соборничокъ новыхъ светыхъ.
Греческихъ книгъ 5.
Книга требникъ изсеребряными пуклями старый вполдесть.
Другий требникъ новописаный.
Книжка минейка образовъ светыхъ.
Жабинское евангеллице изапостоломъ и апокалипсиею.
Книжка покоторой кажутъ всенощное.

Книжка малая изсвятцы и чотыредесятницею и пятдесятницею и сканоном воскресным.

Книжки 2 спѣсньми мойсеовыми изприпѣлы.

Ярмолойцы 2 новых.

Книжка малая чернеческого правила келейного новая.

Книжка малая у которой написана служба толковая.

Книжка Исусъ наввинъ и царства вней написаны вдесть.

Всих книг новописаных за мене сергия прибавеных 74.

А впана юрья которые были книги то его милость отдал.

М. П.

А потом прибавлено книг новописаных.

Требникъ вдесть новый аксамитом чорным покрыт пукли изполудесняго требника старого выбравши серебраные на это уложены а посередине бляшка изобразом иоанна богослова.

Книга лѣствица вдесть новонаписана.

Апанахидникъ уполдесть новый.

А то яцка подскарбего бывшого книги которыеся по смерти его остали.

Лѣствица вполдесть.

Козма индикатовъ вдесть.

Книга андрея уродивого вдесть.

Ветхая тетрадь, въ четвертую долю листа писана полууставомъ, начальныя буквы киноварью. Хранится въ архивѣ супрасльскаго монастыря, подъ № 2 описи.

№ 13.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ИСТОРІИ УНІИ.

1.

Письмо кіевскаго воеводы князя Константина Острогскаго къ львовскому православному братству съ увѣдомленіемъ о своихъ заботахъ касательно облегченія ихъ отъ преслѣдованія со стороны уніятовъ. 1604 г.

Мнѣ милые и ласкавые панове Львовяне! Якосте в. м. черезъ писанье свое, паномъ Иваномъ Красовскимъ поданое, и черезъ самаго его милости отца епископа своего обширне до мене доносили о утискахъ и трудностяхъ своихъ отъ преслѣдниковъ нашихъ, поболѣвши о томъ, яко одинъ съ посродку в. м. члонокъ, не занехалемъ съ пилностю и писати и просити его кролевской милости, абы зъ зверхности своее панское того позагамовалъ. И накеровалъ (направилъ) на то Панъ Богъ самъ сердце его кролевской милости, же до того мянованого митрополита росказалъ писати. Которое писанье его милость панъ Каменецкій, отъ короля его милости одержавши и ту принесши, зъ вѣдомомъ моимъ оному отсылаеть и свой при томъ листъ докладне пишеть, абы ся въ той фуріеи встягалъ. Не вонтплю (не сомнѣваюсь) теды, же ся ачей на то жаснеть (?) и васъ понехаеть, за чимъ Панъ Богъ промысломъ своимъ што кгрунтевнѣйшее и лѣпшее до успокоеня нашого спорядить.

Ласкавой пріязни ся вашимъ милостямъ за тымъ отдаю. Зъ Острога, 10 августа, року 604.

Вашимъ милостямъ всего добра зыч (ливый) пр. Костентинъ княжа Острозскій, воевода Кіевскій власная рука.

А если бысте ваша милость теперь що долегливости отъ коко у волностяхъ своихъ звыклыхъ мѣли, дай-

те ваша милость о томъ до меня вѣдати; въ чомъ бымъ ано братерскую милость вашей милости освѣдчити моглъ, естемъ на томъ.

Подлинникъ хранится въ архивѣ Львовской Ставропигіи.

2.

Протестація, занесенная въ земскія виленскія книги, отъ имени братства виленскаго противъ уніятскаго митрополита Ипатія Потѣя за принужденіе ихъ къ уніи и присвоеніе себѣ митрополичьей власти и неповиновеніе законному патріарху. 1608.

Видымусъ съ книгъ справъ земскихъ воеводства Виленского. Лѣта отъ нароженья Сыня Божого тисеча шесть сотъ осмого, мѣсяца генваря двадцать шестого дня. На рокахъ судовыхъ земскихъ, трехъ королихъ святѣ Римскомъ прыпалыхъ и судовне у Вилни отправованыхъ, передъ нами врадниками судовыми земскими воеводства Виленского Яномъ Остикомъ, судьею, Жикгимонтомъ Кгедройтемъ, подсудкомъ, а Мальхеромъ Поткевичомъ пиоаромъ, постановившысе очевисто земенинъ господарскій повѣту Виленского панъ Петръ Ильичъ, покладалъ жалобу на письмѣ отъ всего брацтва церковного Виленского светое Тройцы, абы тое оповѣданье до книгъ земскихъ Виленскихъ записано было, которое такъ се въ собѣ маетъ:

„Милостивые панове судьи земьскіе Виленьскіе! Оповѣдаюсе вмстямъ на его милость отца Ипатѣе Потѣя, за моцъю зуполную именемъ ихъ милости всего брацства церковьного Виленьского светое Тройцы особъ духовныхъ и свѣтскихъ, правдивыхъ вызнавцовъ старожытное вѣры нашое повшехное (вселенской) коѳолическое церкви светое всходнее Греческое послушенства трону светѣйшого патрыархи Константынополского князства Литов-

ского, князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, урядниковъ земскихъ и кгродскихъ, всего рыцерства, шляхы и всихъ мѣщанъ розныхъ мѣстъ его королевское милости и всякого люду посполитого, о то, ижъ его милость отецъ Ипатѣй, за отступленемъ отъ столицы звыклое трону Константынополского потрыархи а отданемъ намъ незвыклого людемъ релiи Греческое послушеньства велебному его милости отцу папежови Рымскому въ року прошломъ тисеча пять еотъ деветдесятъ шестомъ на сынодѣ Берестейскомъ зъ небощыкомъ митрополитомъ Рогозою и владыками Луцкимъ, Полоцкимъ, Пинскимъ и Хелмьскимъ, декретомъ отъ ексархи трону патрыархи Константынополското стану своего духовного обножоный и отъ церкви светое восточное отлучоный будучи, што декретомъ патрыархи церкви въсходнее, ижъ ихъ милость яко отступниковъ, стану духовного обнаженыхъ и отъ церквей светыхъ водлугъ каноновъ светыхъ богоносныхъ отецъ и семи вселеньскихъ соборовъ отлучоныхъ, ствержоно и декретами трыбуналскими объяснено естъ, яко о томъ шырей тые декрета светчатъ. А вѣдаючы добре о томъ, ижъ митрополитъ Кiевскiй, Галицкiй и вси владыкове въ паньствахъ его королевское милости коронѣ Полской и великомъ князствѣ Литовскомъ подъ благославенiемъ патрыархи Константынопольского, почавшы отъ великого князя Володымера, который Рускую землю окрестилъ, ажъ до того часу отъ королей ихъ милости и великихъ князей Литовскихъ завжды намъ подаваны были, што се ясне показало и за щасливого панованья его королевское милости, пана нашого милостивого, теперъ намъ панукючого, въ прыѣздѣ до панствъ его королевское милости небощыка отца Iеремѣя, патрыархи Константынопольского, который небощыка Онисифора Дѣвочку зъ митропольи зложылъ, а Рагозу поставилъ. Предсежъ его милость отецъ Ипатѣй,

на то все ничего не дбаючы, не только абы владыц
тво Володымерское и Берестейское пустити мѣлъ и зне
важывшы вси права духовные и свѣтскіе, прывилы
констытуцыи, статуты и присягу королей ихъ милости
которую всимъ заровно волности варовано, перескочыв
шы отцы светыми замѣроны границы, скоро по смерти
небощыка Михала Рагозы, тую столицу митрополью Кі
евскую, Галицькую и всея Руси и церкви надъ прав
и волности нашы старожытные, подъ благословенств
отца папѣжа Рымското, намъ людемъ, подъ благословень
ствомъ трону Константынопольского патрыархи буду
чымъ, неналежного пастыра, привлащаючы, усилуеть,
што се его милости подобаеть, то чынить. Зачымъ нам
всимъ хрестіяномъ послушенства светѣйшого патрыарх
зо всихъ мѣръ тое стародавное вольности нашое зажы
вать не допускаеть. За которою мѣшаниною его мило
сти, власныхъ пастыровъ своихъ, митрополита и влады
ковъ и всякого стану духовного, водлугъ правилъ све
тыхъ богоносныхъ отецъ подъ благословенствомъ светѣй
шого патрыархи мѣти не можемъ; а наветъ (даже) и тут
до Вылна его милость недавно прыѣхавшы, наступуючы
на вси права и вольности нашы братскіе духовные
свѣтскіе а умыслне (нарочно) звирхность патрыархи Кон
стантынопольского псуючи, людъ народу Російского въ па
стырство новое его милость отца папѣжа Рымского не
належное и себе за власного митрополита впровадити
хотечы, братство якоесь новое пры церкви светое Трой
цы заложылъ. Што ижь се намъ, людямъ вѣры старо
жытное Греческое, противко всимъ правамъ, свободамъ
волностямъ нашымъ дѣеть, прото они, постерегаючы то
го, абы его милость за тымъ новымъ брацствомъ, от
себе теперь недавно заложонымъ, митропольи Кіевское
себѣ неналежное, не натегалъ и подъ звирхность велеб
ного его милости отца папѣжа Рымского пастыра намъ

незвыклого, не прымушалъ (понуждалъ) хотечы зъ его милостью и съ каждымъ таковымъ, который бы до таковыхъ всихъ правъ его милости помочнымъ былъ у кождого суду и права духовного и свѣтьского, гдѣ право посполитое дорогу укажеть, мовити и тое жалобы своее шырей и достаточнѣй попирать, и для того тое оповѣданье и жалобу до книгъ ку записанью подалъ.

Што есть записано. Съ которыхъ и сесь видымусь подъ печатьми нашыми врадовыми сторонѣ потребуючой есть выданъ.

Современный списокъ. На оборотѣ подпись: Езофъ Коледа ку ст.... *И помѣты:* Protestatia Braczsz(ów) na xiędza Pocieia 1608, mc. januarij 26 die, od schyzmy. Kopia. Protestatia Piotra Ilicza, zaniesiona w ...... przeciwko Pocieiowi metrepolią..... patryarchy. 1608, die 26 Iannarij.

3.

Протестація православнаго братства виленскаго, внесенная въ городскія книги, противъ уніятскаго намѣстника виленскаго Вельямина Рутскаго за его преслѣдованія православныхъ и незаконныя дѣйствія и обиды 1608 г.

Видымусъ съ книгъ кгродскихъ враду воеводства Виленскаго.

Лѣта отъ нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ осмого, мѣсяца декабря деветьнадцатого дня.

На врадѣ его королевское милости кгродскомъ воеводства Виленского передо мною Деметрымъ Карпьемъ, секретаромъ его королевское милости, намѣстникомъ Виленскимъ, ставшы очевисто его милость панъ Арнольфъ Ворыковьскій, дворанинъ его королевское милости, староста братства церковьного Виленского православія Греческого, самъ отъ себе и именемъ колекги своего старосты тежъ братства церковьного его милости князя Бог-

пана Октинского, подкоморого Троцкого, державцы Д... сукишьского и Кормилевьского, подалъ на писмѣ о... вѣданье и жалобу свою въ рѣчы нижей описаной ... ксеньдза Юсифа Велеамина Рутского и иныхъ нѣкот... рыхъ помочьниковъ его. Которое то оповѣданье сло... отъ слова такъ се въ себѣ маетъ:

Оповѣдаемъ вашей милости и обтяжливе жалуе... сами отъ себе именемъ такъ стану духовного и свѣц... кого ихъ милостей пановъ сенаторовъ, рыцерства и ч... ловѣка посполитого, до братства церковьного Виленско... релѣи старожитное Кгрецское упионыхъ, на ксендза I... сифа Велямина Рутьского, который се менуетъ голо... нымъ намѣстникомъ митропольи Кіевьское, Кгалицко... и всея Руси, и на пана Геліаша Мороховьского, сл... жебьника его милости отца Ипатея Потея, менуючо... быть митрополитомъ Кіевьскимъ, Галицькимъ и всея Р... си, и иныхъ помочьниковъ его нѣкоторыхъ черньцо... Виленскихъ, которыхъ они сами лѣпѣй знають и име... ихъ вѣдають, о томъ, ижъ яко отъ часовъ давныхъ п... мененый ксендзъ Велявинъ Руцькій почалъ наступов... ти на вѣру и сумненя насъ, людей старожытное ре... Греческое, надъ права и конфедерацью и всѝ свобод... и волности нашы, отъ королей ихъ милостій Польских... и великихъ князей Литовьскихъ, пановъ нашыхъ, нада... ные: кгдыжъ еще передъ тымъ въ року прошьломъ т... сеча шесть сотъ пятомъ пришедшы зъ вознымъ и сто... роною до церкви нашое братское Виленское заложень... Сошествія Светого Духа, и тамъ людей набоженство от... правуючыхъ неслушнымъ а нигды незвыклымъ спосо... бомъ пописуючы особъ кильку въ томъ мѣстѣ Вилень... скомъ добре осѣлыхъ и никгды ни въ чомъ не подей... зроныхъ, за то тылько само, же ихъ въ церкви нашо... братьской на набоженствѣ видѣлъ, до книгъ кгродскихъ Виленскихъ отънеслъ. Зачымъ одного зъ нихъ, человѣка

ного (честнаго) на име пана Изака Кононовича, йцу (советника) места Виленьского, на ратуш естьскій Виленьскій до суду гайного занозвавшы реляцыею возного бытность его въ церькви братской доводечы, о то само на горло ему, яко нёякому злочыньцы, инстыкговалъ, и иныхъ розныхъ тисковъ и уразовъ наслядовцамъ старожытьное реліи нашое Кгрецькое самъ и съ помочьниками своими чынити не переставаеть. Якожь и тыхъ недавно прошьвыхъ часовъ, то есть въ року теперешьнемъ тисеча шесть сотъ осмомъ, месяца декабря трынадцатого дня, чынечы немалый розрухъ и взрушенье покою посполитого въ томъ местё его королевское милости Виленьскомъ, а шарпаючы на доброй и никгды ни въ чомъ зъ ласти Божое не подейзраной славё, братьство наше церьковьное Виленьское вёрьныхъ подьданыхъ его королевьское милости, пана нашого милостивого, прречоные ксеньдзъ Веламинъ Рутьскій въсполъ съ номененымъ паномъ Геліяшомъ Мороховьскимъ и иными нёкоторыми черньцами помочьниками своими удалъ то невинне, неслушьне и непрыстойне передъ урадомъ мёстьскимъ Виленьскимъ, якобы такая змова межы наслядовьцами старожытьное реліи нашое Гречесьское статься мёла, абы въ недёлю преде дьнемъ людъ весь до церкви нашое братьское зобраный вышедьшы отъ завтрени на церьковъ и монастырь светое Тройцы кгвалтомъ наподьшы и его ксеньдза Рутцького весполъ зъ другими черньцами позабіявшы тую церковъ и монастырь светое Тройцы въ моцъ и въ дерьжанье свое взяти могли. За которымъто омыльнымъ и неслушьнымъ даньемъ справы, ударъ мёстьскій Виленьскій кильку цехомъ збройно и яко до бою приготованымъ зебратые и презъ цалую ночъ вартовати росказалъ; зачымъ и хоженья около домовъ церкви нашой братской Виленьской прилеглыхъ людей збройныхъ въ

великимъ гукомъ и стрѣляньемъ съ пулгаковъ, а отъ другихъ и отповѣди и похвальки на насъ самыхъ а на церковъ нашу братьскую Виленьскую слышаны были отъкуль немалое се было стало затворженье и перестрашенье людей спокойныхъ, а о жадномъ бою и розруху не мыслячыхъ, а звлаща особъ духовьныхъ и черньцовъ, нры церькви нашой братьской Виленьской мешкаючыхъ, такъ тежъ и мѣщанъ Виленьскихъ до брацьства нашого церьковного уписныхъ которыхъ особъ кильку людей учьстивыхъ и никгды ни въ томъ мѣстѣ Виленьскомъ заслужоныхъ, на име пана Петра Коптевича, пана Семена Красовьского, пана Ивана Сечьку и пана Изака Волковича ночнымъ незвыклымъ способомъ стороны тое омылное а неслушное помененого ксеньдза Руцького и помочьниковъ его жалобы до себе на ратушъ помененый урядъ мѣстьскій ратушный взывалъ. Што все пречоный ксеньдзъ Велияминъ Руцькій ни для чого иньшого чинить, одно ижъ самъ будучы властнымъ костела и вѣры Римское насладовцою и выхованьцомъ, за вѣдомостью и позволеньемъ его милости отца Ипатея Потея, вѣру нашу старожытную и вси права, свободы и вольности народу нашого Російского зъ кгруньту выверьнути, а церьковъ и монастыръ светое Тройцы, до которье брацство наше церьковьное Виленьское за прывилеями его королевьское милости, пана нашого милостивого, слушьное право маеть подъ владзу..... ксендзовъ езуитовъ и иньшыхъ духовныхъ костела Рымского поддати и оныхъ до того монастыра светое Тройцы впровадить хочеть и о то се розмаитыми способами и змовами съ поменеными ксендзами езуитами старатисе не переставаеть; о што все такъ зъ ними самыми, яко и съ каждымъ таковымъ, который бы имъ до того допомагалъ а напотомъ зъ якоежъ колвекъ мѣры покой посполитый взрушалъ, такъ на сеймѣ вальномъ, яко и у каждого суду належного вольное

право и мовенье собѣ заховуючы, просимъ, абы тое оповѣданье и жалоба наша до книгъ вашой милости врадовыхъ записана была.

Котороето оповѣданье и жалоба ихъ милости пановъ старостъ брацьства церковного Виленского до книгъ кгродскихъ Виленьскихъ есть записана, съ которыхъ и сесь видымусъ подъ моею печатью его милости отцу митрополитѣ есть выданъ. Писанъ у Вилни.

„Корыкговалъ К.... Захарскій“.

Печать, и на оборотѣ надпись: Простацыя Наливайковъ.—Protestatia bratczkow Wilenskich на mert. Rudzkieo.

Изъ архива грекоуніатскихъ митрополитовъ, находящагося при св. синодѣ, въ С.-Петербургѣ, связка № 30.

II.

ПРУССАКИ ВЪ БЫВШИХЪ ПОЛЬСКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ.

(Изъ рукописи Т. II, гл. XVI: „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ С. З. Россіи, собралъ В. Ратчъ).“

Выгодныя и невыгодныя обстоятельства для прусскаго правительства къ уничтоженію полонизма— Мѣры Фридриха Великаго— Заботы объ усиленіи производительности страны— Крѣпостное право— Народное образованіе— Водвореніе прусскаго землевладѣнія— Какъ Фридрихъ Великій цѣнилъ поляковъ— Раздѣлъ 1793 г.— Перемѣна системы— Министръ Фоссъ и сближеніе съ поляками— Польской мятежъ въ Пруссіи 1794 г.

Для борьбы съ полонизмомъ, Австрія старалась создать особую галицкую національность изъ стихій русско-уніатской и мазуро-латинской; Россіи предстояло очистить Западную Россію отъ наносовъ полонизма, Пруссіи выпала самая трудная задача. На ея долю выпали области, которыхъ населеніе было, за весьма слабымъ исключеніемъ, чисто польское и по исповѣданію римское. Пруссія однако опередила сосѣдей въ ослабленіи полонизма, и можетъ быть изъ поколѣнія, отживающаго нынѣ свой вѣкъ въ Познани, найдется не одинъ, который родился полякомъ и подданнымъ Рѣчи Посполитой, а свою послѣднюю молитву выскажетъ на болѣе ему уже

родномъ нѣмецкомъ языкѣ (1). Полонизмъ вѣчно крамоленъ, пропитавшись крамолою до плоти и кости. Пруссія обрекла потому полонизмъ къ совершенному его истребленію въ своихъ владѣніяхъ. Не въ Европѣ XIX столѣтія могутъ исчезнуть народы насильственно, какъ Могиканы исчезли въ Америкѣ въ XVIII; но прусское правительство неуклонно преслѣдуетъ свою мысль, и последовательно, уменьшая численность поборниковъ полонизма, ведетъ къ тихой политической кончинѣ самого полонизма въ Познани. Много личностей найдемъ мы нынѣ въ средѣ прусскаго общества, съ польскими фамиліями, рѣзко отбивающими отъ нѣмецкихъ; но они считаютъ себя такими кровными пруссаками, что сочувствуютъ польской справѣ столько же, сколько еврейскому ожиданію пришествіи мессіи; для нихъ *Чарторыйскій* и *Мирославскій* тоже что преславутая княжна Тараканова или Мадзини. Польскіе ихъ предки столько же возбуждаютъ въ нихъ сочувствія къ преуспѣнію польской справы, сколько наши Кутайсовы и Бендерскіе интересуются преуспѣяніемъ турецкихъ дѣлъ.

Пруссія съ внѣшней стороны, сравнительно съ Россіей и Австріей, встрѣтила для разрѣшенія у себя польскаго вопроса наибольшія препоны; но съ внутренней стороны, Пруссія имѣла огромный перевѣсъ. Правительства русское и австрійское изучали польскій міръ, только во внѣшнихъ его проявленіяхъ, прусское же правительство, почти отъ самаго своего рожденія, постоянно стояло лицемъ къ лицу съ Рѣчью Посполитою. По двумъ разлученнымъ своимъ составнымъ частямъ, прусское государство было васальнымъ: по одному государей Австріи—дому Габсбурговъ, такъ какъ маркграфство Бранденбургское входило въ составъ Священной Римской имперіи; по другому оно было васальнымъ королей польскихъ, по княжеству Прусскому, наслѣдію Тевтонскаго Ордена. Съ германскою расчетливостью и акуратностью, прусское правительство вело свое государственное хозяйство, и съ германскою настойчивостью и осмотрительностью развивало государственное богатство, изыскивая всѣ средства достигнуть наибольшей производительности страны. Прямымъ слѣдствіемъ неуклонныхъ стремленій къ достиженію подобной цѣли было разностороннее развитіе прус-

(1) Пишущему эти строки пришлось встрѣтиться въ Вильнѣ съ познанцемъ, носящимъ чисто польскую фамилію, работникомъ на кирпичномъ заводѣ, который съ трудомъ объяснялся по польски, да и этому онъ выучился въ Вильнѣ.

скаго народа и его благосостоянія. Увеличивающееся богатство суммы частныхъ собственностей прусскаго народа несло свою долю въ матеріальныя средства прусскаго государства.

Прусское правительство, для извлеченія наибольшихъ выгодъ изъ почвы и изъ народнаго труда, заботливо слѣдило за усовершенствованіемъ частной производительности, и заботливо и прозорливо раскрывало всѣ пути для частной промышленности, и въ общемъ народномъ образованіи признавало надежнѣйшее къ тому средство, дабы частная дѣятельность и трудъ были руководимы указаніями науки и смышленой практики. Прусское правительство для народнаго образованія не ставило идеаломъ своихъ стремленій, того, чтобы провести все населеніе чрезъ университетскія аудиторіи; но оно расчетливымъ хозяиномъ, въ таблицѣ приближеннаго числа работниковъ, требуемыхъ для общей государственной жизни, находило указанія въ какомъ числѣ государство должно приготовлять дѣятелей для каждой отрасли. Университеты открыты и доступны для всякаго, кто ищетъ науки и убѣжденъ что его способности на этомъ пути доставятъ ему безбѣдную будущность; талантливые художники покровительствуемые правительствомъ и обществомъ; наконецъ кромѣ школъ и гимназій, правительство направляя свои заботы объ общественномъ образованіи, согласно съ опредѣленною государственною потребностью, щедро устраиваетъ училища для соразмѣрнаго числа техниковъ, ремесленниковъ, лѣсоводовъ, садоводовъ, земледѣльцевъ и т. п. Извлекая всевозможныя выгоды изъ дѣлаемыхъ расходовъ, Пруссія даже армію,—элементъ съ большими расходами сопряженный и въ мирное время, не производительный, не менѣе того для государства необходимый обратила въ учрежденіе, которое приноситъ постоянную, ежедневную пользу государству. Пруссія въ своихъ, въ казармахъ расположенныхъ войскахъ, имѣетъ многочисленныя учрежденія для народнаго образованія, которыя и въ этомъ отношеніи, пользою ими приносимою государству, вознаграждаютъ за всѣ заботы объ отличномъ образованіи и состояніи кадроваго состава войскъ, и за щедрые расходы на ихъ содержаніе. Поголовная, обязательная для каждаго пруссака военная служба пропускаетъ все молодое поколѣніе сквозь ряды старослуживыхъ, постоянно охраняющихъ честь прусскаго знамени, сберегающихъ старый духъ прусской арміи. Изъ этой школы каждый, даже и *доброволь-*

ный (1), не смотря на его годичный срокъ службы, возвращается не безъ того чтобы для государства не вынести полезныхъ плодовъ военнаго образованія. Подобнымъ устройствомъ, кромѣ того что Пруссія имѣетъ во всемъ населеніи неисчерпаемый запасъ подготовленныхъ воиновъ въ случаѣ нужды, кромѣ того что военная выправка, войсковыя ученья, гимнастика, развиваютъ физическую ловкость во всемъ крестьянскомъ населеніи, обязательное обученіе неграмотныхъ и обязательное обученіе нѣмецкому языку его незнающими, ловитъ тѣхъ, кто какими либо обстоятельствами миновалъ частую сѣть учебныхъ заведеній. Наконецъ обязательная служба въ томъ отношеніи удовлетворяетъ стремленіямъ правительства къ всеобщему образованію народа, что „она прививаетъ ко всей массѣ простолюдиновъ понятій къ уваженію старшихъ, порядку и опрятности. Она внесла въ эту среду, незнакомое ей чувство собственнаго и человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ нимъ и чувства преданности и вѣрности къ королю“ (2).

Не сворачивая ни на шагъ отъ ею избраннаго пути, Пруссія неусыпно заботится о народномъ образованіи, о пріумноженіе народнаго богатства. Сгроможденіе матеріальныхъ средствъ постоянно предшествовало проявленіямъ усиленія прусскаго могущества, и государство, только въ концѣ XVII столѣтія обратившее на себя вниманіе Европы, неуклонно идя по принятому направленію, въ XIX вѣкѣ достигло столь почетнаго мѣста въ ряду первенствующихъ государствъ.

При такомъ направленіи теченія дѣлъ въ Пруссіи, полонизмъ несмотря на то что, въ областяхъ къ ней отошедшихъ, имѣлъ наиболѣе для себя пригодныхъ стихій, долженъ былъ постепенно изнемогать въ неровной борьбѣ. При *хозяйственномъ характерѣ*, котораго неизмѣнную печать носили всѣ распоряженія и мѣры прусскаго правительства, полонизмъ не могъ найдти для себя точекъ опоры. Увертливыя польскія интриги успѣвали протираться и въ высшія правительственныя сферы; Пруссія давно знала польскую фанаберію, заносчивость, необстоятельность, тщеславіе, хваст-

---

(1) Въ Пруссіи военная служба обязательна для всѣхъ, исключая колекъ; но срокъ дѣйствительной службы сокращается на одинъ годъ для добровольныхъ (freiwillige), для тѣхъ которые содержатъ себя на свой собственный счетъ.

(2) «Das Grossherzogthum Posen und die Polen», von einem früheren Abgeordneten der Provinz Posen. Berlin 1861 p. 76.

ливость, своеверметіе и чужеядность шляхетства, озлобенныя распри между его партіями; но прусское правительство не знало всего коварнаго іезуитизма польской интриги, и потому также мало было подготовлено къ противудѣйствію, какъ и Россія и Австрія. Домогательства поляковъ къ обособленію польскихъ областей Пруссіи, къ достиженію по крайнѣй мѣрѣ хотя бы какихъ либо особыхъ оттѣнковъ въ угоду польской національности, по временамъ встрѣчали снисходительное ухо въ правительствѣ, но эти успѣхи были скоропроходящими.

При теченіи государственной жизни въ Пруссіи выяснялась вся уродливость желаній пановъ, когда они своими домогательствами тянули вспять развитіе Познани, въ то время какъ правительство гнало впередъ общее развитіе всего государства.

Хотя послѣ всякихъ польско-патріотическихъ проказъ, представители клерикально шляхетскаго міра гибче становились предъ правительствомъ, и расточали завѣренія своей преданности; но послѣ событій 1848 года, Пруссія приступила ко внимательному изученію польскаго вопроса, во всѣхъ его закулисныхъ тайнахъ.

Пріобрѣтенія отъ Рѣчи Посполитой усиливали могущество Россіи и Австріи; для Пруссіи же ея пріобретенія были жизненнымъ вопросомъ. Польскія земли уничтожали чрезполосицу между прусскими владѣніями, польскія земли ихъ округляли, а потому польскія области обратить съ ихъ національностью въ чисто прусскія, было настоятельною необходимостью, какъ для требованій государственныхъ, такъ и для частныхъ. Съ трехъ сторонъ окруженныя давними прусскими владѣніями, польскія области были охвачены сгустившимся нѣмецкимъ населеніемъ. Почва стала достояніемъ не однихъ прежнихъ обитателей, но и водворившихся нѣмцевъ. Прусское правительство, наученное опытами 1848 года, внимательно стало слѣдить за оборотами полонизма въ Познани; но не менѣе внимательно слѣдятъ за ними и тысячи глазъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, которымъ событія 1848 года разъяснили то, что ожидаетъ ихъ имущества въ случаѣ возвращенія польскаго господства, и какъ они должны цѣнить всѣ завѣренія польской къ нимъ симпатіи. Не одно только чувство преданности къ прусскому отечеству побуждаетъ пруссаковъ въ Познани къ тому чтобы слѣдить за крамольными оборотами своихъ польскихъ сосѣдей; но и чувство самосохраненія и сохраненія своего достоянія. При такомъ положеніи края, прави-

тельство, слѣдя бдительно за движеніями полонизма, имѣетъ и въ населеніи бдительныхъ помощниковъ. Кромѣ того что польское население дорожитъ прусскимъ правленіемъ, но и по деревнямъ, среди польскихъ крестьянъ, разсѣяны нѣмецкіе крестьяне (1). Мы имѣли образчикъ въ Россіи, при послѣднемъ мятежѣ, сколько мѣстному элементу становятся извѣстными всякіе крамольные обороты, какою бы они не были облачены таинственностью, которая дѣлаетъ ихъ почти неуловимыми для правительства. Мѣстныя власти въ Западной Россіи тогда только получали достаточныя данныя для противудѣйствія польской крамолѣ, когда собравшаяся шайка уже открыто подымала знамя мятежа; а у границы Псковской губерніи, въ лѣсистыхъ дебряхъ Люцинскаго уѣзда, таинственныя приготовленія, въ имѣніи бывшаго предводителя дворянства, Липпы Липскаго, не укрылись отъ ихъ русскихъ сосѣдей. За нѣсколько недѣль до открытыхъ мятежныхъ дѣйствій въ западной части Витебской губерніи, псковичи уже довели до свѣдѣнія, что не въ далекѣ отъ нихъ, въ восточной части, завелась таинственная польская стряпня приготовленій къ бунту. Понятно озлобленіе, которое господствуетъ въ Познани, въ польско патріотической средѣ, когда установившимся теченіемъ дѣлъ, съ каждымъ годомъ множатся нѣмецкіе сосѣди и сельское польское населеніе, ободренное этими водворившимися и водворяющимися покровителями, изъ опасенія возвращенія стараго *золотаго* польскаго времени, тѣснится къ своимъ новымъ прусскимъ соотечественникамъ, отъ которыхъ ксендзы силятся ихъ удалить.

Современное положеніе полонизма въ Пруссіи можетъ быть обозначено въ слѣдующихъ чертахъ:

Пруссаки убѣдились что въ среди польскаго *духовенства*, отъ высшихъ іерарховъ до послѣдняго клерика, находятся всегда самые горячіе ревнители польской справы. Въ немъ прусское правительство встрѣчаетъ самого дѣятельнаго противника къ искорененію полонизма въ населеніи. Правительство ведетъ къ сліянію обѣихъ народностей нѣмецкой и польской рядомъ общихъ постановленій, клонящихся къ дальнѣйшему благосостоянію народныхъ массъ; а польское духовенство не упускаетъ ни одного случая, чтобы, пользуясь своими духовными обязанностями, не поддерживать въ своей паствѣ сепаратическихъ понятій о ихъ особой польской національности, создать какъ бы особое исповѣданіе польскаго р.-католицизма отъ р.-католиковъ-нѣмцевъ.

(1) Das enthüllte Posen. Berlin 1849 H. II, p. 14.

Паны въ своемъ домашнемъ обиходѣ сберегаютъ какъ святыню шляхетскія традиціи давняго, для нихъ золотаго, времени. Всѣ ихъ стремленія клонятся къ тому чтобы поддержать особничество польскихъ стихій въ народѣ, поглощаемыхъ прусскими. Паны не останавливаются предъ расходами, для поддержанія легальными путями крамольнаго польскаго настроенія. Пользуясь широкими правами свободной печати, польская литература процвѣтаетъ въ Познани, благодаря панскимъ щедротамъ, которыя дополняютъ недостатокъ численности публики, читающей по польски.

Панство, щедрымъ меценатомъ, поддерживаетъ всякаго польско-патріотическаго писателя; чѣмъ заносчивѣе и задорнѣе его рѣчь, тѣмъ болѣе текутъ на него матеріальныя ободренія. Польская литература даетъ высокому шляхетству легальныя средства идти по пути, указанному конституціею 3 мая. Оно старается притянуть къ себѣ ту часть городскаго населенія, которая принадлежитъ къ болѣе или менѣе развитой читающей польской публикѣ, и конечно чѣмъ темнѣе понятія этого слоя, тѣмъ обильнѣе плоды, пожинаемые полонизмомъ. Польскій ксендзъ и польскій литераторъ, питаемые за кулисами стоящимъ панствомъ, стоятъ апостолами полонизма и проповѣдуютъ тѣмъ съ большею яростью, что видятъ какъ съ каждымъ годомъ, таетъ среда, воспріимчивая къ тому чтобы быть послушною и довѣрчивою ученицею.

Сельское населеніе окончательно погибаетъ для польской справы; для нея остается только панская дворня, челядь панскихъ домовъ. Масса сельскаго населенія досягаема только вліянію клерикальнаго полонизма; но ксендзовскія внушенія сглаживаются по всей странѣ частою сѣтью раскинутою нѣмецкими стихіями, землевладѣльцевъ — нѣмцевъ, арендаторовъ — нѣмцевъ, чиновниковъ — нѣмцевъ, учителей — нѣмцевъ, а нѣмцы въ Пруссіи, до такой степени пруссаки, до такой степени пропитаны чувствомъ прусскаго значенія и превосходства, что подобныя заявленія, этого самодовольства возбуждали даже нерасположеніе въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ, особенно въ слояхъ, на которыхъ образованіе не навело своего полирующаго лоска. Они затрогивали щепетильность, и часто въ нѣмецкихъ устахъ въ Саксоніи, въ Австріи, южной Германіи и на Рейнѣ слышалось выраженіе *прусское самохвальство*. Вглядываясь въ общественную жизнь Германіи, послѣ событій 1866 года, нельзя не замѣтить что и въ этомъ отношеніи, послѣдовательно веденные многолѣтніе труды Пруссіи, увѣнчались пол-

нымъ успѣхомъ. Пруссія издавна готовила средства для рѣшительныхъ дѣйствій, для борьбы съ противудѣйствующими элементами. Эти элементы питались враждебнымъ германскому единству за-Рейнскимъ вліяніемъ, и революціонною европейскою партіею, которая, въ своимъ задорѣ слѣпо поддерживала иноземныя домогательства. Послѣ торжества прусскаго оружія въ 1866 г., нынѣ масса вліятельной публики, устремилась къ давно желаемой цѣли *единства Германіи* и она совершенно настроена къ тому, чтобы стать подъ знамена Пруссіи, словомъ—стать пруссаками.

Литература въ Германіи, особенно въ Пруссіи, послѣ событій 1846 и 1848 годовъ, тщательно разработала польскій вопросъ. Поляки закупленными перьями и собственными трудами обогатили тоже нѣмецкую литературу своими произведеніями, стараясь запутать и усложнить вопросъ вплетеніемъ въ него либерализма, гуманности, прогресса, цивилизаціи, толеренціи; но разрабатываемыхъ съ чужеядной точки зрѣнія польскаго деспотизма. Полонизмъ старался поддержать тьму и мглу надъ польскими дѣлами; но его домогательства, вызывая новыя опроверженія, способствовали къ выясненію того, что только въ клерикально-шляхетскихъ стремленіяхъ собственно заключается и сущность полонизма.

Обязательныя разъясненія и свѣдѣнія отъ лицъ, ближе слѣдившихъ за ходомъ *польскихъ дѣлъ* въ Пруссіи, дополняя печатанныя сочиненія, даютъ возможность, въ краткомъ очеркѣ, нѣсколько ознакомить съ послѣдовательными фазисами, чрезъ которые польскій вопросъ прошелъ въ Пруссіи, тѣхъ русскихъ читателей, которымъ онъ мало извѣстенъ.

Съ самаго начала водворенія Тевтонскаго Ордена, нѣмецкій порядокъ встрѣтился съ польскою неурядицею и пруссаки усиливались польскими владѣніями, растериваемыми съ обычнымъ легкомысліемъ и беапечностью. Въ началѣ XIII вѣка, рицари обратили вниманіе на порядочную обработку полей и для германскихъ переселенцевъ учредили училища; въ 1387 г. былъ уже учрежденъ университетъ въ Кульмѣ (1); Орденъ водворялъ благоустройство въ собственныхъ владѣніяхъ и множилъ свои богатства, возвращаясь съ богатою добычею послѣ своихъ набѣговъ на сосѣдей. Огромную наживу Ордену, приглашаемому *Витовтомъ*, давалъ грабежъ русско-литовскихъ городовъ, обогатившихся при

---

(1) По польски Хельмно, ниже Торна по теченію Вислы.

Ольгердѣ. Съ огнемъ и мечемъ духовный орденъ вносилъ р. католицизмъ въ среду литовцевъ и съ награбленными сокровищами возвращался въ свои замки.

Въ началѣ XV вѣка, орденъ владѣлъ одною изъ населеннѣйшихъ странъ Европы; ежегодные его доходы простирались до 800,000 рейнск. гульденовъ. Съ принятіемъ протестантства (1525 г.), владѣнія Ордена обратились въ герцогство *Прусское* подъ властью Гогенцоллерновъ, дома маркрафовъ брандебургскихъ, и въ ихъ столицѣ Кенигсбергѣ былъ учрежденъ университетъ (1540). Области, раскинутыя, разъединенныя, постепенно увеличивались наслѣдствомъ, покупкою (1) и войною. Ихъ владѣтели съ 1700 г. приняли титулъ королей прусскихъ.

Фридрихъ Великій отъ Австріи пріобрѣлъ Силезію; но для полноты округленія географическаго плана, Пруссіи были нужны польскія владѣнія. Еще важнѣе было для Пруссіи уничтожить черезполосицу, которая отдѣляла восточныя провинціи отъ западныхъ. Для пруссаковъ очевидно стало, что Пруссія будетъ тѣмъ могучѣе, чѣмъ Польша будетъ слабѣе. Кромѣ того, давно уже росло негодованіе нѣмцевъ противъ поляковъ: „поляки были поводомъ къ оторванію Лотарингіи отъ Германіи, поляки въ тѣхъ сосѣднихъ округахъ, заселенныхъ нѣмцами, которые попадали подъ власть Рѣчи Посполитой, безжалостно лишали ихъ охранительныхъ правъ, исповѣданія и языка; а за то, нѣмецкіе округи, однажды въ составѣ Польши, были продаваемы на равнѣ съ остальнымъ краемъ польскою аристократіею, которая, изъ высокомѣрія и вражды, даже и иноземнымъ врагамъ отворяла врата отчизны (2). Округи, въ которыхъ 400 л. слышался исключительно одинъ нѣмецкій языкъ, были насильственно полонизированы при преслѣдованіи диссидентовъ, а дабы лишить нѣмцевъ права возмездія за вѣковыя насилія, польскіе историки прокричали даже, что тамъ нѣмецкаго элемента никогда никакого не было. Польша до самаго своего паденія, къ своимъ сосѣдямъ, а именно къ Пруссіи

(1) Такъ Бранденбургъ и Неймаркъ были куплены у венгерскаго короля въ 1402 г. за 63,000 гульденовъ; въ 1697 г. городъ Кведлинбургъ съ аббатствомъ былъ купленъ за 300,000 талеровъ.

(2) «Польска аристокрація сгубила и просто спршедала край пршезъ думенъ и хцивосць, пршезъ ненависць сама отворжила встемпъ непршіяціоломъ» (Obraż Towarżystwa demokratycżnego polskiego. 1849 p. 42).

и Россіи питала постоянно то явную, то затаенную вражду.“ (1).

Фридрихъ Великій видѣлъ необходимость, для прочности прусской монархіи, слить новыя области съ коренными прусскими не только тѣломъ, но и душою. Онъ открылъ полный въ нихъ доступъ нѣмецкому населенію, при своей густотѣ устремившемуся въ пріобрѣтенный, менѣе населенный край, въ которомъ трудъ вознаграждался быстрыми и богатыми доходами. Въ страну неурядицы, произвола, самоуправства и невѣжества, пруссаки вносили свои порядки, законность и образованіе.

Переселявшимся нѣмцамъ было предоставлено заселять пустоши и лѣсистыя мѣстности и обращать ихъ въ земледѣльческія, устраивать города, заводить фабрики, оживить торговлю и промыслы (2). Правительство заботилось о народномъ образованіи и о повсемѣстномъ введеніи власти закона. Мѣры прусскаго правительства постоянно истекали изъ его заботъ о хозяйственно-экономическомъ устройствѣ страны. Любопытно, что еще за три года до перваго раздѣла, Фридрихъ Великій поручалъ *Домгарту*, оберъ-президенту камеры въ Кенигсбергѣ, изъ подъ руки собрать подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи прилегающихъ къ прусскимъ границамъ польскихъ округовъ (3), и, за годъ до раздѣла, *Домгартъ* получилъ отъ короля подробную инструкцію по проэкту новаго устройства будущихъ пріобрѣтеній. Фридрихъ Великій заключаетъ свое письмо отъ 6 октября 1771 словами: „Вышесказанное должно быть сохраняемо въ тайнѣ, пока мы не вступимъ во владѣніе, что скоро должно случиться; но тогда должно быстро приняться за работу, особенно тотъ часъ надо имѣть чиновниковъ въ готовности, потому что намъ нужно получать деньги (4).“

Пруссія приняла туземное населеніе въ нищетѣ, подъ тяжкимъ гнетомъ самоволія господствовавшей касты (5). „Пришлецы-шляхта, водворивъ свою власть надъ туземцами славянскаго племени, присвоили себѣ землю (Grund und Boden), а жителей обратили въ рабовъ, какъ спартанцы илотовъ. Строенія, скотъ

(1) Das G. H. Posen und die Polen p. 12.
(2) Das Grossherzogthum Posen und die Polen. Berlin 1361. p. 10.
(3) Kabinetsordre an den Kammerherr Johann Fridrich von Domhardt den 22 Oct. 1769. — Das enth. Posen H. 11 p. 19.
(4) Тамъ же, p. 22.
(5) Das G. H. Posen, p. 68.

даже земледѣльческія орудія были собственностью пана; для прокормленія онъ предоставлялъ крестьянину клокъ земли, да и тотъ онъ увеличивалъ, уменьшалъ и отымалъ вовсе, по собственному произволу. *Дюмурье*, въ своихъ депешахъ 1770 г. къ герцогу *Шуазелю* именуетъ поляковъ азіатами Европы (1). По словамъ того же *Дюмурье*, съ каждымъ новымъ выборомъ короля, росли подкупы и продажность (2). Какою широкою канвою для вышиванія польскою хвастливостью и польскою ложью заманчивыхъ картинъ патріархальнаго быта и блаженства населенія, можетъ служить то обстоятельство, что когда Фридрихъ Великій, приступилъ къ перемѣнамъ, то населеніе уже до того оскотинилось (war so verthiert), что эти несчастные объявили, что согласны лучше терпѣть все по старому, чѣмъ идти на нововведенія (3). Паны пугали своихъ крестьянъ рекрутскою повинностью. Штаты прусской арміи мирнаго времени были увеличены на 6,600 ч., которые должны были поступить отъ вновь пріобрѣтенныхъ земель (4).

Пруссія получила польскія земли въ самомъ жалкомъ положеніи. По всей странѣ не было фабричной промышленности, которая всюду обвиваясь вокругъ земледѣльческой, должна оживлять земледѣліе и сельское хозяйство. Въ панскихъ экономіяхъ былъ одинъ расходъ на управляющаго для надзора; весь остальной приходъ поступалъ въ чистую прибыль. При даровомъ трудѣ, прочно держалась старинная система, по которой доходы выжимались изъ работы, мертвящей изнуреннаго хлѣбопашца, а не росли отъ живительной силы улучшенія его быта трудолюбіемъ и отъ труда, занятій, образованія, изученія дѣла и оборотливости самихъ землевладѣльцевъ. Скотоводство было въ самомъ жалкомъ состояніи. Отъ обращенія всей рабочей силы къ наибольшему полученію зерна, при жалкихъ способахъ и средствахъ воздѣлыванія полей, произведенія края кромѣ хлѣба, заключались только въ лѣсѣ, поташѣ, воскѣ и медѣ, которые не требуютъ при добываніи особыхъ трудовъ и попеченій (5).

---

(1) p. 17. (2) Тамъ же и въ сочиненіи „la viedu général Dumouriez. Paris 1822, T. I. p. 235. Guerre de Pologne, 1770.

(3) D. G. H. Posen p. 62.

(4) Das enthüllte Posen H. 2, p. 21.

(5) Das G. H. Posen p. 62

При такомъ положеніи дѣлъ, одному шляхетству было только доступно какое нибудь развитіе; но оно не знало, что съ землевладѣніемъ на немъ лежатъ и обязанности относительно родины; оно не понимало дѣйствительныхъ ея интересовъ, не знало источниковъ ея обогащенія и благоденствія; а потому оно свои земли отдавало въ управленіе въ наемныя руки. Высокому шляхетству былъ чуждъ бытъ родины, и оно искало только такого образованія, чтобы разыгрывать роль на шляхетскихъ сборищахъ. Паны отправлялись за границу и, всегда легкомысленно, гоняясь только за удовольствіями, наслаждались тѣмъ, что безъ всякаго расчета расточали свои доходы, и часто переходили за свои средства; а за вельможными магнатами тянулось и остальное шляхетство. Слѣдствіемъ подобной жизни было господство въ средѣ польскаго панства того гибельнаго понятія, что ему не пристойно заниматься своими домашними дѣлами, что ему подобныя занятія не дѣлаютъ чести, такъ какъ оно призвано къ высшей дѣятельности, а относительно веденія хозяйства въ имѣньяхъ, то на то существуютъ управляющіе— *комисаржы* (1).

Польша вовсе не имѣла образованныхъ, знающихъ дѣло сельскихъ хозяевъ ни въ помѣщикахъ, ни въ *комисаржахъ*. Какихъ успѣховъ могли достигать эти комисаржы въ наукѣ сельскаго хозяйства, когда постоянное требованіе денегъ панами, разрушало всякіе экономическіе разчеты; да къ тому еще, при произволѣ пановъ, каждый комисаржъ имѣлъ въ виду, пользуясь отсутствіемъ надзора, набить себѣ поскорѣе карманы. При польскомъ хозяйствѣ, имѣнья не могли выдержать конкуренціи съ сосѣдями, а роскошь увеличивалась; съ нею увеличивалась и постоянная нужда въ деньгахъ. Помѣщикъ находилъ для себя обузою повѣрять комисаржа, комисаржъ воровалъ и грабилъ; имѣнья требовали денегъ для поддержанія хозяйства; но деньги забиралъ владѣлецъ. Деньги изчезали изъ страны, а это тѣмъ болѣе убивало промышленность, что изчезалъ и всякій кредитъ, вслѣдствіе взятокъ и другихъ средствъ, которыми паны обращали суды и судей въ свидѣтелей бездѣйствующихъ или потворствующихъ беззаконіямъ и неправдѣ (2).

Офиціальное донесеніе 1773 года о состояніи областей отошедшихъ къ Пруссіи въ заключеніе приводитъ:

---

(1) p. 63. (2) Тамъ же.

„Породы скота дурны, земледѣльческіе орудія въ высшей степени не удовлетворительны, поля истощены, покрыты сорными травами и камнями, сѣнокосные луга оболотились. Лѣса, для скорѣйшей ихъ распродажи, рубятся въ безпорядкѣ и опустошены. Бывшіе укрѣпленные города, извѣстные подъ именемъ замковъ, представляютъ развалины; въ такомъ же видѣ находятся мѣстечки и деревни, въ которыхъ жилища изъ глины и соломы едва ли могутъ казаться приспособленными для обитанія ихъ людьми. Населеніе уменьшается; заботы о правосудіи равны заботамъ управленія. Крестьянское сословіе погибаетъ, а мѣщанъ вовсе не осталось. Въ Нецкомъ округѣ совершенная пустыня, въ городѣ Бромбергѣ едва осталось 800 жителей, въ немъ стоятъ лѣсъ и болото, а судя по давнему нѣмецкому кладбищу, городъ долженъ былъ имѣть прежде многочисленное населеніе (1).“

Фридрихъ Великій немедленно принялся за переустройство страны (2); „въ ней отражались вся анархія, неурядица и безпорядки, которые должны господствовать между варварами, погрязшими въ невѣжествѣ и тупоуміи (3).“

Прусское правительство начало съ установленія правильныхъ границъ и кадастра участковъ, для правильнаго распредѣленія налоговъ, согласно принятыхъ основаній для прочихъ областей Пруссіи. Король приказалъ, каналомъ отъ Накеля до Бромберга, соединить Нетцу съ Вислою. Онъ стоилъ 700,000 талеровъ; но за то было установлено прямое сообщеніе съ центральными прусскими областями по рѣкамъ Одеру, Гавелю и Эльбѣ. Но главная выгода была та, что каналъ осушилъ болота на огромномъ пространствѣ земли, которое было отдано нѣмецкимъ переселенцамъ. Заброшенныя, непроизводительныя, пагубныя для здоровья жителей болотистыя пустыни, обратились въ богатую производительную почву, на которую устремились нѣмцы колонисты.

---

(1) P. 66.

(2) На счетъ польскаго домашняго быта, описываемаго самими поляками того времени, авторъ сочиненія: «Das G. H. Posen und die Polen» указываетъ на «Zarysy domowe» *Wojcisk*'аго Т. III, изъ котораго были помѣщены извлеченія въ «Provin. Blättern des G. H. Posen, 1846 5 H. p. 282.

(3) «Tout s' y ressentait de l'anarchie, de la confusion et du désordre, qui doivent régner chez un peuple barbare, croupissant dans l'ignorance et dans la stupidité.» Oeuvres posthumes de Frédéric le Grand 1786, T. III, p. 218.

Имъ были розданы всѣ заброшенные пустыри съ болотами, песками, и опустошенными лѣсами. Почва была осушена канавами, на непроизводительныхъ пескахъ сѣяли, по указанію правительства, особаго рода свекловицу, которая сгнивая въ пескѣ, давала на первый случай растительность для скота, и тѣмъ положила начала къ обращенію ихъ дальнѣйшимъ удобреніемъ въ плодородныя поля. Въ большихъ староствахъ хозяйственныя постройки разваливались и правительство употребило болѣе 300,000 талеровъ для приведенія ихъ въ должный порядокъ. Участки этихъ казенныхъ земель раздавались арендаторамъ-нѣмцамъ, которые являлись туда съ своими помощниками, тоже нѣмцами.

Пруссія нашла города въ плачевномъ состояніи. Такъ, въ Кульмѣ, нѣкогда подвластномъ тевтонскимъ рыцарямъ, остались только хорошія городскія стѣны и стояли богатые костелы; но улицы состояли только изъ подваловъ, нѣкогда бывшихъ зданій. Большую площадь окружали 40 домовъ; но изъ нихъ 28 стояли безъ крышъ, безъ оконъ, безъ дверей.

Правительство озаботилось наполнить страну аптекарями и разными ремесленниками, какъ то: кузнецами, столярами, каменьщиками и т. п., портной считался даже рѣдкостью. Фридрихъ Великій, хозяйственно устраивая страну, изъ еврейскаго населенія, бывшихъ подданныхъ короля польскаго, 4.000 семействъ въ брикахъ выпроводилъ къ нему обратно въ Польшу (1), которыя нищенствовали, раззоряли или обкрадывали крестьянъ (2). Города обстроивались, торговля, шедшая на польскій городъ Данцигъ, была направлена на Эльбингъ, который особенно выигралъ, отъ прусскихъ нововведеній. Данцигъ отпускалъ за море 7,000.000 шофелей зерна, а въ концѣ столѣтія онъ отпускалъ только 2,000,000. Казна пріобрѣла съ новыми владѣніями 5,000,000 талеровъ; изъ нихъ 2,000,000 составляли подати, а остальные дали учрежденный банкъ, акцизъ и продажа табаку. „Такъ финансовая система, послѣдовательно, отъ отца къ сыну. усовершенствуемая, пишетъ Фридрихъ Великій, можетъ измѣнить положеніе государства, и изъ бѣднаго обратить его въ достаточно богатое, чтобы положить свое зерно на чашу вѣсовъ, находящихся въ рукахъ могуществен-

(1) Das G. H. Posen und die Polen p. 67.

(2) „Qui gueusaient ou volaient les paysans.“ (По исправлен. подлиннику изданію Oeuvres posth. 1847 г. T. IV p. 88); въ изданіи 1789 г. вмѣсто gueusaient читаемъ mendiaient T. III p. 259.

нихъ монарховъ Европы“ (1). По заключеніи еще губертсбургскаго мира (1763 г.), Фридрихъ Великій отозвался, что Пруссія имѣла полное вліяніе на дѣла, потому что когда, отъ предшествовавшихъ войнъ, казна европейскихъ государствъ была пуста, одна Пруссія имѣла наличныя деньги, всегда сберегая въ сундукахъ казначейства доходы съ цѣлаго года (2).

Условія государственной жизни вырабатывались общественнымъ развитіемъ, и вопросъ *крѣпостнаго* права, въ средніе вѣка прочно утвердившагося въ Германіи, вырабатывался весьма медленно. Еще въ минувшемъ столѣтіи курфирстъ гессенскій продавалъ своихъ подданныхъ американскимъ хозяевамъ. Предъ прусскимъ правительствомъ сталкивались противурѣчивыя воззрѣнія: съ одной стороны понятія о законности постепенно вытѣсняли понятія о самоуправствѣ и принимали подъ свою защиту низшія сословія, подчиненныя своеволію владѣтелей; съ другой стороны государственное богатство и могущество были въ прямой зависимости отъ производительности страны; а основанія производительности опирались на крѣпостномъ правѣ. Существованіе крѣпостнаго состоянія зависѣло отъ степени развитія науки сельскаго хозяйства; когда она была въ младенческомъ состояніи, до тѣхъ поръ правительство, въ составъ котораго входили землевладѣльцы, представители своихъ интересовъ, могло только облегчать судьбу крестьянина, ограниченіемъ своеволій, неразлучныхъ съ крѣпостнымъ правомъ. Внимательный глазъ Фридриха Вильгельма, (1640—1688), извѣстнаго подъ именемъ великаго курфирста, замѣтилъ, что съ усовершенствованіемъ земледѣлія и раціональнаго веденія хозяйства въ частныхъ имѣніяхъ, свободный трудъ заявлялъ себя гораздо производительнѣйшимъ, нежели обязательная работа. Тогда Фридрихъ Вильгельмъ, этотъ знаменитый устроитель будущаго Прусскаго королевства, сталъ неутомимымъ покровителемъ водворенія раціональнаго земледѣлія и народныхъ промысловъ. Послѣ ряда постановленій, ограждающихъ собственностъ и трудъ крѣпостнаго крестьянина, въ 1738 году онъ былъ избавленъ отъ тѣлесныхъ наказаній помѣщиковъ, „которые варварски и безбожно палкою и плетью подгоняютъ работниковъ, какъ скотину;“ въ 1763 году 29 іюня крѣпостное право было прекращено; но эти постановленія не каса-

(1) Oeuv. posth. 1789 T. III p. 270.
(2) Тамъ же, p. 167.

вись ни такъ называемой Восточной Пруссіи, ни областей перешедшихъ изъ подъ власти Польши, и помѣщикъ въ Помераніи могъ еще промѣнивать семью крестьянъ на стаю гончихъ (1). Фридрихъ Великій, въ 1780 г., выразился, что „тамъ нельзя единовременно, разомъ прекратить позорное крѣпостное состояніе, потому что съ нимъ погибли бы и тамошнія земледѣльческія хозяйства;“ тамъ народъ почитался развратнымъ, лѣнивымъ и непослушнымъ. Во время, наступившее для измѣненія крѣпостнаго права въ Прусскомъ королевствѣ, восточныя области съ вновь отошедшими отъ Польши округами, имѣли сельское низшее сословіе, одинаково какъ и въ Рѣчи Посполитой, сильно преданное пьянству, въ то время какъ этимъ порокомъ мало страдали водворившіеся нѣмцы ремесленники по городамъ, и онъ былъ совершенно неизвѣстенъ между евреями. Въ западныхъ же областяхъ, среди нѣмецкаго населенія, явленія были обратныя; такъ, равно какъ и въ Россіи, въ недавнее время уничтоженія крѣпостнаго права, если проявлялся разгулъ пьянства, то онъ относился къ городскому населенію, преимущественно къ фабричнымъ мастеровымъ, и едва былъ замѣтенъ между сельскимъ сословіемъ землепашцевъ.

Эти явленія намъ русскимъ понятны. Въ германскихъ областяхъ Прусскаго королевства, равно какъ и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, дворянство, вышедшее изъ среды народа, съ нимъ не разрывало связи, въ то время какъ въ областяхъ восточной Пруссіи и въ Польшѣ, землевладѣльцы, какъ пришлецы, почитали себя не особымъ высшимъ сословіемъ, а особою отъ простолюдина расою; а въ этотъ промежутокъ втерлось еврейство, которое водворило развратъ въ сельское населеніе, искушая его пьянствомъ и ободряя воровство.

По принятіи Пруссіею новыхъ областей, въ нихъ были немедленно заведены почты и юстицъ-коллегіи; множество законовъ, сколько странныхъ, столько и нелѣпыхъ (extravagant), были отмѣнены или передѣланы. Для высшей апелляціи, указанъ берлинскій верховный трибуналъ. Въ староствахъ новопріобрѣтенныхъ владѣній, крестьяне, съ Тройцына дня 1773 года, были объявлены свободными. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крѣпостное право осталось; но крестьяне были взяты подъ защиту правительства. Съ распространеніемъ въ новыхъ областяхъ прусскаго законодательства,

(1) Das enth. H. Posen 2. p. 24.

страхъ уголовныхъ законовъ, которыхъ строгость была настойчиво поддерживаема, наложили узду польскому самоуправству. *Крестьянину принадлежитъ только то, что онъ пропиваетъ*, такова была поговорка въ панскихъ экономіяхъ. Его жизнь, его пожитки, честь его жены и дочери принадлежали дикимъ страстямъ пана, или имъ поставленнаго комисаржа. Прусскій законъ оградилъ крестьянина отъ этого варварскаго безобразія. Вслѣдъ за водвореніемъ прусской власти, помѣщикъ убилъ крестьянина. Паны считали невозможнымъ, чтобы за смерть хлопа правительство наказало бы виновнаго иначе, какъ денежнымъ штрафомъ; но король утвердилъ приговоръ: пану, какъ *убійцѣ*, была отсѣчена голова. Такой примѣръ разомъ привелъ шляхту къ сознанію силы прусскало закона (Rechtbewusztsein), и крестьяне поняли, что они стали подъ такую защиту, о которой они не имѣли никакого понятія, о возможности которой они и не догадывались (1). Низведенный до домашняго скота, трудолюбивый по природѣ, крестьянинъ былъ дѣйствительно обращенъ въ животное пресмыкающееся, лживое, пьяное, развратное, лѣнивое и вороватое, и, послѣ двухъ человѣческихъ вѣковъ, при всей заботливости правительства о его образованіи, объ обезпеченіи его правъ на собственность, трудъ и честь, все еще не совершенно изгладились слѣды его давняго униженія (2).

Рядомъ съ устройствомъ страны и обезпеченія ея жителей, Фридрихъ Великій приступилъ къ народному образованію. Новыя понятія были внесены въ молодое поколѣніе, дабы его изъ польскаго обратить въ прусское. Фридрихъ Великій зналъ всю хвастливость польской интеллигенціи; паны, съ грѣхомъ по поламъ пріобрѣтая нѣсколько свѣтскато лоска, считали себя людьми высшей цивилизаціи. Король съ перваго разу обломалъ рога самохвальству, и не только называлъ своихъ новыхъ подданныхъ *ирокезами*, но огласилъ это, имъ данное прозвище на всю Европу.

Фридрихъ Великій тотчасъ обратилъ вниманіе на воспитаніе женщинъ, дабы въ домашней хозяйственной дѣятельности, онѣ искали занятій, а не упражнялись бы въ общественныхъ сплетняхъ и политическихъ интригахъ и козняхъ. Въ польскомъ быту, при порученіи всего хозяйства *охмистрынямъ*, комисаржамъ въ

---

(1) D. G. H. Posen. p. 67.
(2) Тамъ же.

юбкахъ, водворялась такая неурядица, что нѣмцы опредѣляли ее прозвищемъ: *польское домоводство.* Въ Кульмѣ было основано на 50 дѣвицъ учебное заведеніе, съ строгимъ выборомъ отличныхъ учителей. 187 училищъ были распредѣлены по вновь присоединеннымъ областямъ, съ жалованіемъ отъ правительства (1). Нѣмецкій языкъ сталъ необходимою потребностью. „Надежнѣйшее средство, писалъ король камеръ-президенту *Домгарту*, 1-го апрѣля 1772 г., для введенія среди невольничьяго люда (sklavischen Leutchen) лучшихъ понятій и исправленія ихъ нравовъ, состоитъ въ томъ, чтобы перемѣшать ихъ съ нѣмцами, поселивъ таковыхъ въ каждой деревнѣ на первый случай, хотя бы по два или по три семейства;" а 16 іюля король писалъ: „стараться назначить учителей нѣмцевъ по мѣстечкамъ и деревнямъ, и польское населеніе по возможности перемѣшивать съ нѣмецкимъ." Чрезъ два дня, (18 іюля) король снова писалъ Домгарту „озаботиться объ устройствѣ сельскихъ школъ (Landschulen) и о назначеніи въ нихъ учителей нѣмцевъ." Король видимо торопился устроить заведенія для народнаго образованія. Въ помощники къ *Домгарту*, Фридрихъ Великій назначилъ графа *Гойма*. Гдѣ населеніе имѣло хотя бы и въ слабомъ меньшинствѣ нѣмцевъ, тамъ были вездѣ учреждены нѣмецкія школы, а польскія были учреждены въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе исключительно состояло изъ жителей, говорящихъ попольски. Число школъ заведенныхъ въ этихъ польскихъ округахъ указываетъ, что правительство далеко не останавливалось предъ численнымъ отношеніемъ польскаго и нѣмецкаго населеній; нѣмецкихъ школъ было 104, а польскихъ 83 (2). Въ учители назначались для протестанскихъ училищъ бывшіе воспитанники реальнаго и другихъ берлинскихъ училищъ, для нѣмецкихъ католиковъ законоучители назначались изъ Силезіи, а для польскихъ было поручено выбрать изъ экс-іезуитовъ (3). Король предпочелъ іезуитовъ; они, проводя свои интересы, совершенно были равнодушны къ интересамъ польскимъ, и при новомъ положеніи дѣлъ, искали расположить къ себѣ правительство, заслужить его довѣренность и ревностно нашептывали ему о всякихъ патріоти-

---

(1) Королевское повелѣніе отъ 20 февраля 1776 года; Das enthul. Posen H. II p. 34.
(2) Das enth. Posen № 11, p. 34.
(3) Das G. H. Posen und die Polen p. 68.

ческихъ козняхъ духа оппозиціи, которыя ковались въ подпольныхъ ксендзо-шляхетскихъ сферахъ.

Слѣдствіемъ направленія даннаго Фридрихомъ Великимъ было то, что семейства, которыя сохранили въ пріобрѣтенныхъ областяхъ протестанство, тотчасъ примкнули къ новому отечеству, и не смотря на польскія свои фамиліи, до того стали разполячиваться, что нѣмецкій языкъ сталъ ихъ языкомъ домашнимъ и ихъ потомки въ послѣдовавшихъ наполеоновскихъ войнахъ стояли въ ряду самыхъ вѣрноподданнѣйшихъ пруссаковъ (1). Не то было съ р. католиками, которые своими козням всюду старались перечить прусскимъ нововведеніямъ. Мѣстная, затаиваемая польская стряпня возбуждала въ королѣ, до самой его кончины, только досаду и нерасположеніе къ представителямъ полонизма (2). Конечно, для Пруссіи изгнаніе полонизма изъ пріобрѣтаемыхъ областей, было вопросомъ первенствующей важности; но кромѣ того въ высокообразованномъ Фридрихѣ Великомъ грубое невѣжество и нахальство, стремленіе къ своеволію, отвращеніе отъ труда и безграничная хвастливость, съ безалаборностью во всѣхъ отношеніяхъ, вселяли глубокое омерзѣніе. Литература польской справы представляетъ Фридриха Великаго коварнымъ гарпагономъ, раскидывающимъ самыя хитрыя, замысловатыя силки *рыцарскому, доблестному, патріархальному, вѣротерпимому, человѣколюбивому и просвященному полонизму* (3).

До перваго раздѣла Польши, Фридрихъ Великій былъ уже знакомъ съ отвращеніемъ шляхты отъ всякаго развитія благосостоянія страны, по тѣмъ образчикамъ польскаго быта, хозяйства, домоводства, которое сохранялось во владѣніяхъ Пруссіи, прежде уже пріобрѣтенныхъ отъ Польши. Король питалъ величайшее презрѣніе къ польскому обществу, считалъ его постоянно крамольнымъ, просто изъ любви къ искуству, малонадежнымъ къ исисправленію; онъ, потому, не останавливался передъ средствами — очищать отъ него свои владѣнія. Заносчивость шляхетства увлекала его въ самыя простыя ловушки, которыя были ему раставлены Пруссіею. Правительство учредило банкъ, подъ залоги поземельной собствености, дававшій ссуды; безъ большихъ

(1) Corvin—Wiersbitski: „Aus dem Leben eines Volkskämpfers.“ T. I. Ch. I, II, III und VI. H. II.

(2) Das G. H. Posen und die Polen.

(3) Das enth. Posen.

формальностей, но строгій для взысканій. Паны брали деньги, расточали ихъ; а нѣмцы покупали имѣнья, продаваемые съ молотка и получали ссуды отъ казны на весьма выгодныхъ условіяхъ. Обрадованные легкою получкою денегъ изъ банка, паны расточали ихъ на пиры, и чтобы бросить пыль въ глаза нѣмцамъ, украшали свои палацы, заводили парки съ разными затѣями и щеголяли богатствомъ своихъ экипажей (1). Фридрихъ Великій имѣлъ своего человѣка, графа *Кейзерлинга*, временнаго владѣтеля Энгельсбургскаго староства, въ средѣ собравшагося шляхетства для официяльнаго ему объявленія о поступленіи подъ власть Пруссіи. Изъ письма Фридриха Великаго къ камеръ-президенту *Домгарту*, отъ 6-го іюня 1772 года, видна роль, которую король назначалъ графу *Кейзерлингу*: „Первое слово вы дадите воеводамъ и старостамъ. Если подъ предлогомъ, что Рѣчь Посполитая еще не утвердила уступки (2), они уйдутъ изъ собранія или станутъ затрудняться въ принесеніи присяги, то немедленно наложите запрещенія на ихъ воеводскія и старостскія имѣнія и посадите администраторовъ. При этомъ графъ *Кейзерлингъ* будетъ вамъ особенно полезенъ, если онъ первый откажется подчиниться и принести присягу. Я пойму графа *Кейзерлинга*, такъ что онъ отъ того ничего не потеряетъ (3).

Графъ *Кейзерлингъ* удачно разыгралъ свою роль и оказалъ большую услугу прусскому правительству. Въ повелѣніи короля (7-го октября 1772 г.) сказано:

„Староства — безспорно имѣнья казенныя, а какъ большая часть старостъ устранились отъ принесенія присяги, то они потому уже само собою потеряли всякое право на то, чтобы я былъ обязанъ утвердить староства за нынѣшними владѣльцами“ (4). Король не забылъ графа *Кейзерлинга*, его староство было отъ него отобрано на равнѣ съ другими; но король повелѣніемъ Домгарту назначилъ ему по 500 талеровъ въ мѣсяцъ, его сыну пожаловалъ 1,200 талеровъ пенсіи; изъ кавалерійскихъ поручиковъ въ 1784 году сдѣлалъ его камергеромъ, и въ собственноручномъ письмѣ напомнилъ ему, что онъ „принадлежитъ семейству, кото-

(1) Das G. H. Posen p. 100. Рус. Вѣст. 1864, № 10.
(2) Договоръ между Пруссіею и Рѣчью Посполитой былъ подписанъ 18-го сентября 1773 года.
(3) Das enth. Posen. H. II. p. 26.
(4) Тамъ же.

раго ревность ему извѣстна.“ Послѣ окончательнаго раздѣла, *Кейзерлинги* за 40,000 талеровъ получили имѣнье съ 6,000 годоваго дохода.

Король далъ направленіе системѣ, которой потомъ неизмѣнно слѣдовало прусское правительство. Съ одной стороны водвореніемъ нѣмцевъ, нѣмецкаго языка, нѣмецкаго образованія, нѣмецкаго законодательства, нѣмецкой администраціи, со всѣхъ концевъ во внутреннюю жизнь края проникали нѣмецкіе элементы; съ другой стороны, постоянно ослабляя польскіе элементы, Пруссія послѣдовательно изгоняетъ ихъ изъ страны до совершеннаго исчезновенія. Прусское правительство, для приведенія къ политической кончинѣ самаго полонизма, за краегульный камень приняло землевладѣніе. Рядомъ крутыхъ мѣръ правительство поставило водворенное имъ нѣмецкое землевладѣніе на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что нынѣ, поддерживая только духъ нѣмецкаго населенія всѣмъ правительственнымъ вліяніемъ, оно предоставило дальнѣйшую борьбу между германизмомъ и полонизмомъ борьбѣ частныхъ интересовъ. Польская интеллигенція, сильная выработаннымъ искусствомъ веденія конспиративныхъ козней, несостояльна въ борбѣ на почвѣ развитія дѣйствительныхъ, живительныхъ стихій страны. Прусское правительство нынѣ уже спокойно можетъ выжидать послѣдовательное изнеможеніе полонизма, а на всякія попытки поляковъ къ тому, чтобы хотя робко напомнить, что въ Пруссіи есть особая польская національность, оно отвѣчаетъ, что *Пруссія въ своихъ предѣлахъ не знаетъ никакихъ поляковъ, а знаетъ только однихъ пуссаковъ.* Такова участь полонизма въ бывшихъ коренныхъ польскихъ областяхъ.

Фридрихъ Великій первоначально постановилъ уравнять польское духовенство съ духовенствомъ Силезіи, которое за свои имѣнія платило подати 50% изъ прихода. Духовенство было приглашено объявить количество имъ получаемыхъ доходовъ. Вслѣдъ за тѣмъ „дабы духовенство, по словамъ королевскаго повелѣнія отъ 2 ноября 1772 г., не было развлекаемо хозяйственными заботами и отрываемо отъ своихъ обязанностей духовнаго его призванія,“ его имѣнья были отобраны и переданы въ казенное управленіе; а духовенству уплачивалась половина дохода изъ казначейства. При этомъ духовенству пришлось поплатиться за старые грѣхи своего прежняго хозяйственнаго управленія. Нѣмцы, для приведенія сельской экономіи въ раціональный порядокъ, начали обстраивать имѣнья и снабжать

ихъ всѣмъ необходимымъ. Эти расходы были вычитаемы при выдачѣ половины чистой прибыли. Доходъ съ имѣній началъ быстро возрастать; но дабы польское духовенство не пользовалось плодомъ трудовъ и знанія дѣла нѣмцевъ, то, по королевскому повелѣнію, при уплатѣ принимался въ расчетъ только доходъ первоначально показанный духовенствомъ; а за тѣмъ на пріумноженіе этихъ доходовъ оно права не имѣло (1).

Вслѣдствіе королевскаго повелѣнія отъ 7 октября, всѣ безъ исключенія староства были отобраны въ казну; изъявившимъ согласіе на присягу было за одинъ разъ выплачено 500,000 тал. и за тѣмъ всякія дальнѣйшія ихъ притязанія и расчеты съ ними прекращены (2). Король желалъ, чтобы польскіе помѣщики сами удалялись изъ его владѣній. Имѣнья протестанскихъ владѣтелей были обложены поземельною податью въ 20% изъ чистаго дохода, а на помѣщиковъ римскаго исповѣданія налогъ былъ опредѣленъ въ 25 проц. (3), при чемъ, во время производимаго кадастра, было объявлено, и вслѣдъ за тѣмъ снова подтверждено, что если кто либо утаитъ какой либо участокъ, или оброчную статью, то таковые, при обнаруженной утайкѣ, будутъ конфискованы въ казну (4). Но еще важнѣе для польскаго хозяйства было постановленіе, которое носило печать того, что правительство, якобы, гораздо снисходительнѣе къ шляхетству, нежели къ крестьянскому сословію. На крестьянъ, безъ различія исповѣданія, былъ назначенъ одинаковой налогъ въ 33⅓ проц. (5), что повлекло за собою совершенный переворотъ въ панскихъ экономіяхъ и вышибло изъ сѣдла всякую ихъ находчивость. Доселѣ, кромѣ подводъ, набираемыхъ во время затѣиваемыхъ шляхетствомъ конфедерацій, крестьянинъ зналъ только одну повинность въ казну; онъ ежегодно платилъ по одному злотому съ дыма. При такой ничтожной подати, паны дѣйствительно могли вести свое хозяйство такъ, чтобы *собственность крестьянина заключалась вся въ томъ, что онъ пропиваетъ*. Съ установленіемъ налога на крестьянъ, различнаго отъ панскаго, при ка-

(1) Das enthüllte Posen.

(2) Oeuvres posth. T. III. p.

(3) Русскій Вѣстникъ 1864 г. N. 10 октябрь. стр. 729; „Das enthüllte Posen H. II, p. 30.“ „den evangelischen Edelleuten habe S. K. M. 5% an die Kontribution erlassen mit hin sind selbe nur zu 20% angesetzet.“

(4) Das enthüllte Posen H. II. p. 30. (5) Тамъ же.

дастрѣ паны были поставлены въ необходимость выдѣлить и особою чертою обозначить крестьянскіе участки; а какъ на обязательной крестьянской работѣ было основано веденіе хозяйства и крестьянскіе участки должны были отвѣчать за исправный взносъ податей, то паны въ первый разъ были поставлены въ необходимость всмотрѣться въ положеніе своихъ крестьянъ. На всю сумму крестьянскихъ участковъ уменьшилось землевладѣніе представителей полонизма.

Прусское правительство, преслѣдуя свою мысль развитія государственнаго богатства, своими дальнѣйшими мѣрами обращало для поляковъ право владѣнія землею, сопряженнымъ съ невыносимыми для тщеславія и для кармана непріятностями.

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ перваго раздѣла, въ новыхъ инструкціяхъ, отправленныхъ 4 января 1782 г. къ *Дагмарту*, было сказано, чтобы онъ „не спускалъ съ глазу арендаторовъ имѣній, которыхъ владѣльцы живутъ въ Польшѣ, дабы они не выплачивали арендной суммы, по водворившемуся обычаю, по которому иногда плата за нѣсколько лѣтъ взносится впередъ, каковую они проживаютъ за границею, а страна отъ того бѣднѣетъ. Подобнаго ни подъ какимъ видомъ отнюдь не должно допускать.... Арендаторы таковыхъ дворянскихъ имѣній должны уплачивать не болѣе, какъ за три мѣсяца впредъ. По этимъ причинамъ, его величеству было бы весьма пріятно дать средства надежнымъ людямъ мѣщанскаго сословія покупать такія имѣнія польскихъ владѣльцевъ. Хотя въ другихъ областяхъ королевства такое пріобрѣтеніе дворянскихъ имѣній мѣщанами запрещено закономъ, но его величеству угодно дозволить подобное для Западко-Прусской провинціи, *чтобы избавиться отъ поляковъ. Королю дороже тамъ одинъ добрый бюргеръ, чѣмъ весь этотъ польскій людъ.*"

Чрезъ 4 года, Фридрихъ Великій снова, въ королевскомъ повелѣніи отъ 16 іюня 1786 г. министру *Гауди*, настаивалъ чтобы мѣстныя власти неусыпно заботились о переходѣ имѣній къ нѣмецкимъ владѣльцамъ, указывая, что польскіе помѣщики не заботятся объ улучшеніи хозяйства, а только истощаютъ страну, вытаскивая за границу свои доходы (Revenües aus dem Lande schleppen), что отражается самымъ невыгоднымъ образомъ на благосостояніи самой области. Прусское правительство не могло запретить польскимъ помѣщикамъ выѣзда за границу, такъ какъ многіе изъ нихъ, вслѣдствіе раздѣла, были владѣльцами въ раз-

ныхъ государствахъ. Это обстоятельство привело къ позднѣйшей петербургской конвенціи, по которой эти, такъ называемые sujets mixtes, были обязаны въ теченіи 5 лѣтъ объявить, котораго государства они желаютъ остаться подданными: Россіи, Автріи или Пруссіи, и продать свои земли, находящіяся внѣ ими избраннаго отечества, подъ опасеніемъ конфискаціи удержанныхъ ими, вопреки постановленій конвенціи, помѣстій (1).

Дабы противудѣйствовать хвастливымъ рѣчамъ пановъ за границею, о благоустройствѣ ихъ страны, Фридрихъ Великій во время поѣздокъ бралъ съ собою путешественниковъ иностранцевъ, чтобъ они собственными глазами могли ознакомиться, до какой степени, во всѣхъ отношеніяхъ, развилась неурядица во внутренней польской жизни.

Приведемъ нѣсколько свѣдѣній, которыя могутъ пояснить всю глубину презрѣнія Фридриха Великаго къ полонизму.

„Вижу изъ вашего письма, писалъ онъ еще до перваго раздѣла Даламберту 26 января 1772 г., что многіе предметы выигрываютъ, когда на нихъ смотрятъ издали; нынѣшняя польская конфедерація можетъ быть причислена къ ихъ числу; но мы, сосѣди, знаемъ лица и вождей партій, и считаемъ ихъ заслуживающими только свистки. Фанатизмъ породилъ конфедерацію, вожди раздѣлены, у всякаго свои виды и планы, они дѣйствуютъ съ бесразсудствомъ, сражаются какъ трусы, и совершаютъ преступленія, которыя могутъ быть внушены одною подлостью (2).... Сожалѣю о тѣхъ философахъ, которые принимаютъ участіе въ націи, презрительной во всѣхъ отношеніяхъ. Ее можно извинить только ея невѣжествомъ. Въ Польшѣ нѣтъ закона, тамъ не пользуются свободою; правительство обратилось въ своевольную анархію, и помѣщики съ величайшей тираніей обращаются съ своими рабами (3).“

Три года спустя, послѣ посѣщенія пріобрѣтенныхъ владѣній, король писалъ ему 19 Іюня 1775 г.“ Гг. Лаваль Монморанси и Клермонъ Галырандтъ сопутствовали мнѣ въ этотъ край, который я называю нашею Канадою. Думаю что они сдѣлаютъ прелестное описаніе парижанамъ... Вообразите что въ этой несчастной странѣ, не зна-

(1) Das enthüllte Posen H. II. p. 39.
(2) Сравнить съ донесеніями Дюмуры Т. I. гл. VII и съ «Pamientnikami XVIII w.
(3) Oeuvres posthumes. T. III. p. 222.

ютъ права собственности, а знаютъ только тотъ законъ, что сильный имѣетъ право угнетать слабаго; но съ этимъ уже покончено, и впредь будутъ другіе порядки. Австрійцы и русскіе нашли и у себя тотъ же хаосъ. Продолжительнымъ временемъ и лучшимъ воспитаніемъ юношества можно только образовать этихъ ирокезовъ" (1).

Литература польской справы яро накинулась на Фридриха Великаго; но развѣ дѣйствительно совершившіяся событія съ математическою точностью, не подтверждаютъ справедливость каждаго слова?

Послѣ поединка, бывшаго между прусскимъ генераломъ Лоссовымъ и польскимъ магнатомъ княземъ *Сулковскимъ*, Фридрихъ Великій, 19 Ноября 1773 г., писалъ въ Потсдамѣ: „Моимъ генераламъ предстоитъ огромная работа, если они захотятъ стрѣляться съ каждымъ подобнымъ польскимъ дуракомъ и вертопрахомъ" (2); и 2-го Декабря онъ собственноручно написалъ Лоссову: „жаль мнѣ рисковать храбрымъ генераломъ изъ за подобной польской сволочи" (polnische Canaille).

Прусское правительство всегда руководствовалось правиломъ спѣшить медленно (festina lente); но какую увѣренность отсутствія всякихъ гражданскихъ добродѣтелей, въ этомъ огромномъ тѣлѣ, извѣстнымъ подъ именемъ Рѣчи Постолитой, должны были имѣть сосѣднія правительства, какое презрѣніе питали они къ польской націи и ея правительству, устанавливаемому всею шляхтою, если они до окончательнаго съ ними договора, уже требовали присяги на подданство отъ областей, которыя они намѣревались отобрать отъ Польши. Мало того, что Пруссія уже съ 1772 года распоряжалась полновластно въ ею занятыхъ областяхъ; но въ 1773 году Фридрихъ Великій приказалъ *Бренкендорфу*, устанавливавшему новую границу, расширить ее нѣсколько, при чемъ было прибавлена полоса земли съ 15 городами, 516 деревнями и 42,812 жителями. Наконецъ, послѣ заключеннаго уже въ сентябрѣ 1773 г. договора, Фридрихъ Великій, раздумывая надъ трактатомъ, приказалъ въ 1774 г. еще отрѣзать отъ владѣніи Рѣчи Поспопитой полосу съ 13 городами, 350 деревнями и 18,179 жителями. *Чарторыйскіе* были тогда такъ заняты возстановленіемъ

(1) T. VIII p. 37.
(2) Preusz. Friedrich des Grosse T. IV p. 386.

своей фамильной програмы, а паны такъ озабочены слухами о посягательствахъ на ихъ шляхетскія вольности, что, готовясь къ сейму, не обращали вниманія на то,—что Пруссія съ ними обращалась такъ же безцеремонно, какъ въ тоже время сѣверо-американцы съ дикими индѣйцами. Въ XVIII столѣтіи поляки въ Варшавѣ, по воплямъ переходящихъ подъ прусскую власть помѣщиковъ, узнавали только о потеряхъ государства. Былъ городокъ Лодзь съ 64 жителями, котораго не было ни па какой картѣ, и о которомъ узнали только послѣ раздѣла (1).

Герцбергъ, вышедшій изъ школы государственныхъ людей Фридриха Великаго, былъ министромъ его преемника — короля Фридриха Вильгельма II-го.

По первому раздѣлу, округа Данцига и Торна, оставшіеся за Польшею, раздѣляли части Прусскаго королевства. Для Пруссіи, только что операвшагося младшаго члена, введеннаго въ среду первенствующихъ, государствъ Европы геніемъ Фридриха Великаго, перешеекъ польскихъ земель, пересѣкающій коренныя области монархіи на двѣ части, былъ нестерпимою помѣхою для дальнѣйшаго государственнаго развитія. Восточныя и западныя области не могли слиться въ одно общее государственное тѣло; прусское правительство было поставлено въ необходимость растрачивать свои силы и средства на два отдѣлныя государственныя хозяйства; оно было поставлено въ необходимость постоянныхъ будущихъ упражненій въ эквилибристикѣ, чтобы ни въ одномъ изъ главнѣйшихъ территоріальныхъ своихъ владѣній не возбудить придирчивой зависти къ другой, и тѣмъ не посѣять влеченій къ сепаратизму. Кромѣ того, для свободнаго теченія сношеній между частями государства, оно было поставлено въ необходимость постоянно заискивать расположеніе своенравной и безтолковной Рѣчи Посполитой, и вмѣсто прямыхъ путей связывать окольными разъединенныя области.

Еслибы люди, направлявшіе теченіе государственныхъ дѣлъ Польши, смотрѣли на ея политическое положеніе не съ точки зрѣнія своихъ фамильныхъ политическихъ програмъ и традицій, а съ точки зрѣнія панскихъ интересовъ, то они въ настоятельныхъ прусскихъ требованіяхъ объ уступкѣ прибрежья нижней Вислы, видѣли бы болѣе нежели шиканства прусскихъ таможенъ, кото-

(1) Русскій Вѣстникъ. 1864 № 10 Октябрь, статья П. А. Попова: Поляки въ Пруссіи, стр. 732.

рыя уменьшали ими получаемое количество злотыхъ, за вывозимыя произведенія ихъ имѣній. Рѣчь Посполитая была еще обширна послѣ перваго раздѣла (болѣе 13.000 крадратныхъ миль); она могла бы еще, заискивающею союзницею Россіи, подготовлять въ тиши средства для своего государственнаго пересозданія и возвратить свои сѣверныя области; но Польша уже утратила всякія нравственныя силы для самоуправленія и, увлеченная своими своекорыстными и буйными страстями, мчалась къ своей погибели. Поляки не замѣчали, что, имѣя уже сильныхъ сосѣдей въ Россіи и Австріи, они и на остальной своей границѣ пріобрѣтали третьяго сосѣда, котораго могущество росло быстро,—и сосѣда тѣмъ болѣе для нихъ опаснаго, что онъ могъ связать свои отдѣльныя части и дать большую плотность узкой, растянутой полосѣ своихъ восточныхъ владѣній, округлить ихъ, какъ для государственной защиты, такъ и для развитія своего государственнаго хозяйства, однѣми только польскими областями.

Польскіе магнаты старались провѣдывать тайны сосѣднихъ кабинетовъ; но они интересовались знать и обсуживали только, на сколько который изъ сосѣдей благосклоненъ къ той или другой фамиліи или партіи. Имъ было докучливо холодное, строгое изслѣдованіе настроенія политики Австріи, Россіи и Пруссіи относительно самаго Польскаго государства,—выгодъ которыя они могли извлечь изъ столкновенія ихъ интересовъ. Въ Польшѣ одни помышляли о коронѣ, другіе заботились о полномъ поддержаніи значенія польскаго магната, масса о сохраненіи шляхетскихъ вольностей и внутренней неурядицы, р. духовенство о покорности римской куріи. Влiятельные элементы сходились въ одномъ—въ полномъ господствѣ надъ своими *плотами*,—надъ низшими сословіями для удовлетворенія всѣхъ порывовъ тщеславія, своеволія и корысти.

Совѣщанія къ первому раздѣлу Польши представляли явленія, которыми поляки могли бы воспользоваться; но они не оглянулись назадъ, они не позаботились проникнуть въ подробности первой ихъ катастрофы, для полученія руководящихъ данныхъ для будущаго; а данныхъ было много.

Австрія питала затаенную надежду, что быстрое разложеніе силъ Рѣчи Посполитой, при вліяніи р. католицизма подъ опекою іезуитовъ, приведетъ Польшу къ тому, что она кинется въ объятія римскаго императора, и іезуиты, по офиціальномъ уничтоженіи ихъ ордена въ 1773 году, не переставали пользоваться до-

брохотствомъ вѣнскаго кабинета. Кромѣ того, Фридрихъ Великій, упоминаетъ, что при первомъ уже раздѣлѣ, Австрія избѣгала того, чтобы примкнуть своимъ рубежемъ къ русскимъ владѣніямъ, опасаясь за своихъ славянскихъ подданныхъ, наполняющихъ Венгрію, которые хотя и были обращены въ уніатовъ, но не менѣе того себя считали греческой вѣры, и они *по религіознымъ своимъ влеченіямъ могли привязаться къ Россіи* (1).

Наконецъ, совершить раздѣлъ можно было только при полюбовномъ соглашеніи сосѣдей; но при государственныхъ соображеніяхъ каждаго кабинета, съ собственнымъ усиленіемъ не усилить чрезмѣрно и сосѣда, было трудною задачею для того, чтобы согласить требованія и опредѣлить равномѣрную цѣнность пріобрѣтеній. Пруссія считала число квадратныхъ миль и жителей; но Россія понимала, что, при положеніи прусскихъ територій, для берлинскаго кабинета всякое новое пріобрѣтеніе изъ польской раздѣляющей полосы, было гораздо дороже нежели пріобрѣтеніе Русскою Имперіею цѣлыхъ округовъ на ея окраинахъ. Конечно, петербургскій кабинетъ въ диссиденскомъ вопросѣ видѣлъ средство— и средство надежное упрочить свое вліяніе на Польшу; но притѣсненія православныхъ подданныхъ было не совмѣстно съ достоинствомъ Имперіи, и они то двинули Россію на Польшу.

По первому раздѣлу Россія пріобрѣла 3000 квад. миль и 1.000,000 жителей, Австрія 2500 кв. милъ и 2.700,000 жителей, Пруссія 900 кв. мимль и 416,000 жителей. Пруссія удовольствовалась наименьшими пріобрѣтеніями; но онѣ такой были для нея важности, что берлинскій кабинетъ особенно хлопоталъ, привести договаривающіяся державы къ соглашенію, дабы не упустить время, столкнувшихъ обстоятельствъ въ Европѣ въ 1772 г. столь благопріятныхъ для покойнаго раздѣла, безъ посторонняго вмѣшательства. Между западными и восточными областями Прусскаго королевства остались только разъединяющіяся польскія при-вислянскіе владѣнія—округи Данцига и Торна.

Пруссіи были конечно весьма желательны прибрежья нижней Вислы, и берлинской кабинетъ, при сложныхъ обстоятельствахъ для Россіи во время войнъ Турецкой и Шведской (1788—1791), думалъ миновать необходимость раздѣла, и расчитывалъ одному попользоваться новыми пріобрѣтеніями, приведя поляковъ къ до-

(1) Oeuvres posthumes T. III p. 204.

бровольной уступкѣ Торна и Данцига. Въ то время когда *Герцбергъ* привѣтливо принималъ заискивающую партію *Чарторыйскихъ*, онъ самъ выступилъ впередъ, чтобы привлечь ихъ противниковъ *Огинскихъ*. Прусскій посланникъ *Лукезини* пересолилъ свои дипломатическія хитрости. Вмѣстѣ съ возбужденіемъ ненависти къ Россіи, онъ до того хотѣлъ расположить къ Пруссіи увлекающіе польскіе умы, что выпустилъ изъ устъ роковую фразу о готовности берлинскаго кабинета отказаться отъ требованія Торна и Данцига. Лукезини разчитывалъ, что, въ порывахъ своихъ увлеченій, поляки тѣмъ съ большею горячностью захотятъ этою уступкою отблагодарить безкорыстнаго сосѣда, за его великодушныя обѣщанія помощи и поддержки; но разчетъ не состоялся. При-вислянскіе паны, робко озиравшіеся на Пруссію, давно ихъ бившую по карману своими таможнями, весьма обрадовались этому заявленію. Поляки столько прокричали о безкорыстіи Пруссіи, что нужно было время, дабы остыло это настроеніе, а обстоятельства не допускали проволочки. Россія примирялась и съ Швеціею, и съ Турціею; Пруссіи оставалось только подзадоривать Польшу къ дальнѣйшимъ безразсуднымъ выходкамъ противъ Россіи, дабы сдѣлать ее болѣе склонною къ новому раздѣлу. *Герцбергъ* снялъ маску, и по второму раздѣлу, Пруссія пріобрѣла не только прибрежье нижней Вислы съ Торномъ и Данцигомъ; но и всю территорію до Варты и Пеллицы, съ городами Ченстоховымъ и Позанью, болѣе 1000 кв. миль.

„Поляки, по второму раздѣлу перешедшіе къ Россіи, пишетъ Михаилъ Огинскій; (1) сносили русскую власть болѣе терпѣливо; они всегда видѣли Россію, дѣйствующую открытымъ врагомъ и, не имѣя достаточно средствъ для сопротивленія ея могущественнымъ силамъ, они жаловались только на несправедливость судьбы. Не того настроенія были поляки отошедшіе къ Пруссіи; они прежде видѣли въ ней союзника, друга, опору противъ Россіи, вдругъ Пруссія обратилась въ нападающаго врага, который поглощалъ польскія области и присоединилъ свои силы къ силамъ Россіи, дабы совмѣсто дѣлить Польшу. Трудно было жителямъ, поступившимъ подъ прусскую власть, забыть политическое существованіе Польши, *забыть свое право посылать представителей на сеймы, имѣть свои національные суды и админи-*

(1) Mémoires sur la Pologne et les Polonais. Paris 1826 T. II p 11.

страцію. Силою обращенные въ подданныхъ иноземнаго правительства, обреченные къ постыдной бездѣятельности, и видя свое значеніе обращеннымъ въ ничто, они ждали только удобнаго времени, чтобы разорвать свои цѣпи.

„Непосредственно за присоединеніемъ областей къ Пруссіи, оттуда высылались чиновники нѣмцы, Пруссія устроила нѣмецкое правительство въ Польшѣ и потребовала отъ поляковъ, чтобы они подчинились постановленію быть судимыми по нѣмецкимъ гражданскимъ и уголовнымъ законамъ. Наконецъ прусское правительство домогалось, чтобы милліоны, знавшіе только свой народный языкъ, стали изучать нѣмецкій, дабы могли быть понимаемы завоевателями."

Понятно, что эти прусскіе порядки не нравились ревнителямъ польской ойчизны и что" броженіе умовъ въ этой средѣ было общее" (1); кромѣ того, раздраженіе представителей полонизма было тѣмъ» большее, что съ легкой руки Фридриха Великаго, нѣмцы называли вещи, какъ ихъ понимали, не гоняясь за мягкостью выраженій, не золотили пилюли и находили это даже полезнымъ, для большаго вразумленія своихъ прибывающихъ земляковъ. Поляки по всей Германіи кричали о прусской необтесанности (preussische Rohheit), а пруссаки расточали своимъ противникамъ названія плутовъ и пройдохъ. Фридрихъ Великій далъ направленіе прусской администраціи своею инструкціею 4 января 1784 г., посланную *Домгарту.* Въ ней между прочимъ было сказано: „Не заниматься комплиментами съ поляками (keine Complimente machen); этимъ они только еще болѣе избалуются, но строго (scharf) наблюдать, чтобы они свои повинности въ надлежащее время и немедленно исполняли, не допускать, ни подъ какимъ предлогомъ, ни малѣйшаго послабленія; потому что если не слѣдить ихъ по пятамъ съ экзекуціями, то ничто не поможетъ."

Области, пріобретаемыя Пруссіею отъ Польши, поступали въ составъ провинціи, названной *Южно-Прусскою.* Послѣ втораго раздѣла, высшее ея управленіе было ввѣрено въ 1793 г. Министру *Фосеу. Фоссъ* не одобрялъ крутую систему преслѣдованія полонизма въ польскихъобластяхъ, для слiянія ихъ съ Пруссіею,—систему установленную Фридрихомъ Великимъ, который отклонялъ всякія домогательства поляковъ къ тому, чтобы добыть вліяніе

(1) «L'effervescence dans ces provinces était générale.» Тамъ-же.

своими совѣтами и предложеніями на образъ дѣйствій прусскаго правительства; король хотѣлъ, чтобы пруссаки дѣйствовали по собственному разуму.“ Предложенія князя *Яблоновскаго*, писалъ онъ *Домгарту*, ни какого моего одобренія не заслуживаютъ, менѣе же всего его предложенія о староствѣ Швецѣ. Вы хорошо сдѣлаете, если устраните отъ всѣхъ подобныхъ промеморій польскихъ князей, воеводъ, старостъ и т. д., которыхъ всегда буду болѣе готовъ отдалять отъ себя, чѣмъ приближать.“

Фоссъ ставилъ свои воззрѣнія, какъ болѣе современныя, выше проницательности и познанія Фридриха Великаго людей, и выше указаній многолѣтнѣй практики. Польскіе магнаты, видя невозможность офиціальнымъ путемъ проникнуть въ правительственныя сферы, заискивали предъ сановниками въ дипломатическихъ и аристократическихъ салонахъ, которыхъ двери имъ были открыты, привлекали къ себѣ и выдающіяся личности въ нѣмецкомъ литературномъ и журнальномъ мірѣ. Польскія женщины выступили на новый планъ дѣятельности и старались обратить въ угодливыя орудія какъ сановниковъ, такъ и литераторовъ. Дневникъ дипломата и литератора Фридриха *Генца*, хотя и значительно сокращенный, изданный *Фарнгагеномъ* (1), выясняетъ однако эту охоту польскимъ магнатокъ за вліятельными личностями. Графиня *Ландскоронская* (2), княгиня *Чарторыйская*, графиня *Потоцкая* урожденная графиня *Тышкевичъ*, княгиня *Любомирская* и друг. стоятъ въ главѣ длинной вереницы польскихъ патріотокъ, которыя блистали въ собраніяхъ въ Берлинѣ и особенно въ Вѣнѣ, и на модныхъ сезонахъ цѣлительныхъ водъ Германіи. Не отставала отъ нихъ жена принца Людовика, дочь княгини

---

(1) Aus dem Nachlasz Varnhahen's von Ense—Tagebücher von Genz. Leipzig 1861.

(2) On ne saurait mieux terminer cet artile, destiné à rappeler l'illustration de celle famille à cause de son antiquité, des nombreux et importans services qu'elle a constamment rendu au pays, de l'illustration qu'elle a acquise, des grands emplois dont ses membres ont été revétus, de son opulence et de l'étendue de ses possesions, qu'en rendant le dernier hommage à la mémoire d'une femme, qui reccemment encore a fait particuliërement honorer le beau nom pu'elle portait..... L'empereur Alexandre se glorifiait d'avoir pour elle les sentimens d'un fils (Notices sur les familles illustres et titrées de la Pologne. Paris 1862 p. 94 et 98.

Чарторыйской. (1) Примѣняя слова А. П. Ермолова къ нѣмецкому обществу, можно сказать что польскія Юдифи устремлялись въ среду нѣмцевъ, для отысканія Олоферновъ. Польскія патріотки ни предъ чѣмъ не останавливались для возстановленія во всемъ его значеніи золотаго для нихъ времени польской ойчизны (2).

Такими путями среди нѣмцевъ, начали возникать дѣятели съ полонофильствующимъ оттѣнкомъ, начиная съ высшихъ правительственныхъ сферъ и кончая тѣми журнальными сотрудниками, которыхъ убѣжденія зависятъ отъ щедрости платы съ напечатанной строчки. Полонофильствующая литература получила подкрѣпленіе и въ литераторахъ-евреяхъ, и въ настоящее время мы видимъ имъ образчикъ въ произведеніяхъ *Клячки* (3), котораго многіе виленцы еще помнятъ быстроглазымъ и быстроногимъ жиденкомъ, за злотый усерднымъ для посылокъ по порученіямъ прибывающихъ въ Вильну пановъ. Для противудѣйствія системѣ, установленной Фридрихомъ Великимъ, поляки еще до втораго раздѣла, начали искать между нѣмцами имъ пригодныхъ личностей, и польскіе происки обратились въ организированную работу, съ заговоромъ, возникшимъ въ Дрезденѣ въ 1793 г. Успѣхи ихъ возростали до 1848 года, который былъ апогеемъ торжества поляковъ въ Пруссіи. При тьмѣ и мглѣ, напускаемыхъ поляками, въ Пруссіи создались двѣ точки воззрѣнія на польскія дѣла. Прусское правительство въ общихъ чертахъ слѣдовало указаніямъ Фридриха Великаго; но среди пруссаковъ росло и число полонофильствующихъ, соболѣзнующихъ польскимъ бѣдствіямъ, сочувствовавшихъ воплямъ польской справы (Schmerzenschrei) (4). *Фоссъ*, *Фарнгагенъ*, *Генцъ*, *Гельдъ*, *Цербони*, *Гольше*, и друг., при польскомъ вліяніи, нѣмецкими устами и перьями проповѣдывали то, что въ тиши имъ нашептывала польская интрига. Они первые являются дѣятелями въ той средѣ, которую цинически польская справа въ 1848 г. назвала *панургіовымъ стадомъ* (5). Послѣ польскаго мятежа

---

(1) «Ich Dar damals (1804) auch mit der Prinzessi von Würtemberg, geborne *Czartoriski*, in sehr interessanten Verhältnissen» p. 41.

(2) Tagebücher Fr. v. Genz

(3) Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ въ С. З. Россіи. томъ I, введеніе стр. 156.

(4) Das G. H. Posen und die Polen.

(5) Въ статьѣ Г Попова: «Поляки въ Пруссіи» (Русскій Вѣстникъ 1864 № 10) читатели могутъ ближе ознакомиться какъ поль-

1848 г., Пруссія окончательно рѣшила вопросы: смотрѣлъ ли Фридрихъ Великій на политическое существованіе Польши и прочное созданіе могущества Прусской монархіи съ точки прусскаго государственнаго мужа? паденіе Польши было ли слѣдствіемъ того, что среди государствъ съ постепеннымъ развитіемъ ихъ государственныхъ и народныхъ силъ, существовала Рѣчь-Посполитая, въ которой полонизмъ былъ достояніемъ одной клерикально-шляхетской касты? было ли вычеркнуто имя Польши съ карты Европы, какъ кара Промысла и какъ послѣдствіе многовѣковаго тяжкаго угнетенія милліоновъ населенія, доведеннаго до утраты всякихъ нравственныхъ силъ, которыхъ могъ бы расшевелить призывъ къ защитѣ польской ойчизны? Раздѣлъ Польши былъ ли переуступнымъ, возмущающимъ явленіемъ самоуправства и жадности сильныхъ и своекорыстныхъ сосѣдей? Прусское правительство должно ли было не искать соединить свои разъединенныя области и, пользуясь польскою неурядицею и современнымъ политическимъ положеніемъ Европы должно ли было не упрочить монархію сообразнѣйшимъ расширѣніемъ своихъ владѣній? прусское правительство должно ли было смотрѣть на Польшу, какъ смотрѣли на нее высокое шляхетство и мелкая шляхта и уважать ихъ права на порабощеніе, угнетеніе и доведеніе своихъ илотовъ до степени быдла? Пруссаки должны ли обвинять свое правительство за то, что оно, округляясь и сплотившись на счетъ Польши, создало государство, которое стало столь могущественнымъ представителемъ нѣмецкихъ интересовъ, что подъ его защиту и подъ знамя Пруссіи собирается вся Германія, ищущая своего объединенія? Прусское правительство, которое обратило пространныя, раззоренныя области съ ниществующимъ и насиліями и невѣжествомъ обезображеннымъ населеніемъ въ благоустроенную, богатую страну, съ благоденствующимъ и нравственно поднятымъ населеніемъ, должно ли быть упрекаемо, что оно, для этого пересозданія польскихъ областей, употребило нѣмецкія силы, нѣмецкое развитіе? Должно ли оно было, вмѣсто того призвать пресловутую національную польскую интеллигенцію, для которой безплодны всѣ уроки судьбы и

ская интрига заставляла самихъ нѣмцевъ слѣпо и придирчиво съ яростью накидываться на тѣ правительственныя мѣры, которыхъ результаты пруссаки вполнѣ могли оцѣнить только событіями съ 1848 по 1863 годъ.

исторіи, и которая, руководимая своими традиціями, при всѣхъ велерѣчивыхъ возгласахъ самозванки—польской демократіи, на дѣлѣ вся остановилась на конституціи 3-го мая, легально установившей весь итогъ вѣковыхъ, предшествовавшихъ, клерикально-шляхетскихъ стремленій?

Министръ *Фоссъ* является въ 1793 году первымъ въ томъ ряду прусскихъ сановниковъ, который, внимая польскимъ заявленіямъ, оканчивается въ 1848 году генераломъ *Виллизеномъ*. Въ этотъ періодъ времени, Пруссію спасало отъ дальнѣйшаго развитія польскихъ домогательствъ преобладающее хозяйственно-экономическое настроеніе прусской администраціи; а оно никакъ не вязалось съ домогательствами польской справы.

Съ возникшимъ въ 1793 году польскимъ заговоромъ въ Дрезденѣ, возникла и польская справа. *Пулавская партія* успѣла сохранить надъ нею свое первенствующее вліяніе и *Чарторыйскіе* приняли ее подъ свою непосредственную опеку.

Министръ *Фоссъ*, просвѣщенный и гуманный, вывелъ изъ своихъ сношеній съ поляками, то воззрѣніе на польскія дѣла, что не стѣсненіями полонизма, не разставленіемъ ловушекъ польскимъ владѣльцамъ и духовенству, не толкованіемъ правъ собственности съ нѣмецкой точки зрѣнія, не докучливымъ надзоромъ за поляками мѣстною администраціею, можно слить польскія области съ коренными прусскими; но довѣріемъ къ польской національности и совершенною равноправностью прусскаго дворянства и польскаго шляхетства. *Фоссъ*, получивъ въ 1793 г. въ управленіе послѣ втораго раздѣла такъ называемую Южно-Прусскую область, измѣнилъ характеръ дѣятельности прусской администраціи. Служащій людъ вообще тѣмъ охотнѣе подчинился новымъ требованіямъ, что они, снимая съ нихъ бдительную опеку за интригами проживающаго шляхетства, облегчали ихъ служебныя обязанности. Но еще пріятнѣе для представителей полонизма было то обстоятельство, что *Фоссъ*, при соглашеніи ихъ желаній съ государственными требованіями Пруссіи, не останавливался передъ уступками. Имѣнья духовенства были оставлены въ его управленіи, равно и владѣтелямъ староствъ оставлены эти имѣнья; прусское правительство только оградило свои выгоды надзоромъ за рубкою лѣсовъ, которыхъ уничтоженіе вошло въ обыкновеніе въ арендованныхъ отъ казны имѣніяхъ; но и въ этомъ отношеніи временнымъ владѣльцамъ *Фоссъ* предоставилъ рубить строевой лѣсъ каждые шесть

літъ, *для домашнихъ надобностей*, только подъ надзоромъ прусскихъ чиновниковъ.

Фоссъ съ самодовольствомъ могъ указывать на послѣдствія его новыхъ соображеній. На этотъ разъ, при второмъ раздѣлѣ, духовенство и шляхетство не замедлили принести свою присягу вѣрноподданства и на неперывъ заявляли свою благодарность и свою преданность прусскому королю.

Всѣ дарованныя льготы были подтверждены подробнымъ положеніемъ въ дарованныхъ грамотахъ, подписанныхъ королемъ и скрѣпленныхъ *Фоссомъ*. Онѣ были обнародованы 26-го февраля 1774 г. (1), а для пользованія лѣсами 25 марта (2).

Въ Дрезденѣ, завязавшійся въ 1793 году заговоръ, въ рукахъ Графа Игнатія *Потоцкаго* и ксендза Гуго *Коллонтая*, эмисарами началъ притягивать къ себѣ ретивѣйшихъ польскихъ патріотовъ. Въ Южно-Прусской области, въ апрѣлѣ 1794 г., начались дѣятельныя приготовленія къ мятежу. Въ главѣ мѣстнаго заговора стали паны: *Мніевскій*, *Немоевскій*, *Выбицкій* и *Прушинскій*, которые, въ свою очередь, разсылали эмисаровъ, по панскимъ усадьбамъ въ прусскихъ владѣніяхъ. Мѣстныя власти не обращали вниманія на начавшіеся съѣзды пановъ. Прусскія войска занимали польскія области по городамъ и мѣстечкамъ, а паны, въ теченіи цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ свозили въ лѣсистыя, безопасныя дебри запасы продовольственные и огнестрѣльные, оружіе и обмундировку (3).

При вѣсти о послѣдствіяхъ дрезденскаго заговора—Костюшкинскомъ взстаніи и побіеніи русскихъ въ Варшавѣ, прусское правительство видѣло, что поляки Рѣчи Посполитой сами пробили последній часъ своего существованія. Несмотря на удаленіе прусскихъ войскъ для дѣйствія противъ французской республики на Рейнѣ, король собралъ оставшихся до 40000 и двинулся поспѣшно на Варшаву, дабы предупредивъ русскихъ занятіемъ страны, усилить свои права при послѣдующемъ раздѣлѣ. Въ польскомъ заговорѣ въ Пруссіи, 19 лицъ стали вождями; они дали прусскимъ войскамъ свободно выступить въ Польшу. Когда король обложилъ уже Варшаву, тогда бывшій куявскій кастелянъ *Мніевскій* собралъ

---

(1) Das enth p. sen H. II p. 69.
(2) Тамъ же p. 73.
(3) M. Ogiński. Mémoires T. II p. 13

у себя 22-го августа 1794 года 89 пановъ, и въ подражаніе краковцамъ, они подписали *актъ возстанія*. На съѣздѣ было рѣшено съ слѣдующаго дня поднять знамя мятежа, захватывать и уничтожать прусскіе запасы, слѣдовавшіе къ арміи въ Польшу, истреблять оставшіяся команды и поднять къ бунту всѣ бывшія польскія области южно-прусской провинціи. На другой день на назначенное мѣсто сбора прибыло только 30 человѣкъ, по словамъ *Мніевскаго*; но онъ съ ними кинулся на Вроклавскъ и захватилъ бывшія тамъ 13 барокъ, спокойно слѣдовавшія съ разными запасами къ войскамъ въ Варшаву; въ числѣ ихъ были артиллерійскіе припасы ядеръ и бомбъ, для осады, которые были потоплены мятежниками. Вѣсть о *побѣдѣ Мніевскаго* разнеслась по краю и ободрила легкостью успѣховъ. Всюду являлись вооруженныя шайки пановъ, съ ихъ домашнею челядью. При этихъ тревожныхъ вѣстяхъ, мѣстная администрація увидѣла необходимость возвратиться къ старой системѣ, и немедленно приняла строгія мѣры. Управляющая провинціею камера (die koenigl. Kriegs-und Domainen-Kammer in den Süd-preussischen Provinzen) издала 1-го сентября 1794 г. циркуляръ съ слѣдующими предостереженіями:

1) „Всякій взятый съ оружіемъ въ рукахъ будетъ немедленно разстрѣлянъ или повѣшанъ.

2) Лица высшаго сословія, духовнаго, равно какъ и свѣтскаго званія, уличенные въ прямомъ участіи въ возстаніи, будутъ немедленно повѣшены, мужчины одинаково какъ и женщины, или, смотря по важности ихъ преступленій, будутъ приговорены вѣчно къ крѣпостнымъ работамъ и къ конфискаціи ихъ имѣній.

3) Всѣ личности безъ различія званія, которыя возбудятъ подозрѣніе, будутъ арестованы.

4) Всякій, къ какому бы онъ званію ни принадлежитъ—духовному или свѣтскому, который укрываетъ личности, обвиненныя въ нарушеніи общественнаго порядка и который не увѣдомитъ мѣстныя власти, *отвѣчаетъ не только своимъ достояніемъ за могущія быть произведенныя ими убытки, но смотря по важности преступленій* можетъ быть подверженъ тѣлесному наказанію и даже казни“ (1). Изъ этого циркуляра видно, кто были заводчики произведенной сумятицы, и что королевская камера спѣшила ог-

(1) Ogiński T. II p. 13.

радить нѣмецкое население отъ грабежей мятежниковъ. Крестьянское туземное население съ опасеніемъ смотрѣло на ксендзо-панскую затѣю. Давно уже во вновь пріобрѣтенныхъ Пруссіей округахъ крестьяне съ завистью смотрѣли на своихъ сосѣдей, перешедшихъ подъ прусскую власть по первому раздѣлу, и для нихъ, едва успѣвшихъ присягнуть на подданство прусскому королю, возстаніе явилось скорбною нежданностью. Въ областяхъ Рѣчи-Посполитой воззваніе *Костюшки* къ вооруженію крестьянъ, для спасенія ойчизны не нравилось помѣщикамъ, такъ какъ оно отрывало руки отъ панщины въ горячее время сельскихъ работъ (1). Паны въ Пруссіи были готовы принести подобную жертву, паны принуждали крестьянъ, ксендзы уговаривали; но населеніе не тронулось, имѣя опору въ быстрыхъ передвиженіяхъ легко-коннаго отряда полковника *Скули*, который форсированными маршами неутомимо, въ разныхъ направленіяхъ, пересѣкалъ страну и приводилъ въ исполненіе циркуляръ, который удерживалъ развитіе мятежа. Успѣхъ мятежа былъ наибольшій у Калиша; но и тамъ собравшіеся паны, съ своими дворовыми и домашнею охотою, изъ цѣлаго бывшаго воеводства не могли собрать болѣе 1200 чел. (2).

Прусскія войска должны были возвратиться изъ подъ Варшавы. „Фридрихъ Вильгельмъ тѣмъ болѣе былъ встревоженъ возстаніемъ въ Великой Польшѣ, пишетъ Огинскій, что французская армія подвигалась въ Германіи, и его владѣніямъ угрожали два врага, которые могли согласиться въ дѣйствіяхъ."

Поляки, по быстрому отступленію прусскихъ войскъ, поняли все значеніе мятежа въ предѣлахъ Пруссіи и въ Великой Польшѣ, въ тылу прусской арміи; но для поддержанія его были нужны средства; а золото явилось только чрезъ четыре мѣсяца на львовскихъ банкетахъ и карточныхъ столахъ.

„Вновь установившееся правительство (диктатора Костюшки), пишетъ *Огинскій* (4), чувствовало необходимость поддержать войсками возстаніе; но къ несчастью, плачевное состояніе финансовъ не давало средствъ къ выдачѣ необходимыхъ суммъ.... Верховный совѣтъ въ Варшавѣ напрасно посылалъ адрессы къ обывателямъ чтобы они уплатили недоимки..." Правительство диктатора постановило продажу староствъ, на сумму 600 милiоновъ злотыхъ.

(1) Pamientniki XVIII wieku; T. II p. 118.

(2) Ogiński; T. II p. 15. (4) p. 22.

рѣшенное еще сеймомъ 26 Апрѣля 1792; но которое оставалось безъ исполненія, какъ противное интересамъ временныхъ ихъ владѣльцевъ. Продажа была назначена къ неотлагаемому числу 1-го декабря (18 ноября); 25 октября (5 ноября), послѣ взятія Праги, Варшава, на противуположномъ берегу Вислы, не признала необходимости дальнѣйшей защиты и сдалась Суворову. Прусскимъ войскамъ не пришлось, съ оружіемъ въ рукахъ, пробивать себѣ обратный путь среди населенія, возставшаго поголовно для защиты независимости ойчизны. Они достигли спокойно своихъ предѣловъ. Въ теченіи шести недѣль длилось возстаніе въ прусскихъ предѣлахъ. Прусскіе войска поспѣшно отступили къ своимъ границамъ, стараясь выдти изъ неяснаго своего положенія. Слѣдовавшія за пруссаками, польскіе генералы *Мадалинскій* и *Домбровскій* перешли границу, настигли *Скули*, котораго отрядъ былъ разсѣянъ; поляки овладѣли *Бромбергомъ*. Тогда, при вѣстяхъ о новыхъ успѣхахъ, паны стали ретивѣе ополчаться для участія въ побѣдахъ; мятежъ разлился по краю; но не надолго. Въ половинѣ октября, пруссаки уже начали очищать свои области и отъ повстанья и отъ польскихъ войскъ.

Съ послѣднимъ, раздѣломъ вслѣдствіе паденія Варшавы, Пруссія пріобрѣла съ городомъ Варшавою, всю территорію между рѣками Нѣманомъ, Бугомъ и Пелицею.

(Продолженіе впредь).

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ХАРАКТЕРА ЮГОЗАПАДНАГО НАРОДА.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Ни одинъ русскій край не подвергался столь многимъ политическимъ переворотамъ, какъ наша югозападная Русь. Славянорусская по своему происхожденію и кореннымъ примѣтамъ своего народонаселенія, она часто подвергалась вліянію многихъ враждебныхъ ей народностей. Во время нашествія татарской орды и наша страна опустошена ею и разграблена. За тѣмъ приходитъ

владѣть нашею страною Литва, турки и поляки, не говоря уже о евреяхъ, вѣчныхъ, кажется, ея владѣтеляхъ въ финансовомъ отношеніи.

Но никто не сдѣлалъ болѣе зла нашей странѣ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, какъ поляки. Извѣстно, что вражда между родными—самая ожесточенная. Стремясь къ преобладанію въ славянскомъ мірѣ, поляки постоянно наталкиваются на могучую Русь, которая не можетъ дѣлать имъ уступки. Отсюда происходятъ постоянныя, кровавыя столкновенія, описаніемъ которыхъ изчерчены страницы нашей исторіи, и которыми рѣшался вопросъ: кому первенствовать въ славянскомъ мірѣ—Россіи или Польшѣ? Въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи того и другаго народа, этотъ вопросъ уже видоизмѣняется и дѣлается частнѣе: кому продолжать самостоятельное политическое существованіе—Россіи или Польшѣ? Главнѣйшею причиной разлада двухъ единоплеменныхъ народовъ былъ р.-католицизмъ Польши, который, при посредствѣ іезуитовъ, сдѣлался не религіею Бога любви, но политическою теоріею, давящею самородныя проявленія національной жизни. Попытки іезуитовъ олатинить Россію были напрасны. Это испытавъ іезуитъ Поссевинъ: составляется планъ олатиненья Россіи посредствомъ ополяченья и подчиненья ея Польшѣ. Съ этою цѣлію? Польша воспользовалась благопріятными ея замысламъ обстоятельствами во время междуцарствія Россіи и при содѣйствіи іезуитовъ снаряжаетъ съ Россіею самозванца, а для большаго успѣха женитъ его на польской р.-католической княжнѣ Мнишекъ.

Теперь посмотримъ, что дѣлается въ эту пору на югозападѣ Россіи. Здѣсь іезуиты насиліемъ и интригой сѣютъ свои плевены; является пресловутая унія. Іезуиты успѣли убѣдить Польшу, что только тотъ можетъ быть вѣрнымъ королю и Польшѣ, кто исповѣдуетъ р.-католицизмъ. Стало быть всѣхъ русскихъ, исповѣдующихъ православную вѣру, непремѣнно нужно подѣлать папистами, хоть бы, сначала, при посредствѣ уніи. И вотъ православіе въ нашемъ краѣ признается незаконною религіей, а всѣ права и привилегіи передаются уніи; на долю православія остается одна нищета и жестокія преслѣдованія. Всѣ общественныя православныя учрежденія и самые храмы считаются какою то контрабандой въ польскомъ государствѣ; если существованіе ихъ гдѣ либо терпится, то оно считается случайною необходимостію, отъ которой впереди ожидается освобожденіе, къ чему направляются всѣ средства поль-

ши. Православныя школы мало по малу уничтожаются, а на их мѣсто воздвигаются iезуитскія; православныя церкви отдаются въ аренду евреямъ-арендаторамъ, у которыхъ находится ключь отъ церкви, и каждая христiанская треба оплачивается дорогою пошлиной; православные лишаются гражданскихъ правъ и терпятъ всякія нравственныя и физическія насилія. Защиты невидно ниоткуда, слышится только сочувствiе единовѣрной Великороссiи, но, въ силу международныхъ правъ, она не можетъ фактически вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши; но при всѣхъ этихъ стѣсненiяхъ, нашъ народъ не утрачиваетъ своей вѣры и русской народности. Напротивъ, за исключенiемъ слабыхъ своихъ членовъ, онъ прiобрѣтаетъ особенную, такъ скажемъ, нравственную упругость, такъ что чѣмъ болѣе его давитъ польскiй гнетъ, тѣмъ сильнѣе возбуждается въ немъ реакцiя и любовь къ православiю и своей народности; онъ еще болѣе обособляется, зорче сторожитъ, чтобы не прилипло къ нему что нибудь латино-польское. Православный народъ, не видя для себя защиты въ государственныхъ законахъ Польши, создаетъ изъ среды себя твердый оплотъ противъ насилiй и ухищренiй пропаганды,— основанный на единенiи христiанскомъ и извѣстный подъ именемъ *братства*. Въ своихъ братствахъ православные находятъ все, чего лишила ихъ Польша, какъ членовъ государства. Тамъ они находятъ школы для образованiя, типографiи, больницы, богадѣльни и всѣ другiя общественныя учрежденiя.

Но, къ прискорбiю, нельзя не сказать, что, при всей стойкости православiя, ему приходилось вести неровную борьбу съ своими противниками. Православiе опиралось на силу своихъ братствъ, но не дремалъ и его противникъ—iезуитизмъ, воплотившiй въ себѣ польскую нацiональность. Православiе дѣйствовало одной православной силою, тогда какъ польскiй iезуитизмъ дѣйствовалъ и нравственной и матерiальною. Правда, души человѣка и его убѣжденiй матерiальная сила не можетъ касаться непосредственно, но эта сила, дѣйствуя на человѣка вообще, который съ большимъ трудомъ способенъ отказываться отъ гражданскихъ правъ собственности и чести, можетъ иногда сломать и самый твердый характеръ, особенно если человѣкъ по праву происхожденiя пользуется какими нибудь гражданскими привиллегiями, которыми онъ долженъ жертвовать изъ-за своихъ религiозныхъ убѣжденiй. По этому, въ нашемъ краѣ прежде всего уступало вра-

гу поле битвы дворянство. Почти одинъ только простой народъ, занимавшійся земледѣліемъ, платившій подати и отбывавшій разныя повинности, вступилъ въ борьбу съ р.-католицизмомъ. Мѣры, которыми польскій папизмъ такъ успѣшно дѣйствовалъ противъ русскаго дворянства, не могли слишкомъ болѣзненно коснуться простаго народа, для котораго переходъ въ унію или р.-католицизмъ не могъ давать особыхъ какихъ нибудь привилегій,— ему все равно пришлось бы быть земледѣльцемъ и платить подати, ему терять было нечего. Отселѣ становится для насъ понятнымъ, отъ чего въ нашемъ краѣ, вездѣ почти, помѣщикъ папистъ, а крестьяне православные. Зло еще удвоялось отъ того, что православные дворяне, совращенные въ папство, по своимъ расчетамъ, взяли на себя миссію латинской пропаганды, явившейся подъ видомъ *уніи*. Въ рукахъ помѣщиковъ—папистокъ много было силы, чтобы дѣйствовать во вредъ православію, не только во время самаго зарожденія и развитія уніи, но и вовсе послѣдующее время, когда наша страна находилась уже подъ владычествомъ русскаго монарха. Помѣщикъ въ своемъ селѣ былъ и главнымъ начальникомъ, и судьею и всѣмъ, чѣмъ угодно. Своеволіе помѣщиковъ, поддерживаемое потачкою со стороны поляковъ чиновниковъ, щедро задабриваемыхъ, распространяло свою власть надъ крестьянами до самыхъ дикихъ размѣровъ. Прислушайтесь въ настоящее время къ крестьянскимъ разсказамъ о ихъ прошломъ житьѣ-бытьѣ, и вы ужаснетесь, когда вамъ, со слезами на глазахъ, станутъ разсказывать про всякія жестокости прежнихъ временъ. Каково же было испытывать на самомъ дѣлѣ то, о чемъ теперь нельзи вспоминать безъ слезъ! Короче— простому православному народу, матерьяльныхъ интересовъ котораго не могла коснуться административная власть Польши, пришлось одному вести неровную борьбу съ своими тиранами за православную вѣру. Въ борьбѣ православныхъ съ уніею, правда, много могло содѣйствовать ободреніе ихъ духовныхъ пастырей; но и тѣ тогда были угнетены и принижены и не могли мужественно отстаивать православной вѣры и соединенной съ нею русской народности. Священникъ, можно сказать, былъ такимъ же крѣпостнымъ по отношенію къ помѣщику своего прихода, какъ и его прихожане. Еще прежде поступленія на приходъ, священникъ, въ качествѣ кандидата священства, долженъ былъ представить своему начальству *презенту* отъ того помѣщика, въ селѣ котораго онъ желалъ быть священникомъ. Презенту же священникъ могъ полу-

чить не иначе, какъ по удостовѣреніи помѣщика, что онъ будетъ во всемъ ему послушнымъ. Отобравши напередъ свѣдѣнія о томъ, что священникъ, поступающій въ его село, будетъ *найнизшимъ его слугою*, помѣщикъ имѣетъ средства и на будущее время держать его въ полномъ себѣ послушаніи. Въ матеріальномъ отношеніи священникъ почти во всемъ зависѣлъ отъ помѣщика. Хотя эрекціи, въ силу которыхъ помѣщикъ надѣлялъ священника землею и другими угодьями, имѣли нѣкоторое юридическое значеніе; но при всемъ томъ помѣщикъ, недовольный священникомъ, могъ совершенно безнаказанно не выполнять всѣхъ условій эрекціи, и въ заключеніи, посредствомъ разныхъ интригъ, спихнуть священника съ мѣста. Такимъ образомъ, самый представитель православной религіи, вмѣстѣ съ своими насомыми, долженъ былъ склонять свою голову предъ вельможнымъ паномъ, который считалъ себя маленькимъ королемъ въ своемъ имѣніи. Для нравственнаго закрѣпощенія священника, все направлялось къ тому, чтобы православное духовенство держать въ невѣжествѣ. Школы православныя были закрыты, а въ польскія школы неохотно принимали поповича, имѣющаго право быть православнымъ священникомъ. Кромѣ того было постановленіе, чтобы приходы занимались по наслѣдству старшимъ въ семействѣ, хотя бы онъ по умственному развитію былъ далеко ниже младшихъ братьевъ; остальное же семейство причислялось къ податному сословію. Само собою разумѣется, что старшій сынъ, кромѣ права на отцовскій приходъ, долженъ былъ еще имѣть *презенту* отъ своего помѣщика. Воля помѣщика могла измѣнять даже право первородства при поступленіи на священническое мѣсто. Могъ ли священникъ при такомъ стѣсненномъ положеніи возвышать свой голосъ въ пользу православія! Довольно уже для него было, если онъ въ тихомолку исповѣдывалъ православную вѣру и своимъ добрымъ примѣромъ назидалъ и ободрялъ своихъ, не менѣе его стѣсненныхъ помѣщиковъ—р. католиковъ, прихожанъ. Не удивительно, по этому, если православные. въ неровной борьбѣ съ польскимъ католицизмомъ, падали подъ ударами своей злощастной судьбы,—и болѣе слабые изъ православныхъ, не въ состояніи будучи выносить всѣхъ насилій, на которыя щедръ былъ р. католицизмъ, и видя соблазнительный примѣръ въ своей іерархіи, принявшей унію, склонялись на нее сами. Но это явленіе еще не значитъ, чтобы православная церковь была поражена въ самую голову, чтобы не въ далекомъ будущемъ и ее ждалъ

конецъ ея существованія, а напротивъ, тогда православная церковь, какъ золото въ горнилѣ, очищалась отъ своихъ слабѣйшихъ членовъ, такъ что на сторонѣ православія остались сильные волею, непоколебимые въ убѣжденіяхъ, могущіе переносить за свою вѣру и народность всевозможныя притѣсненія и муки.— Въ такомъ страдательномъ положеніи находится церковь чрезъ все время польскаго владѣнія нашимъ краемъ. Но наконецъ Господь внялъ воплямъ своихъ избранныхъ: наша страна присоединяется къ единовѣрной и единоплеменной намъ державѣ русской. Ободрились православные, выдержавшіе борьбу до конца, сознали свою вину и заблудшіе наши братья-уніаты, и опять присоединились къ своей православной церкви.

Православная вѣра сдѣлалась господствующею въ нашемъ краѣ, но нельзя сказать, чтобъ она совершенно освободилась отъ своихъ внѣшнихъ стѣсненій, въ какихъ находилась прежде. Возвратился въ православіе простой народъ, насильно завлеченный въ унію, но не возвратились въ нѣдра православія олатинившіеся помѣщики, вступившіе въ родственныя отношенія съ поляками, которые успѣли совершенно выбить изъ ума ихъ и сердца преданія о православіи ихъ предковъ. Со времени присоединенія нашего края къ Россіи, здѣшніе помѣщики-паписты представляются какими-то пришельцами-завоевателями, давящими православное народонаселеніе. Они остаются здѣсь съ прежними крѣпостными правами, а слѣдовательно и съ прежними средствами, хотя нѣсколько и ограниченными, для подавленія православной вѣры и русской народности. Правда, теперь были отмѣнены всѣ стѣснительныя мѣры противъ православнаго духовенства; дѣти священниковъ имѣли свои самостоятельныя школы, построенныя русскимъ правительствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли доступъ и въ другія учебныя заведенія; право наслѣдства на приходъ по старшинству потеряло значеніе, и всѣ члены священническаго семейства освобождены отъ подати и тѣлеснаго наказанія; но все же, въ матеріальномъ отношеніи, наши священники, какъ и прихожане ихъ, весьма много зависѣли отъ помѣщиковъ. Считая себя поляками въ силу того, что они р. католики, они сочувствовали всѣмъ стремленіямъ Польши. Они не могли сочувственно относиться къ призыву правительства о народномъ образованіи. Ни одинъ помѣщикъ не только не содѣйствовалъ заведенію въ своемъ селѣ русской приходской школы, но даже, сколько могъ, противодѣйство-

валъ стремленіямъ въ этомъ дѣлѣ духовенства, внушая своимъ крестьянамъ безполезность и трату времени въ обученіи дѣтей русской грамотѣ. Даже въ послѣднее время, когда правительство обратило усиленное вниманіе на распространеніе приходскихъ и народныхъ школъ въ духѣ православія и русской народности, со стороны поляковъ посыпались секретныя внушенія простодушнымъ поселянамъ, что русское правительство потому такъ усердно въ послѣднее время заводитъ школы для ихъ дѣтей, что ему нужны грамотные солдаты; отсюда крестьянинъ дѣлалъ прямое заключеніе, что его сынъ, обучившійся грамотѣ, непремѣнно попадетъ въ солдаты и тѣмъ ослабитъ рабочую силу семьи. Пущенная нелѣпость возъимѣла свое дѣйствіе, и, кромѣ борьбы съ равнодушіемъ общины къ своей школѣ, священнику нужно было еще бороться съ различными нелѣпыми толками, распускаемыми поляками въ ущербъ распространенію русской грамотности.

Далѣе, въ крѣпостное время подстерегались всякія сближенія священника съ своими прихожанами—съ цѣлію развивать въ нихъ патріотическія чувства и любовь къ своей православной вѣрѣ. Такого священника помѣщикъ и его оффиціалисты старались поссорить съ прихожанами. Обыкновенные пункты, на которыхъ легко было возбуждать прихожанъ противъ священника— это копѣечная плата за требоисправленія. Помѣщикъ и его оффиціалисты вдругъ являются заботливыми друзьями народа, распрашиваютъ у него о поборахъ священника за требы, начинаютъ выяснять крестьянамъ, что священникъ не имѣетъ права брать съ нихъ награду за требоисправленіе, что это грѣшно и безбожно; крестьяне, подстрекаемые своими недавними и нечаянными пріятелями, подаютъ жалобу на священника, написанную кѣмъ-нибудь изъ панскихъ оффиціалистовъ. Жалоба, конечно, преувеличена, и священникъ, по прошенію прихожанъ, переводится на другой приходъ. И такъ панъ достигнулъ своей цѣли, а священникъ на другомъ приходѣ, станетъ осторожнѣе, и не будетъ рьяно вооружаться противъ всего панскаго. Если же иногда бываетъ такъ, что прихожане крѣпко любятъ своего батюшку, и нельзя ихъ подстрекнуть на жалобу, не смотря даже на угрозы со стороны помѣщика; въ такомъ случаѣ самый фактъ, что прихожане любятъ своего батюшку, вмѣняются ему въ вину. Помѣщикъ заноситъ жалобу лично отъ себя, что священникъ бунтуетъ его крестьянъ, а за фактами для доказательства дѣло не станетъ. Бываетъ же, что

и при самомъ рабскомъ подчиненіи какой нибудь общины пану, являются по временамъ въ ней члены, которые, по какимъ нибудь, можетъ быть, и отъ нихъ самихъ независящимъ обстоятельствамъ, являются ослушниками панской воли, въ родѣ того, напримѣръ, что не выйдетъ крестьянинъ на барщину въ тотъ день, въ который онъ не обязанъ былъ идти по инвентарнымъ правиламъ. Это считалось за ослушаніе со стороны крестьянина, который за то подвергался тѣлесному наказанію; а причина этихъ опытовъ ослушанія сваливалась на священника, особенно, если послѣдній замѣченъ былъ помѣщикомъ въ противодѣйствіи чему нибудь польскому и р. католическому, или же, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ объяснилъ крестьянину, что онъ, по инвентарнымъ правиламъ, обязанъ работать помѣщику только три дня, а остальное время принадлежитъ ему безраздѣльно. Какъ бы то нибыло, только священникъ въ подобныхъ случаяхъ объявлялся бунтовщикомъ и переводился на другой приходъ, съ выговоромъ отъ своего начальства не вмѣшиваться впередъ въ чужія дѣла.

Были еще у здѣшняго панства другія домашнія мѣры для усмиренія ревнующаго за православіе и русскую народность духовенства. Священникъ человѣкъ семейный; главное средство содержанія его семейства—это хозяйство. Но хозяйство священника, во многихъ отношеніяхъ, находилось въ прямой зависимости отъ помѣщика. Рѣдкій приходъ пользуется хозяйственными угодьями въ такой мѣрѣ, чтобы священнику можно было обойтись безъ пособій помѣщика. Но этихъ пособій всегда будетъ лишаться священникъ, если онъ станетъ въ оппозицію съ латинскимъ полонизмомъ. Далѣе,—панскія поля сберегаетъ полевой; забредшій на нихъ скотъ сгоняется въ помѣщичьи стойла и потомъ помѣщикъ взимаетъ за потраву, иногда мнимую, какую угодно контрибуцію. Случалось, и очень нерѣдко, что скотъ священника былъ пойманъ и на поляхъ непомѣщичьихъ; при добрыхъ отношеніяхъ священника къ помѣщику подобныя недоразумѣнія улаживались мирно; но при натянутыхъ, священнику каждый разъ, въ подобыхъ случаяхъ, приходилось крѣпко приплачиваться помѣщикамъ. Вотъ еще источникъ особаго рода непріятностей: правительство, для обезпеченія юго-западнаго духовенства, постановило, чтобы прихожане помогали священнику въ его хозяйственныхъ работахъ при запашкѣ и уборкѣ хлѣба. Это распоряженіе правительства поставило священника еще въ большую зависимость отъ помѣщика. По

приглашенію священника, прихожане рѣдко пойдутъ помогать ему въ работѣ; для этого большею частію нужно бываетъ обратиться къ понудительнымъ мѣрамъ панской экономіи, которая по инвентарнымъ правиламъ даже обязана была содѣйствовать священнику въ этомъ отношеніи. При добрыхъ отношеніяхъ священника съ помѣщикомъ,— это дѣло еще улаживалось какъ нибудь; но если священникъ въ разладѣ съ помѣщикомъ, то право священника на пособіе крестьянъ въ его полевыхъ работахъ бываетъ только источникомъ новыхъ непріятностей. Священникъ законно требуетъ отъ прихожанъ пособія въ работѣ, а прихожане отговариваются недостаткомъ времени, а тутъ еще иногда услужливая панская экономія шепнетъ крестьянамъ, что священнику не нужно работать. Священникъ съ своей стороны не желаетъ отказаться отъ своего права, дарованнаго ему правительствомъ; онъ обращается съ жалобою на прихожанъ къ ближайшему ихъ начальству—помѣщичьей экономіи, экономія или отвѣчаетъ, что ей нѣтъ дѣла до того—отработываютъ ли крестьяне назначенные священнику дни, или нѣтъ, или же, чтобы вести дѣло благовидно, поручаемъ прикащику сказать крестьянамъ, чтобъ они послушались священника и оказали ему пособіе при полевыхъ работахъ. Крестьяне понимаютъ хорошо смыслъ приказанія экономіи—и опять священникъ не имѣетъ работниковъ. Не разсчитывая на содѣйствіе экономіи, священникъ обращается съ жалобою къ становому приставу, который въ прежнее время получалъ отъ каждаго помѣщика опредѣленное жалованье и деньгами и продуктами, поэтому можно судить, какъ горячо долженъ принять къ сердцу жалобу священника становой приставъ. Но опять нужно дѣло вести благовидно. Становой приставъ обѣщаетъ священнику, что онъ предпишетъ экономіи его прихода, чтобы она понудила прихожанъ отработывать священнику назначенные рабочіе дни. Дѣйствительно, чрезъ двѣ—три недѣли, когда уже хлѣбъ перезрѣлъ, получается отъ становаго пристава въ экономію приказъ—содѣйствовать священнику, чтобы крестьяне отработывали ему узаконенные дни. Экономія опять шутливо предлагаетъ крестьянамъ помогать священнику въ полевыхъ работахъ, и священникъ опять безъ рабочихъ. Священникъ не теряетъ надежды добиться правды: онъ заноситъ жалобу повыше становаго пристава—самому исправнику. Опять дѣло идетъ на бумагѣ подобнымъ образомъ. Исправникъ чрезъ двѣ—три недѣли отвѣчаетъ на бумагу священника по дистанціи—становому при-

ставу, съ приличнымъ внушеніемъ, что по силѣ такой-то статьи свода законовъ и пр., прихожане должны отработывать священнику урочные дни. Становой, принявъ къ свѣдѣнію бумагу своего начальника, опять чрезъ нѣсколько недѣль, когда уже земля, можетъ быть, покрылась снѣгомъ, пишетъ отъ себя бумагу въ помѣщичью экономію, въ которой внушаетъ ей заставить прихожанъ помогать священнику. Экономія отвѣчаетъ на эту бумагу молчаніемъ, или, можетъ быть, для шутки, а болѣе для возбужденія прихожанъ тротивъ священника, объявляетъ имъ приказъ пристава, по жалобѣ священника, съ приличнымъ поясненіемъ, что вотъ какой недобрый у нихъ священникъ,— жалуется полиціи, чтобы она явилась къ нимъ съ розгами. Настала зима, и священникъ прекратилъ свои безполезныя жалобы на прихожанъ, раздраживъ ихъ только противъ себя. Переписавшись нѣсколько разъ по своему дѣлу съ подлежащими начальствами, священникъ горькимъ опытомъ приходитъ къ тому заключеніе, что ничего не подѣлаешь. А тутъ помѣщикъ, чтобы оставить со всѣмъ безъ рабочихъ рукъ священника, отбираетъ у него слугъ, а крестьянамъ дѣлаетъ секретныя угрозы, что если кто изъ нихъ пойдетъ на службу къ священнику, того онъ будетъ имѣть въ виду при рекрутскомъ наборѣ.

Да и можно ли пересчитать всѣ средства, которыя можетъ употребить сильный противъ безсильнаго! Вообще нужно сказать, что помѣщики были очень изобрѣтательны на разныя средства къ униженію и обидѣ православныхъ священниковъ, если они почему нибудь были имъ не любы.

Послѣ такой неровной борьбы священника съ своимъ помѣщикомъ, первый ненавидитъ всей душей своего притѣснителя, а все-таки долженъ заискивать *ласку* у своего помѣщика, если не хочетъ терпѣть разнаго рода непріятностей. Конечно, подобное двоедушіе не можетъ быть одобряемо; но въ такой формѣ должна была поневолѣ выразиться затаенная борьба православнаго священника съ преобладающимъ латино-польскимъ элементомъ. Заявлять антигонизмъ открыто священникъ не могъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ подвергаться весьма многимъ непріятностямъ и матеріальнымъ лишеніямъ,— а люди вообще не всегда охотно идутъ на встрѣчу непріятностямъ. Такимъ образомъ, священнику, униженіемъ и лестію, приходилось вымаливать у своего пана жизненныя удобства, и вообще лавировать такъ, чтобъ и не

дѣлать какой нибудь уступки во вредъ православію и русской народности,— и не вооружить противъ себя своего пана. Такой образъ дѣйствій выражается въ слѣдующей здѣшней поговоркѣ: „*Бога не гнівы—и черта не дражны.*“

Но нельзя сказать, чтобы ничего сторонняго не привилось къ нашему духовенству. Мы сказали, что наше духовенство было въ положеніи заискивающемъ *панскую ласку*; а эту ласку священникъ могъ выпросить не иначе, какъ на польскомъ языкѣ. Малороссійскій языкъ въ глазахъ поляковъ считался языкомъ презрѣннымъ—*хлопскимъ*; говорить порусски значило прямо раздразнить пана, давать ему чувствовать, что здѣшній край русскій, а не польскій, какъ объ этомъ постоянно мечталъ панъ, и, можетъ быть, въ пользу этой мечты дѣйствовалъ подземнымъ способомъ,— вообще священникъ, говорящій порусски. явился бы въ глазахъ помѣщика человѣкомъ неблагонамѣреннымъ, неимѣющимъ никакого права на панскую ласку; такимъ образомъ священнику оставалось вымаливать ее на польскомъ языкѣ.

Мы выше замѣтили, что во время польскаго владычества въ нашемъ краѣ, поляки всячески старались держать православное духовенство въ невѣжествѣ, чтобы обезоружить его нравственно. Этимъ невѣжествомъ особенно страдала женская его половина. Съ присоединеніемъ нашего края къ Россіи, для священническихъ дѣтей мужескаго пола открыты были учебныя заведенія, въ которыхъ приготовлялись будущіе пастыри церкви; дочери же священниковъ оставались безъ всякаго образованія. Существовали, правда, въ городахъ частные пансіоны, но воспитаніе въ нихъ обходилось не по средствомъ нашихъ священниковъ. Священникъ, и то рѣдкій, долженъ былъ ограничиться домашнимъ воспитаніемъ для своихъ дочерей, для чего приглашалъ въ свой домъ полуграмотныхъ гувернантокъ—полекъ, которыя вели обученіе священническихъ дочерей на польскомъ языкѣ; русскихъ же воспитательницъ священники не могли найти. Семейства, съ которыми священникъ, въ виду хозяйственныхъ интересовъ, долженъ былъ вести знакомства,—это были польскія семейства помѣщичьихъ оффиціалистовъ, въ средѣ которыхъ, какъ и слѣдуетъ, преобладалъ языкъ панскій. Входя въ эти семейства и принимая ихъ къ себѣ, не иначе должно было вести разговоръ, какъ на польскомъ языкѣ. Вообще польскій языкъ въ домахъ священниковъ сталъ языкомъ салоннымъ. Обыкновенно въ семействахъ священниковъ разговоръ между со-

бою велся на малороссійскомъ нарѣчіи, но явись въ ихъ общество хоть одинъ полякъ, и выступаетъ на сцену языкъ салонный—польскій. По этому неудивительно, если дочь священника прекрасно говоритъ попольски, и съ трудомъ можетъ промолвить двѣ—три фразы порусски. Чисто русскій языкъ былъ принадлежностію школы и употреблялся для оффиціальныхъ объясненій священника съ своимъ начальствомъ. Но все-таки вы ошибетесь, читатель, если подумаете, что дочь священника, отвѣчающая на русскіе вопросы польскимъ языкомъ, ополячилась, и что ея польская рѣчь есть внѣшняя печать, свидѣтельствующая о внутреннемъ строѣ ея мыслей и чувствъ. У насъ польскій языкъ до послѣдняго времени игралъ такую роль, какую теперь играетъ французскій языкъ въ высшихъ кругахъ нашего русскаго общества. Вѣдь никому же и въ голову не прійдетъ подумать, что русскій человѣкъ офранцузился отъ того, что говоритъ пофранцузски. Наша національность проводитъ глубокую черту въ душѣ русскаго человѣка, такъ что въ самой французской рѣчи слышится чисто русскій акцентъ, или, какъ для шутки выражаются: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Тотъ допустилъ бы грубую ошибку, кто бы подумалъ, что въ семействахъ нашихъ священниковъ стушевалась русская народность отъ того, что тамъ, до послѣдняго польскаго возстанія, или лучше сказать, до уничтоженія крѣпостной зависимости православнаго народонаселенія отъ польскаго, преобладалъ польскій языкъ въ качествѣ салоннаго языка. Напрасно, поэтому, нѣкоторые русскіе люди дѣлали неблагопріятные для насъ выводы относительно сбереженія въ цѣлости завѣщанныхъ намъ нашими предками православія и русской народности, доискивались—нѣтъ ли въ насъ какого нибудь внутренняго сродства съ полонизмомъ? Смѣю можетъ сказать, что между нами и поляками существуетъ большой антагонизмъ, Великороссъ можетъ мѣряться съ польскою національностію, такъ скажемъ, отвлеченно—насколько эта послѣдняя разнится съ его національностію; мы же мѣрялись съ польскою національностію на самомъ дѣлѣ, намъ приходилось выдерживать фактическую борьбу съ нею, въ насъ окрѣпло то чувство, какое обыкновенно существуетъ у притѣсняемыхъ по отношенію къ своимъ притѣснителямъ.

Таково было положеніе нашего духовенства въ крѣпостное время,— каково же было положеніе массы народа—крестьянъ? Это

были безмолвные рабы польскихъ пановъ; это былъ хлопъ— *psia krew*,— хлопская вѣра. Православный народъ тупо повиновался своимъ польскимъ владѣльцамъ; долгое пребываніе крестьянина подъ панскимъ кнутомъ привело его къ тому убѣжденію, что онъ на то и мужикъ, чтобы его билъ панъ, а панъ на то и панъ, чтобы онъ билъ мужика. Приходя въ сознаніе себя, какъ человѣка, онъ пѣлъ иногда пѣсню о своей долѣ, что она гдѣ то бродитъ и къ нему не возвращается, вспоминалъ, что когда то его предки были людьми вольными, переносился далеко мыслію въ прошедшее.... но панскій кнутъ прерывалъ его мечтанія, и онъ опять приходилъ къ прежнему убѣжденію, что онъ мужикъ, котораго долженъ бить панъ.

Но вотъ пронеслось царское слово: „Да осѣнитъ себя православный русскій народъ крестнымъ знаменіемъ на свободный трудъ.“ Эти слова оживили нашъ народъ; онъ помолился Богу за Царя-освободителя и принялся за свое дѣло. Вскорѣ за тѣмъ поляки провозгласили свои слова: „братство, вольность и равенство“, и побѣжали въ лѣсъ. Наши крестьяне, съ дубинами на перевѣсъ, пошли искать этихъ глашатаевъ новой свободы и представлять русскому начальству. На всѣ приманки польскихъ агитаторовъ, они отвѣчали, что не хотятъ знать другой свободы, кромѣ той, которую даетъ Русскій Царь. Помѣщики-поляки думали, что крестьяне всегда будутъ имѣть къ нимъ тупое послушаніе, какъ это было во время барщины; что стоитъ только взять въ руки хворостину и быдло пойдетъ туда, куда его погонятъ. Но опытъ разувѣрилъ нашихъ поляковъ въ ошибкѣ: они собственными глазами увидѣли, что народъ сознательно держитъ сторону русскаго правительства. Не могли сманить его ни ласка пановъ, ни золотыя грамоты. Нашъ народъ вѣрилъ только русскому царю и его правительству. Если народъ нашъ во время барщины тупо повиновался своимъ польскимъ владѣльцамъ, какъ неизбѣжному року; то съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, онъ сознавъ свои права и свою обязанность подчиняться только русскому правительству, какъ родственному ему—и по вѣрѣ, и по національности.

Припоминается намъ еще, что насъ упрекали за то, что въ домахъ священниковъ встрѣчаются иконы съ польскою надписью и дѣлали отъ того неблагопріятный для насъ выводъ. Въ нашемъ краѣ православная живопись мало распространена, иконы въ православномъ стилѣ съ трудомъ достаются; что жъ удивительнаго, если

намъ приходилось употреблять въ нашихъ домахъ такія иконы, какія попадались! Были у насъ иконы, и теперь есть, съ польскими и нѣмецкими надписями; но отъ этого явленія до упрека насъ въ приверженности къ полонизму или германизму слишкомъ далеко. Вообще—наши судьи слишкомъ къ намъ строги; они забыли то, что мы доказали свои убѣжденія и симпатіи самымъ дѣломъ въ минуты испытаній.

Въ настоящее время, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, которое косвеннымъ образомъ тяготѣло и на духовенствѣ, прилипшее къ намъ отъ сосѣдей само собою начинаетъ отваливаться. Теперь въ семействахъ священниковъ не слышится польская рѣчь, она уже потеряла свой кредитъ; русская рѣчь одолѣла ее. Мужескія и женскія заведенія въ русскомъ духѣ, распространяющіяся въ настоящее время въ нашемъ краѣ, поставятъ его внѣ всякой надобности подновлять здѣшній русскій элементъ посредствомъ переселеній, какъ это проэктировалось нѣкоторыми.

НАЧАЛО УНІИ *).

1587—1589.

12-го декабря, 1586 года, умеръ Стефанъ Баторій, отравленный (1) среди своихъ исполинскихъ замысловъ. Онъ намѣревался или посредствомъ договоровъ, или оружіемъ соединить все московское государство съ Польшею и Литвою и, безъ сомнѣнія, обратить его въ р.-католическую вѣру. Папа Сикстъ V-й не только усердно побуждалъ его къ этому воинскому подвигу, но даже обѣщалъ подкрѣпить денежными пособіями, и уже съ этою цѣлью повелѣлъ собрать деньги съ нѣкоторыхъ итальянскихъ купцовъ (2) Могло ли это предпріятіе осуществиться при чрезвычайной уже въ то время обширности и силѣ Московскаго Государ-

*) Эта статья, изображая—какимъ образомъ дѣйствовала представительница Запада—Польша противъ Востока въ одномъ изъ его народовъ—Руси, имѣетъ общеславянскій интересъ, и потому сообщаемъ ее нашимъ читателямъ. Ред.

(1) Albertrandi Dzieje Krol. Polskiego, стр. 149.

(2) Onacewicz, II, стр. 229 и 241.

ства; удалось ли бы захватить области Московскія, Новгородскія, Астраханскія, Казанскія, Сибирскія и др., и подвести ихъ подъ систему правленія, истекавшую изъ сеймовъ варшавскихъ, при исконной народной и религіозной враждѣ русиновъ къ полякамъ и при зачавшемся уже въ царствованіе Стефана, ненавистномъ для русиновъ, духѣ вѣроисповѣднаго обращенія—смѣло можно сомнѣваться.

Еще передъ смертію Стефана случились на Руси два важныя происшествія. Первое: р.-католики приняли новое лѣточисленіе григоріянское. Поэтому король и латинское духовенство требовали, чтобъ и разновѣрцы, находившіеся подъ польскимъ владычествомъ, согласовались съ ними, отъ чего произошли большія смуты. Князь прусскій, зависѣвшій отъ Польши, никакъ не хотѣлъ единства, опираясь на различіе вѣры и свободы (1). Въ Ливоніи, въ 1585 году, дѣло дошло до страшныхъ волненій, особенно въ Перновѣ и Ригѣ, гдѣ королевскіе универсалы, предписавшіе новое лѣтосчисленіе, были изорваны, приверженцы ненавистнаго правительства, также какъ и іезуиты, изгнаны, словомъ поднятъ былъ почти открытый бунтъ (2). Не меньшіе раздоры господствовали и на Руси. Янъ-Димитрій Суликовскій, архіепископъ львовскій, приказалъ брату своему, Войцѣху, 24-го декабря, 1583 года, по старому лѣточисленію, на канунѣ русскаго праздника Рождества Христова, запечатать церкви послѣдователей восточнаго исповѣданія. Въ слѣдствіе этого Войцѣхъ, взявши съ собою каноников изъ капитулы, отрядъ вооруженныхъ и толпу р.-католической черни, ходилъ во Львовѣ изъ одной церкви въ другую, прогонялъ поповъ, силою разгонялъ русскій народъ, запиралъ и запечатывалъ церкви. Такое явное насиліе было причиною разныхъ смутъ не только въ Львовѣ, но и по всему краю. Русскій епископъ, Гедеонъ Балабанъ, внесъ протестацію въ городскіе львовскіе и галицкіе акты и, будучи самъ изъ сильнаго рода, позвалъ архіепископа на сеймъ къ отвѣту, за оскорбленіе святыни и нарушеніе общественной безопасности. Только посредничество знатныхъ

(3) Onacewicz; стр. 158.

(4) Onaccwicz; стр. 222. Въ 1589 году за эти несчастныя волненія, по причинѣ введенія новаго лѣтосчисленія, Рига была наказана смертію трехъ жителей, возвращеніемъ іезуитовъ и пенею въ 10,000 талеровъ. Nemcewiez. Dzieje Zygmunta III, томъ I, стр. 206.

пановъ, какъ то: Константина, князя Острожскаго, Остафья Воловича, Станислава Жолкевскаго и Яна Глѣбовича, остановило дѣло: архіепископъ обѣщалъ не дѣлать помѣхи русскому богослуженію, а король, желая успокоить раздраженные умы, своимъ рескриптомъ оставилъ русиновъ при свободѣ стараго лѣтосчисленія. Другое произшествіе было слѣдующее. Въ 1585 году прибылъ въ Львовъ патріарх Великой Антіохіи, Іоакимъ, собиравшій по русскимъ областямъ милостыню и пособія на возстановленіе, пришедшихъ въ упадокъ, храмовъ и утѣсненнаго греко-христіанскаго духовенства въ Сиріи. (1) Онъ остановился, на нѣкоторое время, при городской церкви. Кромѣ собиранія милостыни, было у него въ тоже время намѣреніе: совѣтами, наставленіемъ и исправленіемъ нарушенныхъ уставовъ, подкрѣпить восточныхъ христіанъ и поощрять ихъ къ ревностному и твердому соблюденію ихъ давняго вѣроисповѣданія, которое, въ царствованіе Стефана, по навѣтамъ іезуитовъ, и именно Антонія Посевина, находилось къ большой опасности. Для этого патріархъ занялся устройствомъ благочинія въ русскомъ братствѣ, далъ ему, 1-го января, 1585 года, уставъ, побудилъ къ основанію школы для греческаго о славянскаго языковъ, къ возстановленію типографіи, которая могла бы снабжать духовенство и народъ нужными книгами, и къ сооруженію великолѣпной каменной церкви при новопостроенной Корнятковской башнѣ. Въ то же самое время, вмѣстѣ съ патріархомъ Іоакимомъ, а можетъ бить и особо, прибылъ въ Львовъ митрополитъ демонтики и еласонскій, Арсеній, и началъ во вновь заведенной, братской школѣ преподаваніе греческако и славянскаго языковъ. Благочиніе братства, въ которое записалось множество вельможъ, и заведеніе школы съ типографіей, произвели важныя перемѣны въ здѣшней Руси. Первое сдѣлалось главною точкою соединенія всѣхъ тѣхъ, которые крѣпко стояли за греческое исповѣданіе и давали сильный отпоръ вскорѣ начавшейся уніи; а школа, вмѣстѣ съ книгопечатнею, распространяла науки, дотолѣ пренебрегаемыя на Руси, и выставила много замѣчательныхъ и ревностныхъ мужей.

Какъ скоро разнеслась вѣсть о смерти короля Стефана, обширное поле открылось для смутъ, раздоровъ и замѣшательствъ, которыя возбуждались и поддерживались съ необузданною горячностію преимущественно двумя знаменитыми сторонами. Въ головѣ

(1) Карамзинъ; т. X, стр. 117.

одной стояли могущественные Зборовскіе, а другой Янъ Замойскій, великій гетманъ и коронный канцлеръ, сильный богатствомъ, собраннымъ среди услугъ, оказанныхъ государству, и родствомъ по женѣ съ Баторіями. О причинахъ ненависти и вражды этихъ двухъ сторонъ я долженъ здѣсь сказать, хотя въ короткихъ словахъ, а за остальнымъ отсылаю читателя къ исторіи царствованія Баторія, соч. Онацевичемъ, и царствованію Сигизмунда III—Нѣмцевича, Гайденштейна и др. Еще въ 1574 году, во время сейма по случаю вѣнчанія короли Генриха, въ минуту торжества и рыцарскихъ забавъ, въ королевскомъ замкѣ возникла распря между сильными вельможами, Самуиломъ Зборовскимъ и Яномъ Тенчинскимъ, изъ за пустяковъ. Дѣло дошло до того, что они, въ самомъ даже замкѣ, съ толпою своихъ приверженцевъ и служителей, вступили въ схватку, въ которой Самуилъ Зборовскій смертельно ранилъ каштеляна Ваповскаго, старавшагося разнять сражающихся, отъ чего этотъ умеръ. Такой проступокъ, уже самъ по себѣ важный, а и того важнѣйшій по тому, что совершенъ былъ въ королевскомъ замкѣ и во время сейма, требовалъ всей строгости правосудія. Однако король, расположенный къ Зборовскимъ, которыхъ сторона помогла ему взойти на престолъ, присудилъ, и безъ того уже бѣжавшаго, Самуила къ изгнанію, хотя вина его требовала смертной казни, лишенія чести и отобранія имущества. Самуилъ отправился въ Седмиградію, оставался тамъ при дворѣ Стефана Баторія и, когда польскій престолъ, послѣ бѣгства Генриха, былъ объявленъ упраздненнымъ, своимъ вліяніемъ произвелъ то, что Зборовскіе, могущественные по своему богатству, а еще болѣе по родственнымъ связямъ, поддержали выборъ Стефана на престолъ польскій.

Съ королемъ Стефаномъ безбоязненно прибылъ въ Польшу и Самуилъ, хотя законъ опредѣлялъ смерть всякому, кто, будучи изгнанъ судебнымъ приговоромъ, осмѣлится воротиться; бродилъ по Польшѣ, окруженный толпою наемниковъ, разбойничалъ и даже наѣзжалъ на сосѣднія области. Замойскій, какъ староста краковскій, убѣждалъ Самуила, чтобы онъ остерегся показываться въ подвѣдомственномъ ему округѣ, гдѣ, въ силу закона, долженъ будетъ схватить его и поступить съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Но это не подѣйствовало на Зборовскихъ; напротивъ, они положили добыть себѣ самое прибыльное староство и, сверхъ того, самый почетный санъ и значеніе. Высокомѣрію и корыстолюбію ихъ не

было границъ. Видя, что король, поддержанный ими, хотя уже и наградилъ ихъ за то щедро, однако совершенно не думалъ ни подѣлиться съ ними своей властью, ни лишить ихъ всего, но, цѣня и въ другихъ дарованія и заслуги, особенно въ Замойскомъ, держался болѣе этого послѣдняго, чѣмъ рода буйныхъ Зборовскихъ,—они жестоко возненавидѣли короля, и трое изъ нихъ, именно: Самуилъ, тотъ самый, который былъ изгнанъ, Христофоръ и Андрей, замыслили на королевскую жизнь, а Самуилъ, не обращая вниманія на предостереженіе Замойскаго, явился съ отрядомъ подъ Краковымъ и даже намѣревался овладѣть королемъ. Замойскій, не вытерпѣвъ, велѣлъ схватить его и казнить въ Краковѣ, какъ бунтовщика. Предъ смертію, Самуилъ признался во многихъ смертоубійствахъ и другихъ преступленіяхъ. Братья его были позваны къ суду за оскорбленіе величества и замыслы на жизнь короля: судъ приговорилъ Христофора и Андрея, которые, впрочемъ, спаслись бѣгствомъ, къ смертной казни, лишенію дворянства и имущества.

Въ послѣдовавшемъ за смертью Баторія междуцарствіи, во главѣ одной стороны находились Зборовскіе, съ могущественнымъ Станиславомъ Горкою; а Андрей Зборовскій, хотя лишенный чести и выгнанный изъ государства, не только пріѣхалъ на сеймъ, но даже получилъ мѣсто въ сенатѣ (1). Напротивъ того, во главѣ другой стороны сталъ Янъ Замойскій. Та и другая сторона прибыли на избраніе съ нѣсколькими тысячами войска и вольныхъ сторонниковъ, и военный станъ раскинутъ былъ подъ Варшавой, казалось не столько для избранія короля, сколько на какой нибудь ратный подвигъ. Не бошлось и безъ кровопролитія. Въ сенатѣ, обокъ съ Замойскимъ, палъ застрѣленный изъ ружья, сторонникъ его, Вацлавъ Вонцовичъ, упрямый каноникъ забржезинскій, который сталъ въ сенатѣ при своемъ куянскомъ епископѣ (2): но все это необходимо относилось къ чести вольности. Рядомъ съ этими двумя, взаимно непріязненными и сражающимися, сторонами, литовцы раскинули третій станъ, спокойно наблюдая, чѣмъ кончится этотъ трагически-анархическій обрядъ.

Соискателями польской короны, хотя и обвитой терніями, бы-

(1) Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III, 1, стр. 15.

(2) Ioannis Demetrii Sulikowski, Comentarius rerum Polonicarum, pag. 192. Piasecki, Cronica Cracoviae. 1645, pag. 58.

ли, эрцгерцоги: Фердинандъ, Эрнестъ, Максимиліанъ и Матоей, на сторонѣ которыхъ стояла партія Зборовскихъ; Өедоръ Ивановичь, царь московскій, которому благопріятствовали литовцы и русины, желавшіе отдѣлиться отъ Польши (1); и Сигизмундъ, королевичь шведскій, сынъ сестры Сигизмунда Августа Ягайловича, которому особенно помогала королева Анна, жена Баторія, какъ тетка, да и партія Замойскаго благопріятствовала ему. Но такъ какъ литовцы не брали надлежащаго участія въ избраніи, а поляки не чаяли получить никакого барыша отъ гордаго Өедора Ивановича, не хотѣвшаго покупать корону (†), то на выборъ остались только два дома: австрійскій и шведскій.

Приступили къ избранію. Послѣ продолжительныхъ увертокъ, обмановъ, доходившихъ до открытой битвы, перемнокъ другъ у друга архіепископа-примаса, обоимъ необходимаго при провозглашеніи короля, и послѣ различныхъ хитростей, не могши согласиться, сторона Замойскаго объявила королемъ польскимъ Сигизмунда шведскаго, а сторона Зборовскихъ—эрцъ-герцога Максимиліана. Послѣ этого начались между противниками домашнія нападенія, схватки, грабежи, хищенія (††); стали разрушать города и села (†††), поднялася война съ эрцъ-герцогомъ Максимиліаномъ (††††), наконецъ, послѣ долгаго кровопролитія, въ коемъ пали многіе роды, Сигизмундъ III успѣлъ утвердиться на престолѣ и былъ коронованъ 28 декабря, 1587 года. Никто не остался доволенъ этимъ выборомъ. Іоаннъ, король шведскій, отецъ Сигизмунда, долго не хотѣлъ отпускать своего единственнаго сына, а потомъ, от-

(1) Heydenstein, p. 292. Niemcewicz. Dzieje 1, стр. 49.

(†) «Горды были рѣчи московскихъ пословъ: хотѣли скорѣе Польшу къ Москвѣ, чѣмъ Москву въ Польшѣ присоединить,» пишетъ Нѣмцевичь, I, стр. 91.

(††) Sulikowski, стр. 198. Haydenstein, стр. 264. Niemcewicz, I. стр. 91.

(†††) Нѣмцевичь, стр. 106: «по обычной во время междуцарствія привычкѣ, когда ближайшія къ Кракову селенія были разрушены, либо сожжены»—прекрасный обычай!

(††††) Ерцъ-герцогъ Максимиліанъ безъ сомнѣнія взялъ бы верхъ, еслибъ у него не было такихъ сторонниковъ, каковыми были Зборовскіе. Нѣмцевичъ, стр. 49, пишетъ: «Когда бы не слѣпая запальчивость Зборовскихъ, то, вѣроятнѣе было, что Максимиліанъ восторжествуетъ, и выборъ этотъ былъ бы въ настоящемъ и будущемъ счастливѣе, нежели тотъ, который состоялся.»

пустивши, настаивалъ, чтобы онъ отрекся отъ тягостной короны и воротился на родину. Сигизмундъ долженъ былъ терпѣливо выслушать длинныя надменныя рѣчи (1); отъ него требовали, чтобы онъ уступилъ Польшѣ Эстонію, которая не была личною собственностію, но принадлежала коронѣ шведской; въ упрекъ ему, жалѣли, что избрали такого бѣдняка. Крикливый Замойскій досадовалъ на молчаливаго короля и его малозначительные пріемы. Зборовскіе были уничтожены; литвины и русины презрѣны; эрцъгерцогъ побѣжденъ: словомъ, если бы шведы признали католика Сигизмунда своимъ королемъ, или Сигизмундъ отказался отъ упорнаго стремленія обратить шведовъ въ католическую вѣру, то онъ сдѣлался бы королемъ шведскимъ, а престолъ польскій вскорѣ снова былъ бы празденъ.

Когда польскія области и Русь наша, съ ними соединенная, въ усобицахъ, обагрялись кровью и селенія объяты были пламенемъ, тогда благоразумная Литва, не желая подвергать свои край подобнымъ бѣдствіямъ, съ большою осторожностію присматривалась къ этому зрѣлищу. Первостепенные литвины, собравшіеся въ Брестѣ, спокойно ожидали близкаго уже конца и, когда счастье войны перешло на сторону Замойскаго и, слѣдовательно, Сигизмунда, прибыли, въ генварѣ 1588 года, въ Краковъ и на аудіенціи у Сигизмунда сожалѣли, что избраніе и коронація состоялись безъ нихъ, что для вынутія королевскихъ знаковъ, печати литовскія въ хранилищѣ были сорваны; напослѣдокъ желали, чтобы завоеванная при Баторіѣ Ливонія была соединена съ Литвою и поддержано было перемиріе съ Москвою, заключенное на 15-ть лѣтъ. Долго поляки спорили съ ними о Ливоніи, или лучше о тамошнихъ прибыльныхъ староствахъ, но литвины, грозя отъѣздомъ и отпаденіемъ отъ Польши, откланиваясь и ведя искусно дѣло, настояли, наконецъ, на томъ, что Ливонія была признана общимъ достояніемъ Польши и Литвы, и перемиріе съ Москвою подтверждено; послѣ этого они тотчасъ присягнули королю. Вскорѣ поляки жалѣли, что допустили литовцевъ къ участію въ управленіи Ливоніею, и стали за то въ сенатѣ попрекать литовскихъ вельможъ; но эти, бросивъ свои мѣста и неотвѣчая ни слова, вышли изъ сената. Ополяченный русинъ, Нѣмцевичъ, негодуетъ (на стр. 180) на литвиновъ за то, что они вступались за цѣльность правъ и

(1) Niemcewicz; I, 125—140.

особенность своего народа, сколько это еще возможно было по соединеніи Литвы съ Польшею, и что не поддались такъ легко вихрю польскаго безначалія.

Хотя Сигизмундъ, король партіи Замойскаго, черезъ коронацію имѣлъ уже важный перевѣсъ на своей сторонѣ, однако это не устрашило Зборовскихъ. Для поддержанія Максимиліана, одинъ изъ ихъ сторонниковъ, Язловецкій, задумалъ помятежничать у насъ, въ Галицкой Руси. „Связи,—пишетъ Сярчинскій (1),—стяжанія, совѣщанія, посулы и безнаказанность своеволія привлекли подъ его знамена множество вооруженныхъ русиновъ (разумѣется, польской шляхты, размножившейся на Руси), съ которыми онъ пустился на назначенный съѣздъ ко Львову. Вздрогнули горожане при видѣ скорѣе буйнаго скопища, чѣмъ войска, которое везло съ собою и пушки; заперли городскія ворота и укрѣпились, сколько могли." Не смотри на то, съѣздъ состоялся за стѣнами города, но, по старанію Замойскаго, разошелся ни съ чѣмъ, исключая вреда, причиненнаго окрестностямъ. Подобными съѣздами, мятежами, вооруженными сборищами, или какъ хотите назовите правильнѣе, наполнена каждая страница Сигизмундова царствованія и даже всей исторіи Польши. Всякій, кто только былъ силенъ и краснорѣчивъ, оскорбленный отказомъ въ старствѣ или въ другомъ какомъ либо прибыльномъ мѣстѣ (2), устроивалъ такой съѣздъ, называвшійся, въ послѣдствіи, конфедеренціею; около него собиралась толпа негодяевъ, бездѣльниковъ, гулякъ и разнаго рода бѣдняковъ, подъ громкимъ именемъ вольной шляхты, хотя не рѣдко большую часть ихъ составляли подстаросты, также помѣщики, чиновники, такъ называемые дворяне, бродяги, служившіе изъ за денегъ, толпа дворни, одѣтой по шляхетски, и шайки наемниковъ. Предводители ихъ выбирали изъ среди себя маршалка, совѣтниковъ, витій, издавали опредѣленія, нарушали и уничтожали права, поста-

(1) Pszczoła Polska we Lwowie,—roku 1820 wydana. T. II, str. 26.

(2) «Именно,—говоритъ Сярчинскій (тамъ же, стр. 25),—Староства и себялюбіе были всегдашнею причиною подобныхъ смутъ. Не первое и не послѣднее доказательство, предлагаемое нашей исторіей, того, что староства, называемыя хлѣбомъ заслуженныхъ, и всего менѣе достававшіяся этимъ послѣднимъ, были вѣчнымъ источникомъ частыхъ неудовольствій, общественнаго безпорядка, домашнихъ войнъ, мятежа противъ правительства и преступниковъ противъ отечества.»

новленныя волею народа на сеймѣ, налагали подати и повинности; посылали пословъ къ королю, который принужденъ былъ спокойно выслушивать ихъ упреки и наговоры и, вмѣсто того, чтобы бросить мятежниковъ къ тюрьму, давалъ имъ отвѣты чрезъ своихъ канцлеровъ. Бѣда городу или окрестностямъ, гдѣ собирались подобные защитники свободы: имъ все было вольно. Вотъ почему и нашъ Львовъ заперъ отъ нихъ ворота и укрѣпился. Этою заразою своеволія одержимъ былъ и пресловутый Замойскій, который, въ сладкихъ рѣчахъ своихъ, безпрестанно твердилъ о правѣ, общественномъ порядкѣ, любви къ отечеству, а самъ, между тѣмъ, попиралъ ихъ беззаконно. Онъ ухватился за Сигизмунда, ибо зналъ, что ему не удастся безнаказанно презирать короля изъ австрійскаго дома, господствовавшаго надъ значительной частью Европы, и прикрылъ это любовію къ свободѣ народа. По этому онъ взялъ сторону Сигизмунда съ тою мыслію, что король, не получая помощи извнѣ, какъ ученикъ, преклонится предъ его наставническимъ жезломъ; но, замѣтивъ, что молодой кололь чрезмѣрно упрямъ и имѣетъ гораздо близшихъ сердцу своему совѣтниковъ, мутилъ и бунтовалъ, въ надеждѣ, что, низвернувъ его съ престола и устранивъ своихъ завистниковъ въ народѣ,—собратій вельможъ, возложитъ, со временемъ, польскій вѣнецъ на свою собственную голову (1).

НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ ПОЛЬШѢ (2).

Нѣтъ сомнѣнія, что гораздо прежде обращенія Мечислава, христіанство, и именно по восточному вѣроисповѣданію, уже существовало въ Польшѣ,— что многія тысячи христіанъ находились тогда какъ въ великой Польшѣ, такъ и въ бѣлой и красной Хорватіи, то есть, говоря собственно— на пространствѣ

(1) Siarczynski. Pszczoła Polska, Tom II, str. 35, 38, 119 и Tom III, str. 106.

(2) Извлечено изъ новой книги: «Церковно-Историческое и Статистическое описаніе варшавской православной епархіи, составленное варшавскаго каѳедральнаго собора ключаремъ, протоіереемъ Аѳанасіемъ Лотоцкимъ (нынѣ архимандритомъ Амвросіемъ, намѣстникомъ почаевской лавры). Почаевъ 1863 г, Продается въ Кіевѣ у Литова и въ Почаевѣ—въ лаврѣ. Цѣна 1 р.

нынѣшняго всего царства польскаго, составляющаго предѣлы нынѣшней православной варшавской епархіи.

Польскій историкъ Станиславъ (1) Лубинскій свидѣтельствуетъ, что самъ Піастъ уже имѣлъ понятіе о немъ. Нарушевичъ пишетъ, что слѣды христіанства уже видны въ Польшѣ во время княженія Зимовита (въ половинѣ IX вѣка), а Фризе утверждаетъ, что это христіанство при Зимовитѣ было именно греко-славянское (2). Но при такихъ свѣтильникахъ восточной церкви, каковы были Кириллъ и Меѳодій, не должно ли оно было болѣе и болѣе распространяться въ этой странѣ? Сами враги Меѳодія, которые клеветали на него предъ римскими первосвященниками, упоминаютъ въ своихъ доносахъ, что онъ, будучи архіепископомъ моравскимъ, распространяетъ христіанство, по обрядамъ восточной церкви, на славянскомъ языкѣ и съ разными заблужденіями, (такъ они выражались), и въ другихъ сосѣднихъ къ Моравіи славянскихъ странахъ, какъ-то: Богеміи, Силезіи и Польшѣ; а Фризе въ своей исторіи говоритъ, что въ то время христіанство чрезъ Кирилла и Меѳодія уже много распространилось въ Богеміи, Силезіи, Лузаціи и въ самой Польшѣ, и съ согласія самихъ папъ распространилось именно по обрядамъ восточной, а не римской церкви.

Но, если гдѣ, то особенно у хорватовъ, составлявшихъ значительную часть тогдашней Польши, православные христіане подъ конецъ IX столѣтія, умножались и входили въ составъ моравской митрополіи. И дѣйствительно, по словамъ Мацѣевскаго (3), Краковъ, вмѣстѣ съ своимъ округомъ, входилъ даже исключительно въ составъ епархіи Меѳодія. Присовокупимъ, что писатель древней исторіи силезской церкви Парицій утверждаетъ, что и самая каѳедра силезскаго епископства находилась сперва въ Смогоржевѣ (нынѣшнемъ Бреславлѣ), зависѣла отъ моравскаго первосвятителя и была первоначально греко-славянскаго исповѣданія (4).

По словамъ Стредовскаго, Меѳодій скончался въ 910 году, въ 90 лѣто своей жизни и въ 63 своего епископства (5). Въ

(1) Stanislaus Lubinski, in vita Eppor. Plocens. p. 6.
(2) Kirchengescgichte des Polens, p. 26.
(3) Исторія церкви у славянскихъ народовъ; стр. 107.
(4) Тамъ же, стр. 165,
(5) Stredowski— Morav. Sacra, p. 424.

теченіи столь долгаго времени, при неусыпныхъ трудахъ и просвѣщенной опытности сего іерарха, какъ въ другихъ славянскихъ странахъ, такъ и въ тогдашней Польшѣ, христіанство безъ сомнѣнія уже пустило корни. Замѣтимъ еще, что оно, какъ христіанство именно восточное, тѣмъ скорѣе и удобнѣе отворяло себѣ входъ въ сердца язычниковъ. Будучи проповѣдуемо на языкѣ природномъ—славянскомъ, оно дѣлалось понятнымъ каждому. Богослуженіе и обряды, совершаемые на томъ же языкѣ, сближали христіанъ съ язычниками и приводили въ умиленіе даже сихъ послѣднихъ.

Были и другія причины, по которымъ христіане въ тогдашней Польшѣ болѣе и болѣе умножались.

Подъ конецъ IX вѣка, Моравія и Богемія много терпѣли отъ гунновъ и мадьяровъ. Многіе изъ жителей той или другой страны переселились въ сосѣднюю Польшу и, будучи христіанами, умножали число исповѣдующихъ восточную вѣру въ народѣ польскомъ (1).

Къ сему времени Гозій относитъ и построеніе греческой церкви въ Краковѣ, подъ именемъ пресвятыя Дѣвы Маріи (2).

Неоспоримо и то, что, по смерти Меѳодія, были преемниками его подобные ему архипастыри, управлявшіе какъ въ Польшѣ, такъ и въ другихъ славянскихъ странахъ, христіанскими церквами, по обрядамъ восточнымъ. Можно даже полагать, что они не терпѣли отъ Рима тѣхъ притязаній, какія терпѣлъ Меѳодій, по клеветамъ зальцбургскихъ архіепископовъ. Ибо, въ продолженіи почти цѣлаго X вѣка, папы сами не твердо сидѣли на своемъ престолѣ, и потому мало занимались чужими престолами (3). Висногъ, присланный въ Польшу отъ Меѳодія, сперва какъ наставникъ, безъ сомнѣнія, былъ послѣ и представителемъ церкви польской. Исторія не передала именъ тѣхъ архипастырей, а всего вѣрнѣе историческія о томъ свѣдѣнія въ послѣдствіи времени истреблены недоброжелателями православной церкви.

Крещеніе Мечислава. Обращеніе Мечислава въ христіанство само собою доказываетъ существованіе въ X вѣкѣ право-

(1) Stredowski— Morav. Sacra, p. 415.
(2) Hosius in seiuem Gespräche von Lesung der heiligen Schrift; Tom III. p. 385.
(3) Исторія Россійской церкви прот. Скворцова, стр. 96.

славной греко-восточной вѣры въ Польшѣ. Оно совершилось крещеніемъ его въ 965 году. Мы видѣли, что до того времени въ странахъ, составлявшихъ тогдашнюю Польшу, уже были многія тысячи христіанъ, и не другаго исповѣданія, какъ только восточнаго православнаго, и притомъ не только низшихъ, но и высшихъ сословій. Число ихъ особенно увеличивалось моравцами и богемцами, которые, не находя безопасности въ отечествѣ, по случаю набѣговъ отъ гунновъ и мадьяръ, искали для себя спокойствія въ отечествѣ новомъ— странахъ тогдашней Польши. Самыя названія фамилій этихъ переселенцевъ долго хранились въ Польшѣ, а нѣкоторыя доселѣ извѣстны. Стредовскій и Папроцкій (1) именно упоминаютъ: о Шидловскихъ, Канецкихъ, Хлевицкихъ, Дембинскихъ, Пѣніонжкахъ, Лясотахъ, Кетлинскихъ, Качановскихъ, Куржанскихъ, Бембновскихъ, Броневскихъ, Кусборскихъ, Рудовскихъ и другихъ многихъ. По свидѣтельству исторіи, эти христіане окружали даже дворъ Мечислава и, какъ высшіе званіеносцы, были близки къ его сердцу и мыслямъ. Таковы были особенно Сѣдлинскіе, Одровонжи и Карвачи, о которыхъ Фризе говоритъ, что они, будучи приняты ко двору князя Мечислава, были у него въ великомъ уваженіи (in grossem Ansehen), пользовались его милостями и получали отъ него великія помѣстья (grosse Gitter) (2).

Какъ люди прозорливые, благочестывые и довѣренные, они-то и воспользовались обстоятельствами жизни Мечислава къ обращенію его въ христіанство. Мечиславъ, хотя, по языческому обычаю, имѣлъ многихъ женъ, но былъ бездѣтенъ и это много печалило народоправителя, не имѣвшаго потомка для передачи ему своего престола. Замѣчали это жившіе при дворѣ его христіане. Они даютъ ему совѣтъ, что, если онъ желаетъ имѣть сына, долженъ оставитъ многоженство, вступить въ супружество съ христіанкою, и увѣряли его, что небо благословитъ его новый союзъ: какъ и дѣйствительно это совершилось въ послѣдствіи.

Совѣтъ, по премудрому дѣйствію благодати, немедленно принятъ Мечиславомъ. Но гдѣ и въ комъ искать ближайшей христіанки, могущей, по своему состоянію, быть его супругою? Безъ

(1) Stredowski Morav. Sacra, p. 539.— Pabrocki im Machrischen Wagenbuche.

(2) Фризе, стр. 100.

сомнѣнія тѣже совѣтники указываютъ ее въ лицѣ Домбровки, богемской царевны.

Домбровка была православная и христолюбивѣйшая. Она не прежде даетъ руку Мечиславу, какъ послѣ того, когда онъ ей далъ обѣтъ, что сдѣлается христіаниномъ и народъ его пріиметъ христіанство.

Господу споспѣшествующему, дѣло совершилось. Мечиславъ не долго думалъ о превосходствѣ христіанской вѣры предъ языческою. Божественные ея догматы уже могли быть знакомы для него изъ собесѣдованія близкихъ къ нему христіанъ придворныхъ. Неукоризненное ихъ поведеніе и чистота нравовъ всею силою привлекли его на сторону христіанства.

Избранная имъ невѣста не могла не употребить всѣхъ возможныхъ средствъ къ основательному наставленію своего жениха въ евангельскихъ истинахъ, по духу вселенской православной вѣры. Богемская церковь, безъ сомнѣнія, имѣла тогда способнѣйшихъ къ тому пастырей; и Домбровка не могла допустить, чтобы наставниками князя— жениха были неправославные. Это видно изъ того, что самое крещеніе Мечиславъ принялъ въ Гнѣзнѣ— отъ рукъ не кого либо другаго, а священника Боговида, котораго Домбровка, отправляясь изъ Богеміи въ Гнѣзно, пригласила съ собою. Замѣчательно и то, что Мечиславъ воспринятъ отъ купели однимъ изъ вельможъ богемскихъ (1). За княземъ послѣдовалъ народъ, и христіанская вѣра въ Польшѣ утвердилась, именно, по обрядамъ и духу церкви восточной православной.

То, что польскіе историки, особенно новѣйшіе, говорятъ о Мечиславѣ, будто вслѣдствіе просьбы его, папа Іоаннъ XIII прислалъ въ Польшу, съ множествомъ священниковъ и мужей ученыхъ, кардинала Эгидія, и будто сей, совмѣстно съ Мечиславомъ, утвердилъ здѣсь, въ томъ же 965 году, двѣ архіепископіи и семъ епископій,— есть не иное что, какъ патріотическій вымыслъ, не согласный съ обстоятельствами времени и съ самою исторіею польскаго народа.

Въ продолженіи всего времени, въ которое папа Іоаннъ XIII управлялъ церковію, нигдѣ не упоминается о кардиналѣ Эгидіи, и нигдѣ не видно его имени въ числѣ прочихъ кардиналовъ, ко-

(1) Historya narodu Polskiego Bandtke, p. 149.

торые обыкновенно тогда подписывали выходящія отъ папы постановленія (1). Ціаконій, составитель исторіи папъ, не упоминаетъ ни о его фамиліи, ни о мѣстѣ рожденія и воспитанія, ни о его смерти, между вѣмъ какъ этотъ мѣстный (римскій) историкъ не дѣлаетъ этихъ опущеній, когда говоритъ о другихъ кардиналахъ. Хотя же и онъ въ своей исторіи намекаетъ, что Эгидій былъ и умеръ въ Польшѣ, но это говоритъ не отъ себя, а отъ лица польскихъ писателей, именно: Кромера, и тутъ же высказызаетъ свою недовѣрчивость къ разсказу этихъ писателей. Вотъ слова Ціаконія: „Obiit Aegidius in Polonia, ut volunt illius regionis scriptores, tempus tamen et locum tacent" (2).

Разсказъ объ Эгидіи Кромера римскій историкъ Уггелій признаетъ смѣшаннымъ, и потому пе имѣющимъ исторической довѣренности. „Hanc Historiam (Aegidii) comulate enarrat Cromerus in historia Poloniae, libro III" (3).

Кардиналъ Эгидій дѣйствительно былъ въ Польшѣ, какъ лицо, дѣйствовавшее въ пользу Рима, но былъ уже спустя болѣе ста лѣтъ послѣ крещенія Мечислава, т. е. въ 1122 году, при папѣ Каликстѣ II и при королѣ Болеславѣ III. Занятіемъ сего Эгидія въ Польшѣ было опредѣленіе границъ епископскихъ епархій и распорядокъ оныхъ (†).

Восточное вѣроисповѣданіе, извѣстное частію въ Польшѣ уже за сто лѣтъ до Мечислава, и съ его крещеніемъ сдѣлавшееся народнымъ, не могло такъ скоро при жизни сего князя (Мечиславъ умеръ въ 992 году) измѣниться на обрядъ латинскій.

Не должна была допустить этого сама Домбровка, супруга Мечислава, которой жизнь продолжалась да 977 года, и которая радовала его, какъ мать сына и наслѣдника престола. Она, какъ царевна, прибыла въ Польшу къ брачному торжеству не одна, а, безъ сомнѣнія, въ сопровожденіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ высшихъ сановниковъ. Всѣ сіи лица не могли не поддерживать

(1) Friese, p. 114.

(2) Ciaconii Historia Pontificum, tom. I. p. 728.

(3) Ungholii Itaiia Sacra, tom I. p. 227—229.

(†) Мацѣевскаго истор. церк. у слав. народовъ.— Истор. книга о началѣ христіанства въ Польшѣ, стр. 22. Фризе, стр. 141—152.

какъ въ народѣ, такъ и въ правителѣ его, духа православнаго и расположенности къ восточнымъ обрядамъ.

Самые Оттоны, простиравшие религіозно-политическое вліяніе свое на Польшу, должны были дѣйствовать весьма осторожно въ отношеніи къ религіи и не заставлять народъ отказываться отъ того вѣроисповѣданія, которое было ему сродно и по сердцу.

Самъ Адальбертъ, ревностнѣйшій поборникъ тогдашнихъ римскихъ нововведеній, послѣ неудачной попытки вытѣснить православіе изъ Моравіи и Богеміи, когда, подъ покровительствомъ тѣхъ же Оттоновъ, явился въ 997 на землѣ польской,— не могъ иначе дѣйствовать. Зная основательно языкъ славянскій, онъ повсемѣстно не только въ храмахъ, но и на торжищахъ, въ частныхъ домахъ и на пути проповѣдывалъ народу польскому ученіе христіанское, но не дерзалъ касаться восточнаго богослуженія и обрядовъ. Видя, что въ этомъ не успѣетъ, онъ всѣ усиліи свои приводилъ къ одному только зениту— нріуготовить народъ и князя вѣровать въ верховную власть папы надъ церковію и его непогрѣшимость (1).

Особенно же то, что Мечиславъ напрасно искалъ у папы титла королевскаго, неоспоримо доказываетъ, что тогдашняя христіанская Польша не удовлетворяла римскому властолюбію. Отчего папа пожалѣлъ для Мечислава того, что ему ничего не стоило, и что онъ такъ щедро раздавалъ другимъ народоправителямъ (2)? Безъ сомнѣнія отъ того, что Мечиславъ не захотѣлъ перемѣнить православія на обрядъ латинскій. Этотъ несчастный для Польши успѣхъ принадлежитъ уже преемнику его Болеславу храброму.

Свидѣтельства польскихъ историковъ о православіи въ Польшѣ. И у самихъ польскихъ историковъ по мѣстамъ есть проговорки, въ которыхъ они, даже противъ воли, свидѣтельствуютъ о той же истинѣ.

Епископъ Пясецкій, польскій историкъ XVII вѣка, въ книгѣ Chronicon Amstelod 1648, на стр. 48, говоритъ, что поляки приняли христіанство не отъ нѣмцевъ и не отъ западной церкви, но отъ церкви восточной или греческой, чрезъ Кирилла и

---

(1) Книжка о началѣ христіанства въ Польшѣ, стр. 26.

(2) Напримѣръ, венгерскому королю Стефану за измѣненіе православія на латинскій обрядъ. Dittmari chronicon, p. 100.

Меѳодія, и что восточное исповѣданіе послѣ было тѣснимо и преслѣдуемо.

Бантке въ своей исторіи народа польскаго на страницѣ 49 говоритъ:

Upoważnienie wiary chrześciańskiéj w Polsce dopiero roku 992=994 stało się powszechnem, gdy obrządek łaciński nad słowiańskim wziął górę.

Утвержденіе вѣры христіанской въ Польшѣ сдѣлалось всеобщимъ только 992—994, когда латинскій обрядъ взялъ перевѣсъ надъ славянскимъ.

Онъ же Бандтке, изображая состояніе Польши въ началѣ XIV столѣтія, въ правленіе Казиміра великаго, въ томѣ II, на стр. 37, говоритъ:

Spokojna była dotąd (do XIV w.) jeszcze Polska co do wiary, bo zwykła była na swojem łonie różnowiarców i bez względu na różnicę ich mniemań, równie jak i innych poddannych piastować. Wyznawcy obrządku Russkiego, czyli Greckiego żadnych bynajmniéj nie doznawali prześladowań.

Еще до того времени (XIV вѣка) Польша касательно вѣры была спокойна: она на лонѣ своемъ хранила разновѣрныхъ, не смотря на разность ихъ мнѣній, равно какъ и другихъ подданныхъ. Исповѣдавшіе обрядъ русскій или греческій не терпѣли никакихъ гоненій.

А на страницѣ 150 говоритъ:

W Polsce lubo różniły się z dawna zdania w religji, nie wyłączała Ojczyzna różnowierców z pod opieki rządu. Dla różnych obrządków łacinskiego i russkiego była już od wieków niejedność kościoła.

Въ Польшѣ, хотя издавна была разность мнѣній въ религіи, но отчизна не исключала иновѣрныхъ изъ попеченія правительства. По различію обрядовъ латинскаго и русскаго, уже издавна была разность церкви.

Фризе (1), въ своей исторіи Kirchengeschichte von Polen.

(1) Исторія Фризе, на нѣмецкомъ языкѣ, въ трехъ томахъ напечатана въ 1786 г., въ Бреславѣ. Этотъ ученый мужъ съ строгою критикою разсмотрѣлъ польскихъ писателей по этому предмету, не боялся открыть святую истину въ настоящемъ ея видѣ, а потому самую книгу свою посвятилъ извѣстнѣйшему тогда въ Польшѣ своею ученостію и талантами архіепископу Игнатію, графу Красицкому. Первый томъ исторіи весь направленъ къ тому, чтобы доказать первоначальное существованіе въ Польшѣ восточнаго православнаго, а не латинскаго вѣроисповѣданія, и чтобы яснѣе представить, какъ оно постепенно уступало мѣсто сему послѣднему.

вообще говоритъ, что христіанство въ Польшѣ въ началѣ было греко-славянское, что Мечиславъ, первый польскій христіанскій князь, принялъ святое крещеніе по обряду греко-славянской церкви, что это исповѣданіе простиралось до Кракова и до земель, гдѣ протекаетъ Бугъ и Стырь. Туже мысль повторяютъ новѣйшій писатель польскій Мацѣевскій въ своей книгѣ о началѣ христіанской церкви у славянскихъ народовъ, на страницѣ 194, и ученый мужъ Бандтке, въ своей исторіи: Dzieje narodu Polskiego, на стр. 139—140.

Нарушевичъ, который въ своей исторіи, въ томѣ I, на страницѣ 28 говоритъ, что Мечиславъ и Домбровка утвердили въ Польшѣ исповѣданіе именно латинское, въ томъ же мѣстѣ, только въ примѣчаніи, самъ подрываетъ свою мысль, сознаваясь, что Польша первоначально, дѣйствительно, получила христіанство отъ моравскихъ и богемскихъ славянъ, что Домбровка, склонивши Мечислава принять христіанство, привезла съ собою многихъ славянскихъ священниковъ, и что эти священники проповѣдывали вѣру, по обрядамъ восточнымъ и на языкѣ славянскомъ, извѣстномъ полякамъ. Такимъ образомъ этотъ знаменитый польскій историкъ самъ себѣ объ одномъ и томъ же предметѣ противурѣчитъ.

Въ другихъ мѣстахъ, тотъ же Нарушевичъ припоминаетъ древнія сказанія о прежнемъ существованіи у поляковъ греко-славянскаго исповѣданія и даже утверждаетъ, что и святокрестовская церковь въ Краковѣ построена въ X вѣкѣ православными монахами (1).

Новѣйшій польскій писатель Собѣщанскій, въ книгѣ Wycieczka archeologiczna, на стр. 54, говоритъ, что, по свидѣтельству польскаго лѣтописца Богухвала, въ первой половинѣ XIII вѣка (въ 1236 г.), настоятель опатовскаго монастыря (Opat— т. е. по нашему архимандритъ) былъ вмѣстѣ епископомъ русскимъ; а на стр. 59 тотъ же Собѣщанскій присовокупляетъ, что въ 1254 году, при перенесеніи мощей св. Ста-

(1) Эти монахи безъ сомнѣнія были въ Краковѣ и во второй половинѣ XIII столѣтія; ибо, какъ свидѣтельствуетъ наша ипатіевская лѣтопись, на стр. 213, въ 1287 году погребеніе Ленька совершали: *епископъ и игумени, и попове и дьякони, пѣвше обычныя пѣсни.*

нислава, въ числѣ прочихъ епископовъ, находился епископъ русскій, считавшійся и опатомъ сказаннаго опатовскаго монастыря.

Мацѣевскій, свѣжій польскій писатель, въ своей книгѣ: *Исторія первобытной церкви у славянъ*, приведши много историческихъ свидѣтельствъ и критически взвѣсивши силу и важность ихъ, заключаетъ, что гораздо прежде Мячислава христіанство было въ Польшѣ, что оно было греко-славянскаго исповѣданія, что оно впослѣдствіи замѣнено римско-католическою вѣрою, что римско-католич ское исповѣданіе не находило отголоска въ сердцахъ . поляковъ, а греческое, напротивъ, легко между ними распространялось (стр. 109—110). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 117) онъ же Мацѣевскій говоритъ, что христіанство греко-славянскаго исповѣданія существовало въ Польшѣ до гнѣзненскаго трактата, бывшаго при сынѣ Мечислава, Болеславѣ храбромъ, въ началѣ XI вѣка.

Сярчинскій, варшавскій каноникъ, въ 1831 году, въ польскую революцію издавшій книгу Шмидта: Zgodność i niezgodność kościołów, съ своими злобными прибавленіями противъ православія и противу книги знаменитаго нашего архипастыря: *разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ*, въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что Русь входила первоначально въ составъ римско-католической церкви, въ другихъ мѣстахъ дѣлаетъ намеки о существовавшемъ нѣкогда у поляковъ греко-славянскомъ исповѣданіи и говоритъ, что въ Польшѣ только въ XIV вѣкѣ пало греко-славянское исповѣданіе, что для народа читали въ церквахъ священное писаніе на славянскомъ языкѣ, и что тогда только, когда не стали понимать этого языка, оно переведено на польскій (Czasopis Lwowski, 1818 г., стр. 38).

Лѣтопись (chronicon) Мартина Галля, современника Болеслава храбраго, приводитъ народную пѣснь въ честь сего князя-короля, въ которой латины и славяне оплакиваютъ смерть его (стр. 52 Latinorum et Slavorum quotquot estis incolae....). Безъ сомнѣнія, двумя этими именами называя однихъ и тѣхъ же поляковъ, Галль разумѣетъ христіанъ римскаго и восточнаго исповѣданія.

Бандтке говоритъ, что Владиславъ III, въ 1443 году, совершенно сравнилъ духовенство греко-восточное съ латинскимъ въ привиллегіяхъ, дабы христіане исповѣданія русскаго спокойно подчинялись своимъ владыкамъ или епископамъ въ ихъ епархіяхъ.

Въ числѣ прочихъ вычисляется и епархія хелмская. Но что сравнивалъ бы этотъ король, если бы не было тогда въ Польшѣ православныхъ, а особенно въ Малой Польшѣ (1)?

Скажемъ и то, что Длугошъ (2), коего позднѣйшіе писатели польскіе называютъ княземъ польской исторіи (principem Polonicae historiae), и на него, какъ на достовѣрнѣйшаго исторіографа, ссылаются, твердя, что въ Польшѣ съ самаго начала было исповѣданіе римско-католическое, а не восточное-православное,— не подаетъ своею исторіею силы доказательства къ таковой ихъ мысли. Мы читали съ разборомъ сказаніе Длугоша объ этомъ предметѣ. Онъ дѣйствительно подробно описываетъ введеніе христіанской вѣры въ страну польскую при Мечиславѣ, равно какъ съ подробностію и добросовѣстно изображаетъ просвѣщеніе евангеліемъ народа русскаго при святомъ Владимірѣ (3). Но нигдѣ не упоминаетъ, что Мячиславъ и его народъ приняли вѣру именно римско-католическую, а говоритъ просто, что они приняли вѣру христіанскую, православную, вселенскую (fidem christianam, Orthodoxam, Catholicam, безъ прибавленія Romano Casholicam, какъ дѣлаютъ новѣйшіе историки). Замѣчательно притомъ, что выраженіе Orthodoxam (Religionem) въ его повѣствованіи нѣсколько разъ употребляется, но выраженіе Romanam или Latinam не употреблено ни одного разу. Слово же Catholicam (вселенскую, соборную) онъ безъ сомнѣнія употребилъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено святыми отцами вселенскаго собора о святой церкви вселенской, а не въ томъ, какой даютъ ему нынѣшніе римскіе богословы, относя его къ одной западной церкви и, зная, что они чрезъ это стѣсняютъ, безъ всякаго основанія, значеніе его, принуждены прибавлять Romano-Catholicam.

Окончаніе будетъ.

---

(1) Бандтке, стр. 111 Т. II.

(2) Joannes Dlugossius fuit canonicus Cracoviensis et post Leopoliensis episcopus, paeccptor filiorum Regis polonae Casfmiri III, obiit 1488 an. Vide in praefatiae in ejus historiam.

(3) Dlugossins, tom I. p. 108—110.

III.

1.

Ключъ къ разрѣшенію польскаго вопроса, или, почему Польша не могла и не можетъ существовать, какъ самостоятельное государство.

Соч. Фр. Смита. С.-Петербургъ. 1866 г.

Польскій вопросъ, рѣшенный въ главныхъ чертахъ предначертаніями нашего мудраго Монарха, до сихъ поръ еще составляетъ предметъ новый, полный современнаго интереса. Для русскихъ же, призванныхъ къ административной дѣятельности въ здѣшней провинціи, этотъ интересъ тѣмъ живѣе и дѣйствительнѣе, что многіе изъ нихъ, прилагая свое личное участіе къ ходу преобразовательныхъ работъ, являются дѣятелями и ближайшими свидѣтелями проведенія законодательныхъ началъ въ жизнь народа. Вотъ почему всякое дѣльное слово по польскому вопросу не должно пройти не замѣченнымъ. Такое значеніе представляетъ напечатанная въ прошломъ году книга, названіе которой мы выписали. Это—плодъ многолѣтнихъ, строго-научныхъ изслѣдованій и логически вѣрныхъ выводовъ. Ученый авторъ, снискавшій себѣ извѣстность историческими трудами, посвятилъ многіе годы своей жизни спеціальному изученію польской исторіи и бытовыхъ свойствъ польскаго народа. Онъ изучилъ этотъ народъ не по летучимъ и пристрастнымъ указаніямъ польской заграничной прессы, не въ кабинетномъ уединеніи, но былъ поставленъ къ нему лицомъ къ лицу и, вооруженный строгимъ анализомъ изслѣдованія, проникъ въ самые тайники натуры польской. Кромѣ того,

послѣ революціи 1831 года, въ его распоряженіе были постепенно предоставляемы всѣ официальные источники о возмущеніи въ Литвѣ и Польшѣ, безъ всякихъ указаній свыше, касательно пользованія ими. Такимъ образомъ, авторитетное слово человѣка, являющагося во всеоружіи науки и безпристрастія, имѣетъ и въ интересѣ истины важное значеніе, и самые противники наши, не совершенно утратившіе способность трезво относиться къ исторіи, отдаютъ заслуженную дань справедливости голосу человѣка, который, подобно Фридриху Смиту, былъ въ состояніи съ точностію сравнивать прошедшее и настоящее Польши, вѣрно указать ея роль и опредѣлить ея будущность.

Интересно прослѣдить точку отправленія, отъ которой авторъ дошелъ до своего тезиса, поставленнаго въ заголовкѣ книги, именно—что *Польша не могла и не можетъ существовать какъ самостоятельное государство.* Чтобы не произносить суда голословнаго и судить о полякахъ какъ прошлаго времени, такъ и современныхъ, вкривь и вкось, авторъ въ основаніе своего взгляда принимаетъ прирожденный имъ характеръ, который, по замѣчанію его, составляетъ не измѣняемый источникъ образа дѣйствій польскаго народа. Объяснивъ происхожденіе этого народа изъ смѣшенія природныхъ славянскихъ обитателей вислянскаго бассейна—*полянъ* и пришлаго племени *ляховъ*, или норманновъ, и охарактеризовавъ бытовыя черты тѣхъ и другихъ, авторъ полагаетъ, что обмѣнъ противуположныхъ особенностей создалъ польскій характеръ въ томъ видѣ, какъ онъ обнаруживается предъ нами въ настоящее время. Затѣмъ, Смитъ широкою кистью мастера рисуетъ національный характеръ поляковъ, изъ каковаго очерка заимствуемъ черты, наиболѣе рельефныя. Признавая за ними многія прекрасныя качества, служащія украшеніемъ въ частной жизни, онъ въ тоже время замѣчаетъ, что въ числѣ главнѣйшихъ особенностей, отличавшихъ поляковъ со времени ихъ историческаго возникновенія, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить географическое и нравственное *разъединеніе*, происходящее вслѣдствіе недостатка центростремительной силы духа, совершенно чуждой полякамъ; силы ихъ ума стремятся не къ центральному пункту, но къ периферіи; каждое совокупное дѣйствіе и единеніе антипатичны имъ. Если нужда и заставитъ ихъ на минуту соединиться, то соединеніе это не бываетъ прочно, ибо гдѣ сойдутся три поляка, тамъ каждый изъ нихъ поддерживаетъ и развиваетъ свой

взглядъ, или, какъ остроумно сказалъ Талейранъ: „гдѣ два поляка, тамъ навѣрное три мнѣнія.“ Обиліе духа у поляковъ выражается, по словамъ автора, *сильнымъ, всеподавляющимъ воображеніемъ*, а скудость духа *недостаточностью сосредоточеннаго разсудка*. Это дѣлаетъ ихъ безпокойными фантазерами, которые видятъ вещи не такъ, какъ онѣ въ дѣйствительности, но такъ, какъ онѣ представляются имъ сквозь призму фантазіи. Пылкость характера всегда побуждала ихъ къ стремительному дѣйствію, чрезмѣрной торопливости и неизбѣжно возникали поступки, которые постепенно приближали ихъ къ гибели. Далѣе, авторъ выставляетъ *необузданное свободолюбіе*, направленное не къ той истинной свободѣ, которая, подчиняясь закону разумности, идетъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ, но къ свободѣ ложной, къ анархіи и своеволію, которое безъ выбора и сужденія, безъ путеводной нити, колеблется туда и сюда, по мимолетному влеченію прихоти или желаній, и всегда стремится къ осуществленію господствующихъ въ данную минуту представленій фантазіи. Въ этихъ типичныхъ свойствахъ духовной натуры поляковъ авторъ видитъ существенную, коренную и неотвратимую причину распаденія польскаго государства и вѣковой неспособности польскаго народа къ самобытному существованію.

Авторъ подкрѣпляетъ затѣмъ свою мысль духомъ всей исторической судьбы Польши, отъ самаго ея возникновенія до нашихъ временъ, и въ послѣдовательномъ порядкѣ групируетъ неисчерпаемое обиліе фактовъ, доказывающихъ, что источникомъ анархіи, смутъ, своеволія и революцій, во всѣ времена служилъ національный характеръ народа, доведшій его до исторической смерти. Что другіе историческіе агенты, какъ напримѣръ, чрезмѣрное усиленіе аристократіи и тиранія іезуитовъ были не главными, а только вспомогательными фактами пагубы Польши, Смитъ доказываетъ существованіемъ этого зла и въ другихъ государствахъ, среди иныхъ народовъ, которые не погибли отъ натиска такихъ неблагопріятныхъ условій, но цѣльно и крѣпко сохранили свою живучесть.

Въ заключеніе, авторъ весьма вѣрно опредѣляетъ будущую судьбу поляковъ, какъ народа. „Хотя бы даже даровали имъ идеалъ политическихъ учрежденій, измышляемыхъ со времени 1789 года, поляки все-таки не знали бы тишины, такъ какъ ихъ заговоры и возстанія имѣютъ свое основаніе—не въ какихъ либо

внѣшнихъ поводахъ, но единственно въ ихъ національномъ характерѣ.“ Очевидный результатъ положеній Смита тотъ, что „Польша, подобно Ирландіи, можетъ благоденствовать не иначе, какъ подъ управленіемъ внѣшней, могучей власти. Всякій разъ, какъ верховная власть въ Польшѣ попадала въ руки чуждаго правительства, вмѣсто произвола, волненій и безпорядковъ, наступало спокойствіе и господствовалъ порядокъ; благоденствіе разливалось въ массѣ населенія и страна была довольна; между тѣмъ, во время господства магнатовъ и шляхты, край клонился къ упадку и, наконецъ, палъ.“ Руководясь твердо усвоенною точкою зрѣнія, авторъ опровергаетъ обращенныя къ Россіи въ 1863 г. жалобы Друэна-де-Люисъ, будтобы дурное управленіе служитъ источникомъ смутъ въ Польшѣ, тревожащихъ спокойствіе Европы. „Возлагать на русское правительство отвѣтственность за волненія, происходящія въ Польшѣ, было бы, говоритъ авторъ, такъ же разумно, какъ жаловаться на то, что овца блѣетъ, лошадь ржетъ, быкъ мычитъ, и винить въ этомъ ихъ приставниковъ. Такова ихъ природа, и доколѣ она не измѣнится, они все будутъ блѣять, ржать, мычать; равно и поляки будутъ дотолѣ интриговать, составлять заговоры и возмущаться, *доколѣ не будутъ у нихъ отняты окончательно всѣ къ тому средства.*“ Изъ этого очерка читатель видитъ, какъ вѣрно понята и прочувствована авторомъ историческая правда, и какъ важно прислушаться къ ея голосу въ настоящее время совершающихся въ здѣшней провинціи преобразованій.

(Варш. Дневн.)

2.

СВѢТЪ СЪ ВОСТОКА.

Взглядъ на каѳолическое православіе сравнительно съ папствомъ и протестантствомъ.

Сочиненіе доктора богословія и философіи, профессора З. З. Овербека. Переведено съ нѣмецкаго братчиками Елеонскимъ и Демьяновичемъ. Изданіе Виленскаго Свято-Духовскаго Братства. Вильна, 1867.

Въ предисловіи изданной книги, заглавіе которой мы выпи-

сали, находимъ, между прочимъ, слѣдующій совершенно справедливый взглядъ на сочиненіе Овербека: „Брошюра Овербека," говорятъ переводчики, по своему направленію и основнымъ взглядамъ на православіе, Россію и Востокъ, рѣдкое и едвали не безпримѣрное явленіе въ литературѣ западной Европы, всегда почти не расположенной къ православному Востоку — вообще и къ православной Россіи въ особенности. Вопреки своимъ собратіямъ въ вѣрѣ, національности и наукѣ на западѣ Европы, Овербекъ посмотрѣлъ на православный Востокъ взглядомъ свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій и предзанятыхъ мыслей изслѣдователя, изучилъ по возможности ученіе и учрежденія православной церкви Востока и, среди смятенія и броженія умовъ, происходящаго нынѣ въ латинскомъ и протестантскомъ мірѣ, нашелъ успокоеніе для своего духа въ православной истинѣ, которая, какъ „Свѣтъ съ Востока", озарила его умъ.

Сочиненіе Овербека распадается на слѣдующія 4 главы: I— Папство и Іезуитство. II—Переходъ отъ латинства чрезъ протестантство къ православно-каѳолическому ученію. III—Православная, восточная, каѳолическая церковь. IV—Православная, (проектируемая авторомъ) каѳолическая церковь Запада. Соединеніе церквей.

Каждая изъ этихъ главъ является какъ бы отдѣльной и сжатой монографіей, а вмѣстѣ взятыя, онѣ составляютъ послѣдовательныя ступени въ развитіи общей основной мысли сочиненія, передать которую мы лучше всего можемъ словами самаго автора.

„Взоры всѣхъ," говоритъ онъ, „обращены на Римъ и на судъ Божій, который надъ нимъ совершается. Только упорное невниманіе къ современнымъ историческимъ событіямъ можетъ отрицать, что папство вступило въ новый періодъ своего развитія... *Духъ папства—іезуитизмъ и основаніе его—ложь*,—ложь тѣмъ болѣе опасная, что папство выдаетъ себя за Богомъ положенное основаніе церкви, и тѣмъ самымъ лишаетъ ее достоинства божественнаго учрежденія.... Властолюбіе и гордость—наслѣдственный грѣхъ Рима. Когда у него не достало его побѣдоносныхъ орловъ, онъ высылалъ свои догматы и каноны для завоеванія свѣта. Все, что осмѣливалось сопротивляться, было уничтожаемо молніею его гнѣва. Римъ устарѣлъ, но его страсти не остыли. Старецъ все еще мещетъ молніи, но онѣ уже болѣе не зажигаютъ. Онъ все еще установляетъ догматы, но никто уже въ

нихъ не вѣрить.... Послѣ того, какъ папа оторвалъ Западную церковь отъ Восточной, *Восточная церковь, согласно свидѣтельству исторіи, сохранила бывшее до того единымъ каѳолическое ученіе неизмѣннымъ до настоящаго времени и ждетъ съ нетерпѣніемъ возсоединенія всей христіанской церкви.* Еслибы Лютеръ жилъ въ Восточной церкви, то онъ не имѣлъ бы причинъ ее оставить; такъ какъ первыя укоризны, которыя онъ справедливо сдѣлалъ Римской церкви, не могли имѣть мѣста въ Восточной. Но Лютеръ, по своей горячности, пошелъ дальше: онъ посягнулъ даже на то, что осталось божественнаго въ Римской церкви, отрекся отъ этого и этимъ поступкомъ навлекъ проклятіе на протестантство: оно замѣнило положительную истину личными мнѣніями, отвергло преданіе, отъ котораго не можетъ отказаться христіанство, какъ явленіе, имѣющее свою исторію. Если преобразовать христіанство въ философскую систему (допустимъ, что она будетъ основана даже на крайнемъ почтеніи къ библіи); то это, быть можетъ, показалось бы иному и прекраснымъ и удобнымъ; но такая система всего менѣе была-бы христіанствомъ, т. е. Церковью, основанною Христомъ. Если мы желаемъ найдти настоящее христіанство, то должны искать его въ первобытной церкви, а такая церковь должна гдѣ нибудь *существовать:* историческія явленія не *возсоздаются* логически....

Но если Востокъ сохранилъ чистоту каѳолической вѣры, то, съ другой стороны, и *Западная церковь* должна сохранить свой отличительный характеръ. Она имѣетъ свою собственную древне-апостольскую литургію, свое западное богослуженіе, свое церковное управленіе и свои обряды, которые развились на почвѣ и изъ духа Запада и столько же отличаются отъ восточной символики, сколько характеръ западныхъ народовъ отличается отъ характера восточныхъ. *И такъ наша задача—возстановить чистую, не папскую Западную церковь, на основаніяхъ общаго каѳолическаго ученія, неизмѣнно сохраненнаго Востокомъ.*" И вотъ какимъ путемъ думаетъ авторъ достигнуть этой цѣли: „Для насъ не существуетъ, говоритъ онъ, „труднаго, длиннаго и напраснаго пути прежнихъ попытокъ къ соединенію церквей, посредствомъ которыхъ думали вдругъ соединить эти два большихъ тѣла, не обращая вниманія на папство и всю его обстановку и упуская изъ виду протестанство. Нѣтъ;

мы обращаемся къ отдѣльнымъ личностямъ, строимъ такое здание единенія, для котораго и римскіе католики, и протестанты должны дать намъ матеріалы, и строимъ, начиная *снизу*.... Попытки построить единеніе *сверху* не удались; медленное созиданіе снизу ожидаетъ вѣрный успѣхъ. Ньюмэнъ (Apologia pro vita sua, стр. 98) прекрасно выразилъ эту мысль. „Въ минуты тихаго размышленія, говоритъ онъ, меня посѣщала мысль, *что освобожденіе творится не массою, но небольшимъ числомъ избранныхъ,— не (цѣлыми) корпораціями, но отдѣльными личностями*.... Притязанія Рима, его человѣческія постановленія и его страсть къ преслѣдованіямъ опозорили славное имя „католикъ,“ имя которымъ папство несправедливо завладѣло для себя одного, которымъ оно злоупотребляло и которому мы должны возвратить его прежнюю честь. „*Духъ вселенскаго Православія зиждется на вѣрѣ, любви, убѣжденіи, свободѣ, благочестіи и усовершенствованіи.*“ Послѣднее, заключительное слово книги автора: „Лозунгомъ нашимъ пусть будетъ: не Римскій-католикъ, но каѳоликъ.“

Эти пространныя выписки даютъ достаточное понятіе объ общей идеѣ сочиненія Овербека. Мы не войдемъ въ разборъ этой идеи, на сколько она касается Православной церкви, или возсозданія очищенной отъ папства церкви западной. Состоятельность, ортодаксальность сужденій автора въ этихъ вопросахъ, по преимуществу богословскихъ, внѣ нашей компетентности. Но и помимо богословскаго значенія, сочиненіе Овербека, прекрасно написанное, полное интересныхъ фактовъ, читается легко, даже человѣкомъ, не посвященнымъ въ теологическія знанія. Такимъ общедоступнымъ интересомъ въ особенности полны двѣ первыя главы этой книги: Очеркъ папства и іезуитства и положеніе протестантскихъ церквей. Однимъ изъ выразителей этого положенія служитъ, между прочимъ, и самъ авторъ съ его идеей. Протестантство, воспользовавшись всею свободою, какая можетъ быть дана разуму по отношенію къ вѣрованію, дошло до такого предѣла разъединенія, за которымъ стоитъ полное отрицаніе всего, что называется церковью; а христіанство безъ церкви не мыслимо: отрицаніе церкви есть отрицаніе самаго Христа. Сознавши это и ища выхода изъ такого не нормальнаго положенія, протестанство въ послѣднее время, съ особенною силою и настойчивостью, обратилось къ мысли о взаимномъ единеніи всего человѣчества во

нія Христа и на началахъ евангельскихъ. Но на какой почвѣ утвердиться, чтобы можно было заимствовать изъ нея живыя и животворныя начала объединенія? Многіе изслѣдователи, послѣ многосторонней ученой подготовки, цѣлую жизнь посвятившіе на разработку этой задачи, дошли до такихъ конечныхъ выводовъ, что наиболѣе чистыхъ началъ христіанства сохранилось въ церкви Восточной, что она ближе къ церкви первобытной, чѣмъ западная. Но, бѣдствующая и страдающая въ значительной своей части, глубоко уничижаемая корыстными стремленіями нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ своихъ представителей, она не во всей своей совокупности привлекла искреннія симпатіи протестантскихъ мыслителей, а лишь въ томъ ея отдѣлѣ, который называется собственно *Русскою* церковью.

Русская церковь имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы приблизиться къ значенію первенствующей церкви, т. е. къ тому идеалу, какого всегда желали и искали люди. Воспринявъ изъ чистаго источника свѣтъ вѣры и святыню догмы, она не омрачила себя человѣческими стремленіями; она всегда заботилась лишь объ одномъ,—сохранить чистыми свой свѣтъ и свою святыню. Разныя неблагопріятныя обстоятельства, многія неудобныя условія и отношенія повредили ея внѣшнему положенію и въ ней самой произвели раздѣленіе и смуты. Но зло времени и уврачуется временемъ. Когда живъ духъ, тогда обновить внѣшнія формы не составляетъ неодолимаго труда. И религіозныя потребности нашего народа, и стремленія лучшихъ мыслителей Западныхъ церквей найдутъ себѣ полное удовлетвореніе въ русской церкви, и облечется она въ силу и значеніе всепримиряющей, всеобъединяющей, первенствующей церкви (1).

Въ виду совершающихся нынѣ событій - на Востокѣ Европы, борьбы славянскихъ и греческихъ племенъ и за свою политическую свободу съ Турками, и за независимость религіозныхъ убѣжденій, за вѣру отцевъ съ римскими папами; въ виду все болѣе и болѣе возрастающаго сочувствія и вниманія къ Православной церкви—въ Англіи и Америкѣ, въ виду, наконецъ, такъ часто повторяющихся присоединеній р.-католическихъ священниковъ въ нашей церкви,—чаянія будущей славы и торжества Православнаго

---

(1) Русск. Вѣст. 66 г. №№ 4 и 7. Религіозная жизнь.

Востока не должны казаться несбыточными, во-очію переходя изъ области гаданій въ дѣйствительность.

Переводъ Овербека очень хорошъ, а малая цѣна, назначенная за книгу,—дѣлаетъ ее тѣмъ самымъ доступною для каждаго.

Пожелаемъ-же, чтобы она нашла себѣ читателей среди не однихъ только русскихъ и православныхъ, но и между римскими католиками. *Л. А—овъ.*

(Вилен. Вѣст.).

3.

КАТИХИЗИСЪ ЛИТОВСКАГО НАРОДА.

Когда подумаешь, къ какимъ невѣроятнымъ средствамъ прибѣгала польская интрига, во время послѣдняго мятежа, для того, чтобы сбить съ толку вѣрныя населенія западнаго края и вовлечь ихъ въ революцію, то невольно спрашиваешь себя: какъ еще могли устоять эти населенія противъ напора революціонныхъ силъ и остаться вѣрными долгу? Извѣстно, что сельскія населенія западнаго края не только не примкнули къ мятежному движенію, но даже во всѣхъ пунктахъ, гдѣ они сознавали себя довольно сильными, чтобы сопротивляться, они содѣйствовали правительственнымъ властямъ и отрядамъ нашихъ войскъ къ указанію мятежниковъ и ихъ поимкѣ, и только тамъ, гдѣ помѣщики польскіе были сильны, гдѣ они давили населенія всѣми возможными притѣсненіями, поборами, угрозами и насиліемъ, тамъ только населенія эти дѣлались (1) невольными орудіями измѣнниковъ и злодѣевъ; но, повторимъ, вездѣ, гдѣ они чувствовали себя въ силѣ, они служили оплотомъ краю противъ мятежа. Между тѣмъ, чего не было предпринято коноводами революціи для привлеченія на свою сторону сельскихъ населеній? Не говоря уже о насиліяхъ и убійствахъ, какъ ксендзы и шляхта, старались о томъ, чтобы съ одной стороны совратить эти населенія въ католицизмъ и влить въ нихъ ядъ фанатизма, съ другой стороны держать ихъ въ грубомъ невѣжествѣ, скрывать отъ нихъ не только то, что дѣйствительно происходило кругомъ, но и по

---

(1) И то чрезвычайно рѣдко. Ред.

возможности затмѣвать въ нихъ естественную способность человѣка судить о томъ, что онъ видитъ собственными глазами и вообще портить его духовную природу во всѣхъ ея силахъ и проявленіяхъ. Всѣ эти темныя личности, погрязшія въ порокахъ и преступленіяхъ, не имѣвшія ни гроша въ карманѣ, и питавшіяся то воровствомъ и грабежами, то посулами главныхъ коноводовъ мятежа, то надеждами на поживу въ случаѣ удачи, сочиняли разныя воззванія и катихизисы и разбрасывали ихъ вездѣ, гдѣ было можно, думая видѣть въ нихъ подспорье своимъ насиліямъ. Каковы были всѣ эти произведенія отверженцевъ человѣческаго общества, мы видѣли много разъ; но вотъ открылось на дняхъ новое произведеніе революціонной интеллигенціи, заслуживающее вниманія по крайнему безстыдству его сочинителей. Дичь эта называется катихизисомъ литовскаго народа и была распространяема въ 1863 году въ Минской губерніи. О существованіи вновь открытаго катихизиса заявлено въ „Современной Лѣтописи," гдѣ онъ и напечатанъ.

Нечего и говорить, что „Катихизисъ литовскаго народа" наполненъ самыми гнусными ругательствами противъ Россіи и ея правительства. Но въ немъ есть нѣкоторыя выраженія, ясно доказывающія, что происхожденіемъ своимъ онъ обязанъ представителямъ польской шляхты, которая, вмѣстѣ съ ксендзами, и была главнымъ орудіемъ всей революціонной организаціи. Въ этомъ отношеніи „Катихизисъ" имѣетъ не послѣднее историческое значеніе.

Отвѣчая на вопросъ, что значитъ быть свободнымъ человѣкомъ, катихизисъ говоритъ, что, между прочимъ, это значитъ пользоваться дворянскими и городскими привиллегіями. Катихизисъ насчитываетъ три заповѣди конституціи: равенство, свободу и независимость; въ этихъ словахъ сочинители хотѣли передразнить извѣстный девизъ февральской революціи во Франціи: равенство, свобода и братство, но не рѣшились повторить у себя слово: братство, а замѣнили его словомъ: независимость, для того, какъ говоритъ лицо, сообщившее этотъ документъ, дабы гоноровой шляхтѣ съ быдломъ не вести и рѣчи о братствѣ. Катихизисъ требуетъ отъ литвина набожности и любви къ отечеству, угрожаетъ измѣнникамъ отечеству, т. е. противникамъ революціи — судомъ, висѣлицей, четвертованіемъ и разметаніемъ костей по всему свѣту (sic!), и въ тоже время кощунствуетъ надъ

христіанскимъ символомъ вѣры, требуя отъ литвиновъ званія своего собственнаго символа, въ которомъ весьма рельефно выставляются на видъ шляхетскія стремленія. Литвинъ, по требованію катихизиса, долженъ вѣровать: „въ статутъ литовскій, какого-то единороднаго судью отчизны, зачатаго разумомъ и просвѣщеніемъ,“ и пр...

Эта часть революціоннаго символа показываетъ, что отмѣна литовскаго статута сильно огорчаетъ пановъ-сочинителей литовскаго катихизиса. Извѣстно, что статутъ этотъ, произведеніе самыхъ темныхъ временъ панскаго своевольства и насилія, весь проникнутъ защитою интересовъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и рабовладѣльцевъ литовскаго края и направленъ противъ народа. Онъ былъ отмѣненъ въ царствованіе императора Николая, въ 1831 году, и на мѣсто его во всей Бѣлоруссіи введены общіе законы Россійской Имперіи. Вотъ что бѣситъ пановъ-сочинителей катихизиса, и они сочли своимъ долгомъ требовать отъ каждаго „истиннаго литвина,“ съ перспективою награды „почтеніемъ при жизни, а послѣ смерти славою и вѣчною памятью,“ но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ угрозою „суда, висѣлицы, четвертованія и разметанія костей по всему свѣту,“ — требовать вѣры въ литовскій статутъ, „родившійся отъ чистой дѣвы.“ Какое непостижимое нахальство! И какъ послѣ всего этого не удивляться солиднымъ качествамъ русскаго крестьянина, который своимъ здравымъ умомъ сумѣлъ понять всю ложь шляхетскихъ увѣреній и на столько проникся высокими интересами своего общаго отечества и края, въ которомъ онъ родился и живетъ, что могъ устоять противъ всѣхъ ухищреній, угрозъ и насилій и остаться вѣрнымъ своему долгу! Между чистой натурой крестьянина и глубоко растлѣнной природой пана возникла борьба, — борьба истины съ ложью, добродѣтели съ порокомъ, свѣта со тьмой, и — истина, свѣтъ и добродѣтель восторжествовали. Это отрадно уже и въ томъ отношеніи, что никакія попытки пановъ подѣйствовать на крестьянскую среду, для выполненія своихъ затѣй, никогда и впредь не достигнутъ своей цѣли и разобьются о крестьянскую доблесть...

4.

Циркуляръ папы Пія IX.

Читателямъ газетъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что въ настоящемъ году, папа, по случаю празднованія р.-католическою церковію столѣтнаго юбилея св. апостоловъ Петра и Павла, а равно и по случаю канонизаціи „великаго числа героевъ вѣры христіанской" въ родѣ Іосафата Кунцевича, созывалъ всѣхъ епископовъ своей паствы и составилъ такимъ образомъ *свой вселенскій* (?) соборъ. Но не во всѣхъ газетахъ былъ напечатанъ, а слѣдовательно, и не всѣмъ читателямъ извѣстенъ циркуляръ, адресованный отъ имени папы къ епископамъ римской церкви префектомъ соборной конгрегаціи, кардиналомъ Катерини. Циркуляръ этотъ, нельзя не отдать справедливости, обнаруживаетъ замѣчательную заботливость римской куріи объ интересахъ своей церкви вообще и престола своего главы въ частности. Въ *семнадцати* пунктахъ содержатся вопросы, главнымъ образомъ касающіеся епископовъ и священниковъ: тѣмъ и другимъ настоятельно предписываются правила, какъ вести себя въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, какъ заставить клириковъ неуклонно слѣдовать избраннымъ ими путемъ, дабы они, и по окончаніи курса ученія, не переставали совершенствоваться въ соотвѣтствующихъ ихъ призванію знаніяхъ. Впрочемъ, все это не касается православныхъ: но между пунктами папскаго циркуляра есть такія распоряженія, къ которымъ нельзя оставаться равнодушнымъ каждому, для кого дорого благосостояніе церкви православной. Такимъ образомъ, префектъ конгрегаціи, отъ имени папскаго престола, въ первомъ пунктѣ циркуляра предлагаетъ епископамъ слѣдующій вопросъ: „тщательно ли соблюдаются каноническія правила, воспрещающія допущеніе еретиковъ или схизматиковъ къ исполненію обязанностей воспріемниковъ отъ купели, при совершеніи таинства крещенія?"

Мы, русскіе люди и православные, какъ всякому извѣстно, имѣемъ честь пользоваться отъ его святѣйшества титуломъ еретиковъ и схизматиковъ; слѣдовательно, имѣемъ полное право принять на свой счетъ упомянутый пунктъ и спросить въ свою очередь: тщательно ли соблюдаются нами самими каноническія правила, воспрещающія допущеніе иновѣрцевъ къ исполненію обязанностей воспріемниковъ отъ купели, при совершеніи таинства крещенія надъ нашими дѣтьми? Къ сожалѣнію, едва ли можно дать на это утвер-

дительный отвѣтъ. Намъ извѣстно весьма много примѣровъ, когда воспріемниками отъ православной купели являются и р.-католики и лютеране. Очевидно, что терпимость въ этомъ, весьма важномъ случаѣ переступаетъ предѣлы не только правилъ каноническихъ, но даже здраваго смысла. А все дѣло зависитъ отъ того, что и родители младенца, и воспріемники изъ иновѣрцевъ смутно, а иногда и вовсе не понимаютъ свои священныя обязанности, какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и по отношенію къ ребенку, котораго принимаютъ на свои руки изъ рукъ священника. Иногда происходитъ это и отъ другихъ причинъ, напримѣръ, отъ желанія покумиться съ какимъ либо вліятельнымъ лицомъ и найдти въ немъ покровителя себѣ и своему дитяти, не взирая на разность вѣроисповѣданія и религіозныхъ убѣжденій, часто сводимыхъ къ нулю. Чѣмъ отзывается такой поступокъ родителей—говорить не нужно; много ли въ этомъ истинной пользы для новокрещеннаго—тоже понятно; а потому и мы, хоть не въ качествѣ префекта упомянутой конгрегаціи, а въ качествѣ сына церкви православной, обращаемъ вниманіе тѣхъ, кому о семъ вѣдать, надлежитъ, на такое легкомысленное нарушеніе прямыхъ и ясныхъ постановленій церкви, и просимъ ихъ прочитать напечатанную въ 38 выпускѣ „Домашней Бесѣды“ за 1865 годъ, статью, подъ заглавіемъ: «Воспріемники и воспріемницы».

Четвертый пунктъ циркуляра гласитъ слѣдующее: «*во многихъ мѣстахъ, гдѣ ереси распространяются безнаказанно*, смѣшанные браки разрѣшаются иногда соизволеніемъ папы съ тѣмъ однако *непремѣннымъ* условіемъ, чтобы предварительно даваемы были необходимыя гарантіи, въ особенности тѣ, кои требуются для подобныхъ браковъ правомъ естественнымъ и божественнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что *мѣстное духовенство старается отвратить и отклонить вѣрующихъ отъ заключенія подобныхъ браковъ*, и примѣняя, по важнымъ причинамъ, апостольское (то есть, папское) позволеніе о разрѣшеніи смѣшанныхъ браковъ, *они соблюдаютъ со всевозможнымъ тщаніемъ*, чтобы условія, налагаемыя этимъ разрѣшеніемъ, были прочно обезпечены: но когда обѣщаны означенныя гарантіи, то свято ли и неуклонно ли исполняются онѣ, и какія средства употребить, чтобы никто не уклонялся отъ исполненія данныхъ обѣщаній?„ По нашему законоположенію, смѣшанные браки допускаются только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы раждающіяся дѣти были непремѣнно православнаго исповѣ-

данія; слѣдовательно, тутъ и рѣчи быть не можетъ ни о какихъ другихъ условіяхъ и гарантіяхъ. Тѣмъ не менѣе заключительныя слова этого пункта тоже могутъ быть обращены къ тѣмъ бракосочетавшимися, изъ которыхъ одни православнаго, а другіе неправославнаго исповѣданія,-- и это тѣмъ болѣе нужно, что, при современномъ индиферентизмѣ въ дѣлѣ религіи, уклоненія отъ принятыхъ на себя православными обязанностей повторяются слишкомъ часто. Мы даже знаемъ примѣръ, что дочь православнаго генерала, вступивъ въ супружество съ папистомъ, обязалась воспитывать дѣтей своихъ мужескаго пола въ р.-католической религіи-собственно изъ-за того, чтобы не лишить сыновей своихъ права на наслѣдство послѣ бабушки, рьяной католички. Намъ извѣстенъ и другой случай, когда малютка, оставшійся сиротой послѣ своего православнаго отца и крещеный по православному, былъ введенъ своею католичкою-матерью въ разрядъ папистовъ и, не смотрая на несомнѣнныя доказательства своего отступничества и чисто русское имя, отчество и фамилію, умеръ папистомъ, оставивъ въ католичествѣ все свое семейство. Слѣдовательно, и къ православнымъ относится запросъ папскаго префекта: когда обѣщаны гарантіи пребыванія въ вѣрѣ господствующей, то свято ли и неуклонно ли соблюдиются онѣ и какія нужно употребить мѣры, чтобы никто не уклонялся отъ исполненія данныхъ обѣщаній? Конечно, не такія, какія употребляются кліентами папскаго престола, а все же мѣры энергическія, безъ всякихъ уступокъ. Если всякому человѣку позволяется ограждать свою собственность; если правильно организованное общество крѣпко стоитъ за права свои, то тѣмъ болѣе должна стоять за свои божественныя права церковь, имѣющая въ своей опекѣ не какія нибудь вещественныя блага, но духовныя.

Префектъ, или, что тоже, папа скорбитъ, что "народныя школы, открытыя для дѣтей всѣхъ классовъ народа, а равно и общественныя заведенія, назначенныя для высшаго преподаванія наукъ и литературы и для образованія юношества, изъяты во многихъ мѣстахъ отъ умѣряющей власти церкви, отъ ея дѣйствія и вліянія; что онѣ всецѣло преданы на произволъ гражданской и политической власти, въ распоряженіе тѣхъ, кои управляютъ ими, и что все установляется въ нихъ сообразно съ общепринятыми въ нашъ вѣкъ мнѣніями." Скорбь святая и праведная, еслибъ она выражала только то, что значится въ этомъ пунктѣ! Дѣйствительно,

и намъ нельзя не потужить о томъ, что образованіе нашего юношества во многихъ мѣстахъ изъято отъ умѣряющей власти церкви, отъ ея дѣйствія и вліянія, что въ большей части нашихъ школъ все установляется, сообразно съ общепринятыми въ нашъ вѣкъ мнѣніями. По милости Божіей,въ настоящее время становится уже замѣтнымъ поворотъ съ охлаждающей безвѣріемъ зимы на лѣто, согрѣвающее умы теплотою истины евангельской: но еще многаго остается желать, много требуется заботъ, чтобы вырвать съ корнемъ чужеядныя растенія, которыя глушатъ ниву христіанскаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ всякій теперь видитъ, что циркуляръ папскій не весь состоитъ изъ изгари; есть въ немъ и блестки, которыми грѣхъ было бы не воспользоваться.

(*Домаш. Бесѣда*).

IV.

ОЧЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОЛѢСЬЯ. (*)

Народъ, населяющій такъ называемое бѣлорусское Полѣсье, раскинутое по теченію Припяти, Днѣпра, Березины и частію Двины и Нѣмана, есть народъ славяно-русскій, безъ примѣси, древне-православный по преимуществу. Онъ представляетъ богатую тему для этнографа: между тѣмъ эта тема почти не тронута. Потому ли, что Полѣсье почти безмолвно, безъ рѣзкой, покрайней мѣрѣ, реакціи, переходило, какъ часть какого-либо цѣлаго, въ руки сосѣдей, желавшихъ на счетъ ея удлинить или разширить свою территорію, потому ли, что оно немного представляетъ интереса для поверхностнаго взгляда туриста и много препятствій для комфортабельнаго вояжа, потому ли что разные историки и лѣтописцы считали его въ данный моментъ какъ-бы получужимъ,—только его, словно умышленно, обходятъ этнографы и туристы. Для многихъ изъ насъ знакомѣе страна африканскихъ дикарей, посѣщенныхъ миссіонеромъ Лингвистономъ, нежели бѣлорусское Полѣсье западной Россіи. Это почти Америка въ Европѣ, ожидающая своего Колумба. Но тотъ, кто подумаетъ, что этимъ Колумбомъ хочу быть я, слишкомъ торопливо и напрасно усвоитъ мнѣ честь, на которую, въ настоящемъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, я и не разсчитывалъ. Предоставляя послѣдовательность историческую, наведенія статистическія и оконченность топографическую болѣе счастливымъ и досужимъ любителямъ Бѣлорусіи,—я буду обращаться къ ней настолько, насколько она виднѣется мнѣ

(*) Полѣсьемъ я называю лѣсную часть Минской губерніи и прилегающіе къ ней уѣзды Кіевской, Волынской, Черниговской, Могилевской и Гродненской губерній.

съ проходимаго мною пути, насколько она входитъ въ маршрутъ моего настоящаго правственнаго вояжа. Мои этнографическія, порою топографическія замѣтки не будутъ, въ настоящемъ мѣстѣ, выходить изъ предѣловъ бельлетрическаго очерка, пріуроченнаго къ полѣской части Бѣлоруси.

Кривичи, древляне, ятвяги (Геродотовы невры) и частію дреговичи суть предки бѣлоруссцевъ, которые, съ незапамятныхъ временъ, вели жизнь осѣдлую по низовьямъ, раскинутымъ по теченію названныхъ выше рѣкъ, съ безчисленными ихъ притоками. Безпримѣрное въ исторіи миролюбіе первичныхъ племенъ бѣлорусскихъ, довольство ихъ своимъ жребіемъ и природою, снабжавшею своихъ любимцевъ всѣмъ необходимымъ для земледѣльца, скотовода, охотника, рыболова, и въ тоже время защищавшею ихъ отъ жадности и насилія сосѣдей,—закрѣпляли въ предкахъ нынѣшнихъ бѣлорусцевъ любовь къ своему осѣдлищу, избавляли ихъ отъ завистливыхъ поисковъ лучшей земли, желанія лучшей доли. Тогда какъ вокругъ ихъ племена и народы передвигались съ мѣста на мѣсто, сталкивались другъ съ другомъ, распадались на новыя группы, образовали новыя коалиціи, являлись тамъ гдѣ и не думали очутиться, дѣлались тѣмъ, чѣмъ и не предполагали быть,—ятвяги (по преимуществу) боязливо прислушивались, изъ чащи своихъ древнихъ лѣсовъ, къ браннымъ кликамъ сосѣдей, робко выглядывали изъ неприступности своихъ трясинъ—на волненіе народовъ и, въ случаѣ приближенія опасности, отодвигались только въ глубь доступныхъ имъ лишь своихъ естественныхъ укрѣпленій и какъ-бы плотнѣе прижимались къ груди своей кормилицы и защитницы—природы. Безчисленное множество городищъ, окопанныхъ рвами и окаймленныхъ насыпями, находимые, при разрытіи почвы ихъ, предметы идолослуженія древнихъ славянъ, чисто славненія названія мѣстъ, селитьбъ и урочищъ, сохранившіяся съ незапамятной древности,—все это и многое другое громко говоритъ намъ, что мѣстность нынѣшней Бѣлоруси, еще во времена доисторескія населена была самыми древними, самыми чистыми, осѣдлыми племенами славянъ. Самые раннiе историческіе документы наши уже говорятъ о Туровѣ, Полоцкѣ и другихъ, какъ о многолюдныхъ городахъ народа великаго, имѣвшаго своихъ правителей, окрѣпшаго въ продолжительной осѣдлой жизни и пред-

ставлявшаго довольно развитую, для своей эпохи, гражданственность. Первыя страницы нашихъ лѣтописей уже занимаются древнѣйшими княжествами Туровскимъ, Полоцкимъ и другими.

Но оставимъ древнихъ кривичей, ятвяговъ и проч. и перенесемъ наше вниманіе на современныхъ намъ потомковъ ихъ,— оговорившись предварительно, что общее знакомство съ первыми нужно было намъ для того, чтобы видѣть послѣ, насколько черты первыхъ сбережены въ послѣднихъ.

Прежде всего вниманіе наблюдателя поражаетъ та, такъ сказать, плѣсень древности, которою окайимленъ весь бытовой складъ полѣшуковъ—бѣлорусцевъ. Вѣка пролетѣли надъ ними, почти не задѣвъ ихъ своимъ разрушительнымъ крыломъ. И въ веденіи домашняго хозяйства, и въ постройкѣ избъ, и въ языкѣ, и даже въ правахъ и обычаяхъ—все обстоитъ такъ, какъ обстояло во времена дохристіанскія,—прибавилось нѣсколько вѣрованій христіанства, не совсѣмъ вытѣснившаго остатки язычества,—нѣсколько словъ и акцента въ говорѣ, заимствованныхъ изъ сѣвера Россіи, или отъ Литвы и Польши, нѣсколько прилипшихъ къ греко-русскому православію отъ уніи наростовъ,— вотъ и все, что пристало къ старинѣ полѣшука-бѣлорусца; все прочее, словно въ окаменѣломъ видѣ, сбережено доселѣ неприкосновенно, въ теченіи тысячелѣтія.

Причины этого мимовольнаго консерватизма—чисто мѣстныя. Большинство тѣхъ обитателей Бѣлоруси, о которыхъ говорю я, живетъ внѣ всякаго почти общенія съ сосѣдями. Селитьбы полѣшуковъ заброшены въ безконечные лѣса, затеряны между не проходимыми болотами и тундрами. Многіе туземцы умирали, непобывавъ въ ближайшемъ даже мѣстечкѣ. Объ уѣздномъ, особенно губернскомъ ихъ городѣ и говорить нечего: объ нихъ они имѣютъ нерѣдко самое баснословное понятіе. Оттого между простолюдьемъ полѣскимъ попадаются такіе космологи, которые думаютъ, что тамъ-за горизонтомъ уже конецъ свѣта, что женщины, стирающія бѣлье за кругозоромъ полѣшука, кладутъ свои прячи уже на облакахъ и вѣшаютъ бѣлье на рогахъ молодой луны. Словомъ: кто хочетъ изучать типъ древне-славянскій, во всемъ его доисторическомъ характерѣ, тотъ пусть отправится для этой цѣли въ села и деревни полѣскія, затерянныя, можно сказать, для человѣчества между лѣсами и болотами. Подвигъ, конечно, трудный:

о путяхъ сообщенія между подобными селитьбами и не спрашивай,— ихъ почти нѣтъ; но за то подвигъ этотъ поведетъ славянскаго этнографа къ богатымъ находкамъ.

Домашній бытъ бѣлорусца—полѣшука чрезвычайно простъ и незатѣйливъ. Все въ немъ поражаетъ вниманіе отсутствіемъ предметовъ роскоши и нѣги, фабрикаціи и меркантильности, незатѣйливостью временъ давноминувшихъ. По близости только судоходныхъ рѣкъ и почтовыхъ дорогъ замѣтны кое-какіе признаки наноснаго прогресса. Въ постройкѣ избъ и другихъ хозяйственныхъ зданій, обработкѣ полей, веденіи домашняго хозяйства, костюмѣ, утвари,—замѣтно болѣе вліяніе историческое сѣвера, нежели запада и юга Россіи. Это вліяніе еще болѣе виднѣется въ названіи многихъ предметовъ быта домашняго и земледѣльческаго. Полѣшукъ говоритъ: „гумно, сковорода, кочерга, кабыла, казелъ, калита, что—што, бороновацъ, гребци (отъ гребу),“ а не—клуня, пательня, коцюба, шкапа, цапъ, гаманэць, що, волочить, громадить, и безчисленныя другія. Трудно опредѣлить, когда и по какому случаю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полѣсья вошло въ употребленіе греческое каі, вмѣсто славянскаго *и*.

Избы полѣшуковъ побольшей части курны, построены (равно какъ и всѣ другія хозяйственныя постройки) всрубь, съ досчатою (большинство) крышей, съ полатями, или съ деревяною лежанкой, придѣланною къ верхней части печи,—съ широкой полкой у стѣны подъ потолкомъ, для сушки лучины,—съ лавками возлѣ двухъ стѣнъ и большимъ столомъ,—съ досчатою, неподвижною, общею для половины домочадцевъ, кроватью, называемою поломъ и занимающею все пространство отъ печи до стѣны,—съ круглою, толстою, деревяною перекладиной, однимъ концемъ вдѣланною въ печь, другимъ въ стѣну, для сушки разной одежды, для вѣшанья колыбели и вообще для исправленія должности вѣшалки. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ избы всегда почти устроятся множество различныхъ уютныхъ уголковъ для домашней посуды, для разныхъ насѣдокъ и несущихся птицъ, которыхъ туземцу держать такъ удобно.

Освѣщеніе избы производится вездѣ почти посредствомъ лучины. Способъ этого освѣщенія не вездѣ одинаковъ. Въ мѣстахъ болѣе лѣсистыхъ, изба освѣщается смолистыми, мелкими полѣнцами изъ сосны, преимущественно изъ ея корней. Это освѣщеніе такъ ярко, что предъ нимъ покажется тусклымъ освѣщеніе любой баль-

ной залы сотнями свѣчей. Машина, употребляемая для подобнаго освѣщенія, весьма не многосложна: *лучникъ* и *посвѣтъ* составляютъ всѣ ея принадлежности. Лучникъ бываетъ или подвижной, или однажды на всегда прикрѣпленный къ потолку избы, такъ называемый *висячій*. Первый дѣлается всегда изъ лубковъ, наподобіе огромнаго кларнета. Узкій конецъ лучника продѣвается въ круглое, небольшое отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ, какъ для этого назначенія, такъ и для выхода дыма, во время топки избы; лучникъ утверждается въ надлежащемъ разстояніи отъ пола и поддерживается въ висячемъ положеніи посредствомъ крючка, большею частію деревянаго. Къ широкому отверстію лучника привѣшивается на желѣзныхъ крючкахъ *посвѣтъ*, или желѣзная рѣшетка, на которую постоянно подкладывается сухая лучина. Лучникъ висячій устроется всегда почти въ избахъ не курныхъ.— Онъ такой же формы, какъ и недавно описанный, только лишь дѣлается изъ толстаго полотна, покрываемаго слоемъ мѣла, для предохраненія лучника отъ воспламененія. Остальныя принадлежности послѣдняго лучника тѣже, что и перваго. Отверстіе, въ которое продѣвается первый лучникъ, по миновании въ семъ последнемъ надобности, задвигается нарочно для того устроенною въ потолкѣ засовкой. Но въ мѣстахъ менѣе лѣсистыхъ, лучина и способъ освѣщенія ею избы совсѣмъ иной. Лучина эта дѣлается не изъ смолистой части сосны (какою бываетъ всегда почти сердцевина ея), а изъ такъ называемой *оболони*. Эта лучина—уже не коротенькіе обрубки, а пластинки около 2 аршинъ длиною, 1/2 дюйма въ толщину и около вершка въ ширину. Лучина однимъ концемъ втыкается въ желѣзныя вилочки, по большей части придѣланныя къ куску дерева, стоящаго на деревяномъ пьедесталѣ. Эту лучину, по самой ничтожной цѣнѣ, покупаютъ пучками даже небогатые горожане. Порой я самъ затверживалъ при ней мои школьные уроки и передавалъ бумагѣ мои незрѣлыя мысли и живыя ощущенія. Само-собой—это освѣщеніе несравненно тусклѣе перваго: оно едва можетъ замѣнить одну сальную свѣчу.

Костюмъ полѣшука—простолюдина также весьма простъ и естественъ. Весь онъ, за исключеніемъ самой верхней и самой нижней принадлежности, то есть кромѣ шапки и весьма рѣдко обуви,—домашняго издѣлія. Ленъ, пенька, шерсть, или овчина даютъ ему незатѣйливый, но покойный и просторный костюмъ на лѣто и зиму. *Свита* (зипунъ) зимой и лѣтомъ—суконная. Чѣмъ

бѣлѣе она и толще, тѣмъ щеголеватѣе полѣшукъ и счастливѣе. Но, если онъ къ такой свитѣ надѣнетъ новые лапти, съ бѣлыми *онучками* (портянками), если ремешки, вмѣсто обыкновенныхъ бичевокъ, симметрически обвяжутъ его онучки до самыхъ колѣнъ; если красный поясъ, домашней работы, обхватитъ его талію; если поярковая шляпа (лѣтомъ), или шапка изъ сѣрыхъ барашковъ (зимой) ухарски надвинута на правое его ухо; если красное, или зеленое стекло въ запонкѣ воротника его рубашки величиною въ прежній трехкопѣечникъ; если *шабета* (калита) съ кремнемъ, трутомъ и *осьмаками* (деньгами), да красивый ножикъ небрежно болтаются у лѣваго его бока,—онъ дѣлается предметомъ зависти всѣхъ *дзѣцюковъ* (парней), причиною тайныхъ вздоховъ и цѣлью украдочныхъ взглядовъ всѣхъ *дзѣвокъ* (дѣвушекъ). Впрочемъ, свиты попадаются и сѣрыя, черно-бурыя и даже пестрыя. Послѣднія пестрятъ тѣхъ бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ столько одношерстыхъ овецъ, чтобъ изъ шерсти ихъ могла выйдти цѣлая, одноцвѣтная свита, а у которыхъ есть двѣ-три бѣлыхъ и столько-же черныхъ овецъ, такъ что первыя даютъ станъ, послѣднія рукава,—и полѣщукъ расхаживаетъ себѣ въ этомъ нарядѣ, нисколько не подозрѣвая, что онъ похожъ издали на аиста, или по крайней мѣрѣ на бѣлаго, съ руками взятыми на прокатъ у негра. Но лапти (полѣшукъ ихъ — незнаю почему—называетъ *постолами*) едва ли не лучшая выдумка его безъискуственнаго ума. Никакой бархатъ и атласъ не доставятъ ногѣ того ощущенія мягкости, теплоты, простора, нѣги, какое чувствуетъ она въ лаптяхъ, особенно, если будетъ укутана въ нѣсколько рядовъ мягкою, полотняною ветошью. Никогда я не забуду того впечатлѣнія, какое оставилъ въ памяти моей опытъ, произведенный мною когда-то въ дѣтствѣ надъ удобствами этой восхитительной обуви. Не будь на землѣ воды, лапти съ честію выдержали бы соперничество со всякою обувью, выдуманною человѣкомъ. За то и полѣшукъ души въ нихъ не чуетъ. Босикомъ онъ никогда не ходитъ, къ сапогамъ чувствуетъ неодолимое отвращеніе, и если надѣнетъ ихъ человѣкъ богатый, въ великій праздникъ, или въ городѣ, или на *кермашѣ* (ярмаркѣ); то ходитъ вовсе не почеловѣчески, наклоняется всѣмъ туловищемъ впередъ, тянетъ ноги, какъ будто на каждой изъ нихъ по пудовой гирѣ, скоблитъ землю подковами такъ, что его походка слышна за версту, и всякій разъ скидаетъ сапоги, съ чувствомъ человѣка, сваливающаго съ плечъ ношу не поси-

ламъ,—съ продолжительнымъ: у—ухъ! Этими же самыми сапогами пользуются и женщины (1), и то лишь во время стирки бѣлья зимою, на рѣчкѣ. Впрочемъ, полѣшуки вообще довольно равнодушны къ сырости: она не производитъ никакого вліянія на ихъ стальное Здоровье. Если полѣшукъ хочетъ задать сапогами въ лѣтнее время, не у себя—въ селѣ; то несетъ ихъ въ рукахъ, или за плечами, до того мѣста, гдѣ мода, или нѣкоторое тщеславіе заставляетъ его надѣть ихъ.

Головной уборъ женщинъ чрезвычайно разнообразенъ. Во многихъ мѣстахъ онъ похожъ на головной уборъ женщинъ въ другихъ областяхъ Россіи, а особенно Малороссіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ очень оригиналенъ и похожъ на гусарскій, или точнѣе—уланскій киверъ. Въ основаніи его лежитъ что-то въ родѣ кички, или кокошника, съ кусочкомъ пестрой матеріи, или парчи (у богатыхъ), на передней его части. Эта кичка (называемая *головой*) обвивается весьма затѣйливо, роскошно и кокетливо *сарпанкой* (тонкимъ, жидкимъ кускомъ полотна), концы которой спускаются сзади до пояса. *Запаски, плахты*, юбки, *ондараки*, тоже чрезвычайно разнообразны. Всѣхъ отвратительнѣе вторыя; потому что онѣ не сшиты, а состоятъ изъ куска клѣтчатой, домашней работы, шерстяной матеріи, обвивающей женщину весьма узко, некрасиво, отъ таліи немного ниже колѣнъ. Я въ восторгѣ, что этотъ неизящный нарядъ не есть самородное произведеніе вкуса моихъ землячекъ, а заимствованъ ими когда-то у сосѣдокъ и употребляется только въ немногихъ, смежныхъ съ Малороссіей, мѣстахъ. Достаточная женщина щеголяетъ иногда въ синемъ или зеленомъ чугаѣ и такой же юбкѣ, фабричнаго сукна, обшитой лентою. Юбка бываетъ и ситцевая, особенно у дѣвушекъ; полѣшукъ вовсе почти не употребляетъ фабричныхъ издѣлій.

Поле обработываетъ полѣшукъ парою воловъ, иногда воломъ и коровой, а иногда даже коровой и лошадью, если у бѣдняка неболѣе этихъ двухъ животныхъ. Между работами женщинъ и мужчинъ проведена обычаемъ черта, которой не переступаютъ ни тѣ, ни другіе. Женщина никогда не станетъ косить, пахать, возить, подавать снопы, вѣять, сѣять и частію молотить, а мущина не захочетъ копать огорода, брать льна, особенно жать; вя-

---

(1) Въ немногихъ достаточныхъ домахъ есть особые сапоги для женщинъ.

зать снопы, при спѣшной работѣ, онъ иногда помогаетъ. Зато собираніе сѣна есть работа общая, и болѣе праздникъ, нежели работа. Хлѣбъ на Полѣсьи складывается или въ небольшіе *стоги* (скирды), для чего устрояется *подъ*, то есть досчатый полъ, на четырехъ столбикахъ, съ деревянными кружками на верху каждаго изъ нихъ, для защиты стога отъ нашествія мышей,—или въ *озеродахъ*, устройство которыхъ слѣдующее: Вкапываютъ въ землю два высокихъ деревяныхъ столба, укрѣпляютъ ихъ съ обѣихъ сторонъ подпорками, вдѣлываютъ въ эти столбы сколько нужно деревяныхъ перекладинъ—въ такомъ одна отъ другой разстояніи, чтобы между ними могъ увязнуть снопъ, втискаютъ между нихъ снопъ возлѣ снопа такъ, чтобы колосья висѣли внизъ, и снопы висятъ себѣ до востребованія и сушатся, и зерно небоится ни мыши, ни моли, ни сырости. Капли дождевыя скользятъ по колосьямъ, не касаясь почти зерна; для птицы нѣтъ усѣда, движеніе свѣжаго воздуха поддерживаетъ свѣжесть зерна, не позволяя ему ни слишкомъ пересохнуть, ни отсырѣть. Не будь этотъ способъ нѣсколько громоздокъ, онъ былъ бы лучшій способъ сбереженья хлѣба. Впрочемъ, въ озеродахъ сберегаютъ почти только рожь и овесъ, и то въ мѣстахъ малоземельныхъ. Молотятъ полѣшуки по большей части сыромолотомъ, безъ овина. Хлѣбъ съ озерода не имѣетъ въ немъ нужды. Во многихъ мѣстахъ Полѣсья проса не молотятъ, а выжимаютъ зерна его посредствомъ тренія босыми ногами его колосьевъ. Отъ этой работы не освобождаются и дѣти. Зерновой хлѣбъ, равно и картофель, во многихъ мѣстахъ Полѣсья сберегаютъ въ землѣ, въ ямахъ. Хлѣбъ, собранный на боровой полянѣ, складывается въ небольшіе (около 5 копнъ) *стожки*, на 4-хъ, настолько высокихъ столбикахъ, чтобы не могъ достать сноповъ дикій кабанъ. Впрочемъ вьюга, какъ бы желая услужить лакомкѣ, иногда навѣетъ сугробъ снѣга возлѣ стожка и кабанъ пробирается по немъ къ снопамъ и пожираетъ труды человѣка до тѣхъ поръ, пока не поплатится за то своею жизнію. По дальности и неудобствамъ пути, боровой хлѣбъ перевозится домой по большей части зимою.

Заниматься скотоводствомъ на Полѣсьи чрезвычайно удобно. Безконечные луга, орошаемые рѣками, рѣчками, озерами, притоками, доставляютъ скоту самую привольную жизнь, самую обильную и сочную пищу. Скотской падежъ недавно только, и то очень рѣдко, очень слабо началъ проявляться въ мѣстахъ

смежныхъ съ степями. Отъ одного только врага и скотина полѣская, и хозяинъ ея въ постоянномъ опасеніи; это волкъ. Но и противъ этого врага тамъ на сторожѣ и собака, и человѣкъ. Первая грызется съ волкомъ за добро своего хозяина и днемъ и ночью; отъ меткой пули послѣдняго рѣдко улепетываетъ онъ безъ смерти, или увѣчья. Здѣсь невозможно исчислить даже всѣхъ способовъ, которыми истребляютъ полѣшуки этихъ враговъ своихъ. Волкамъ полѣскимъ даже объявлена оффиціальная, вѣчная война. Въ теченіи весны и лѣта, всякій почти воскресный день, идетъ противъ нихъ гибельная для нихъ охота—особенно, если продѣлки волковъ вызываютъ человѣка на эту оборонительно—наступательную войну. Зимою скотъ, такъ сказать, валяется въ самомъ лучшемъ, самомъ душистомъ сѣнѣ. Какой бы ни былъ неурожай на сѣно въ другихъ мѣстахъ, у полѣшука такъ много сѣна, что онъ часто сожигаетъ его весной, для очистки сѣнокоса, или позволяетъ скирдамъ сѣна истлѣвать на своемъ мѣстѣ. Сбытъ его въ городахъ и мѣстечкахъ весьма незначителенъ и неудобенъ. Во многихъ мѣстахъ Полѣсья, за зимній возище сѣна не дадутъ и 10 фунтовъ соли. Стоитъ ли изъ-за такой бездѣлицы безпокоить и себя и скотину,—особенно, если ближайшее мѣстечко верстахъ въ 50 и далѣе отъ села? А подобныя разстоянія отъ мѣстъ, гдѣ бы могъ полѣшукъ сбыть какой либо сельскій продуктъ, весьма обыкновенны. Поэтому, у самаго бѣднаго полѣшука не найдете вы теперь 10 штукъ разнаго скота; а у многихъ его такое обиліе, что хозяинъ затрудняется отсылать его на пашу въ общую *череду* (гуртъ), а держитъ своего особаго пастуха. О птицахъ и говорить нечего. Особенно много у полѣшука земноводныхъ. Обиліе воды и всего того, что находитъ въ ней эта птица, дѣлаетъ ее огромною, жирною и чрезвычайно вкусною.

Во многихъ мѣстахъ Полѣсья, особенно изобилующихъ чернымъ вообще и дубовымъ вчастности лѣсомъ, а слѣдовательно и жолудемъ, свиней не держатъ лѣтомъ возлѣ дома, а все стадо ихъ угоняютъ, подъ конецъ весны, въ лѣсъ. Въ своей новой, дикой и привольной жизни, среди всевозможныхъ лакомствъ, какими изобилуетъ для свинаго желудка лѣсная и болотистая природа,—свиньи, въ теченіи шести—семи мѣсяцевъ, такъ расплодятся, подростутъ, вытянутся, выносятся, разжирѣютъ, одичаютъ и окрѣпнутъ, что не боятся нападенія никакихъ враговъ. Вслучаѣ опас-

ности, составятъ только плотное каре, меньшихъ и слабѣйшихъ помѣстятъ въ его средину, обернутся къ врагу рылами, свирѣпо ощетинятся, грозно щелкаютъ острыми клыками, пѣна валится клубомъ изъ пасти ихъ на землю,—и медвѣдь и волкъ напрасно будутъ тратить свой трудъ и время на кавалерійскія аттаки. Свинья стойка, какъ англичанинъ, и маневры враговъ ея всегда почти оканчиваются постыднымъ отступленіемъ послѣднихъ. Я сказалъ: всегда почти потому, что неопытный или слишкомъ голодный волкъ иногда переходитъ отъ намѣренія къ исполненію, и тогда, въ нѣсколько минутъ, отъ всей его особы остается лишь нѣсколько мелкихъ клочковъ. Подобное стадо свиней дотого одичаетъ въ своей безлюдной жизни, что хозяева, узнавъ отъ сосѣдей о мѣстѣ кочевья своего стада предъ наступающей зимою, съ большимъ трудомъ, послѣ долгихъ только ухаживаній и хитростей, заманятъ его домой. И это можетъ сдѣлать или сама хозяйка дома, или та женщина, которая ухаживала за свиньями, во время осѣдлой ихъ жизни. Но и она потратитъ много хлѣба, напрасно будетъ кричать нѣсколько дней: *„вецъ—вецъ, вешко вешко“* (общая кличка на Полѣсьи свиней), пока достигнетъ цѣли. Сначала свиньи,—словно предчувствуя, для чего такъ за ними ухаживаютъ,—не хотятъ и смотрѣть на искусительницу. Какъ только она подойдетъ къ нимъ для возобновленія знакомства, онѣ ощетинятся, чмыхнутъ и, поднявъ кверху свернутые кольцомъ хвостики, неуклюжимы прыжками, ускачутъ въ густоту лѣса. Но хозяйка не теряетъ надежды, она опять подходитъ къ свиньямъ, сыплетъ изъ фартука какія-нибудь хлѣбныя сѣмена, а сама отступаетъ на нѣсколько шаговъ назадъ. Старѣйшія свиньи прислушиваются къ приглашеньямъ женщины нѣсколько уже довѣрчивѣй, какъ будто что то вспоминаютъ, смотрятъ глупо на соблазнительницу, начинаютъ хрюкать привѣтливѣй и даже подходятъ иногда старыя знакомыя къ своей хозяйкѣ и, когда она сдѣлаетъ поворотъ назадъ, слѣдуютъ за нею, хрюкая и подбирая сыплемыя ею на землю хлѣбныя зерна, или бросаемые на нее ломти хлѣба. Такою приманкой хозяйка приведетъ ствиное стадо въ самое село. Впрочемъ, бываетъ и то, что подобное приглашеніе свиней на родину повторяется напрасно нѣсколько дней и переселеніе ихъ домой совершается не безъ насилія. Сало и мясо подобныхъ свиней чрезвычайно вкусно; оно получаетъ букетъ дичи. Котлетка, или окорокъ изъ такого мяса—просто объяденье.

Пчеловодство ведется на Полѣсьи довольно оригинально. Там нѣтъ пчельниковъ возлѣ дома, гумна, въ саду, или въ какомъ нибудь, особо избранномъ для пчеловодства, мѣстѣ. Изрѣдка увидите вы въ садикѣ, уюлкѣ огорода, на липѣ, грушѣ, или вязѣ возлѣ дома, два-три улья. Кто занимается пчеловодствомъ, тотъ раскинулъ свои ульи въ лѣсу, на соснахъ, въ мѣстахъ, гдѣ больше вересу, такъ-какъ цвѣтокъ этого растенія есть почти единственный, но за то весьма богатый источникъ, изъ котораго пчела полѣская извлекаетъ самую сладкую и душистую пищу для себя и для человѣка. Но въ лѣсу ходитъ еще одинъ страстный любитель меду,—врагъ страшный, смышленый и опасный для человѣка и пчелъ; это *медоѣдъ* или медвѣдь. Нужно защитить отъ него улей съ пчелами, и человѣкъ ухитряется слѣдующимъ образомъ: Въ нѣсколькихъ саженяхъ (около 10) отъ земли вдѣлываетъ въ сосну двѣ толстыхъ перекладины и, деревяными гвоздями, въ полъ-аршина длиной, прикрѣпляетъ къ нимъ полъ, сложенный изъ двухъ—трехъ рядовъ толстыхъ досокъ, длиною аршинъ около 5, такъ-чтобы медвѣдь, взобравшись къ этой палаткѣ (называемой *оденкомъ*), не могъ достать края ея лапой. На сосну, защищенную такою палаткой пчеловодъ тянетъ, посредствомъ простой машины, въ видѣ огромнаго колеса, свой увѣсистый улей, или обрубокъ смолистой сосны, около полтора аршина въ діаметрѣ, 3 въ вышину, съ выдобленнымъ въ срединѣ помѣщеніемъ для пчелъ и меду. Въ такомъ ульѣ будетъ вѣсу пудовъ около 20. Ульевъ бываетъ два-три и болѣе на одной соснѣ, защищенной отъ медвѣдя палаткой. Улей окуривается вересомъ, окропляется составомъ изъ *сыты*, ароматныхъ травъ и цвѣтовъ, утыкается снаружи вересомъ, а внутри, въ извѣстныхъ мѣстахъ, тоненькими перекладинами,—словомъ, квартира для дорогихъ гостей готова. Но эти гости не торопятся, не нагрянутъ въ новый домъ гурьбой, въ безпорядкѣ, а, когда приближается время выпускать рои, сперва посылаютъ облеченныхъ полнымъ довѣріемъ крартермистровъ (называемыхъ на Полѣсьи *по (у-о) йской* (1); они осматриваютъ многіе ульи, выбираютъ одинъ изъ нихъ, по своему вкусу и потребностямъ, потомъ ведутъ за собой всю семью, и она безпрекословно по-

---

(1) Двугласное *уо* можетъ произнесть какъ слѣдуетъ,—однимъ звукомъ, только бѣлороссъ.

селяется на новоселья, безъ всякаго, въ этотъ моментъ, участія и принужденія со стороны человѣка, и начинаетъ свою работу, и эта работа, по большей части, идетъ весьма успѣшно; потому—что вересъ рѣдко когда измѣняетъ пчелѣ и человѣку; а если онъ тощъ, то пчела ищетъ себѣ добычи на липѣ, болотныхъ цвѣтахъ и другихъ растеніяхъ. Правда, она въ подобномъ случаѣ дѣлаетъ далекія рекогносцировки, трудится отъ утра до ночи, но за то рѣдко возвращается домой съ пустыми лапками и желудкомъ. Осенью, когда настанетъ срокъ отбирать дань у своихъ работницъ—пчелъ, полѣшукъ отправляется съ *лѣзивомъ* въ боръ. Лѣзиво есть плетенка изъ тонкихъ сыромятныхъ ремешковъ, похожая на крѣпкія двойныя возжи. Къ одному концу лѣзива придѣлана скамейка, на которой могъ бы усѣсться человѣкъ, къ другому—крючекъ. Когда *бортникъ* (пчеловодъ) подойдетъ съ этимъ орудіемъ къ соснѣ, или борти (это—отверстіе, выдолбленное для пчелъ прямо въ соснѣ), перекидываетъ тотъ конецъ лѣзива, что съ крючкомъ, чрезъ ближайшую крѣпкую вѣтвь, такъ-чтобы можно было этотъ конецъ лѣзива достать рукой. Потомъ человѣкъ садится на скамейку и тащитъ за другой конецъ лѣзива самъ себя на сосну—до вѣтви, чрезъ которую перекинуто лѣзиво, или до оденка, или и выше его, смотря потому, гдѣ стоитъ улей, и откуда доступъ къ нему удобнѣе. Потомъ, укрѣпившись неподвижно на лѣзивѣ, посредствомъ крючка и петли, или стоя на самомъ оденкѣ, спускаетъ на землю бичевку, или конецъ лѣзива, къ которому мальчикъ привязываетъ *зобеньку* (коробку) для меду и *зубель* (дымящійся кусокъ сосны) (1), отдираетъ *довжъ* (дверцы въ улей), подкуриваетъ пчелъ зублемъ и начинаетъ свой дѣлежъ добычи съ пчелами,—правда—своекорыстный, но не разбойничій, какъ это дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ; потому—что всегда оставитъ для своихъ работницъ столько меду, чтобъ его стало для нихъ на всю зиму. И безъ душегубства онъ получитъ, при хорошемъ урожаѣ вереса, изъ одного улья 2—3 пуда меду. Не смотря на громадность улья, часто онъ до того бываетъ залитъ медомъ, что съ трудомъ можно отдернуть довжъ; медъ сочится сквозь ея щели, и бѣдныя труженицы ночуютъ на поверхности улья. Но бываетъ и то, что косолапый бортникъ опередитъ настоящаго хозяина улья. Хорошо еще, что это воровство

(1) Впрочемъ, пчеловодъ иногда тащитъ ихъ съ собою.

обходится ему не всегда дешево: сдѣлавъ чрезвычайное усиліе чтобы сбросить на землю привязанный—большею частію—*гужевкой* къ соснѣ улей, и не успѣвъ во время освободить глубоко запущенныхъ въ него когтей, — онъ самъ булдыхнется на землю, съ ульемъ въ обьятіяхъ, съ высоты 10 сажней, и тогда пчеловодъ возвращается домой почти безъ меду, за то съ медвѣжьей кожей. Но, если только косолапый любитель меду доберется до улья благополучно, онъ, побольшей части, вполнѣ удовлетворитъ своему сластолюбію, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Промаха онъ не сдѣлаетъ,—онъ не полѣзетъ къ тощему улью. Его опытность въ дѣлѣ пчеловодства, его обоняніе, а особенно его глаза, всегда скажутъ ему: стоитъ ли карабкаться на сосну, преодолѣвать безчисленныя препятствія, подвергаться ужаснымъ опасностямъ, или нѣтъ. Поэтому онъ дѣлаетъ осенью предварительно рекогносцировку всѣхъ извѣстныхъ ему ульевъ: подходитъ къ соснѣ, на которой стоитъ улей, или ульи, становится на заднія лапы, закрываетъ глаза отъ солнца передней, и долго и пристально смотритъ на улей съ пчелами. Если только медвѣдь замурлычетъ съ досадой, побредетъ, въ раздумья, въ чащу лѣса,—вѣрный знакъ, что улей не стоитъ его хлопотъ,—въ немъ нѣтъ меду. Но если медвѣдь начнетъ облизываться, осматриваться молча, измѣрять пространство отъ улья до земли и обратно; будьте увѣрены, что улей полонъ меду, что медвѣдъ попробуетъ удачи. Такъ и случилось. Вотъ медвѣдь подходитъ къ соснѣ, обнимаетъ ее всѣми четырьмя лапами, когтями переднихъ быстро карабкается выше, заднія только подвигаетъ. Но вотъ голова его наткнулась на острее гвоздя палатки, медвѣдь проворчалъ съ досады и отъ ушиба, поднялъ голову и увидѣлъ между собой и лакомымъ блюдомъ крѣпкую преграду. Но медвѣдь не унываетъ. Держась одной передней лапой за сосну, онъ старается ухватиться другою за край палатки; напрасное усиліе! Тогда медвѣдь, съежившись немного, крѣпко сжимаетъ сосну всѣми лапами, находитъ мѣсто въ палаткѣ, не защищенное гвоздями, или ломаетъ одинъ-другой, чтобъ очистить плоскость хоть въ пол-аршина, упирается что-есть-мочи своимъ широкимъ лбомъ въ палатку; палатка ветха, она затрещала, подалась; въ сердцѣ медвѣдя блеснула надежда; онъ дѣлаетъ новое усиліе, и голова его просунулась сквозь палатку. Тогда уже пчелы и медъ погибли для человѣка: медвѣжья лапа въ минуту развѣетъ по воздуху цитадель человѣка. Но,

если медвѣдь не проломаетъ палатки головой, онъ начинаетъ грызть ее зубами. На этотъ разъ трудъ его продолжительнѣе, но надежда на успѣхъ нѣсколько вѣрнѣе. Нужно только терпѣніе, крѣпкая воля, постоянство,—и въ нѣсколько дней брешь въ крѣпости будетъ проѣдена на столько, что въ нее просуется медвѣжья лапа, а эта лапа скоро уже покончитъ остальное,—для нея мало невозможнаго. Медвѣдь бросаетъ улей на землю и съ торжествомъ побѣдителя возвращается туда же и приступаетъ къ грабежу добычи. Но пусть еще неслишкомъ предвкушаетъ ея сладость: она достанется ему не дешево. Полмильона непріятелей, мелкихъ, правда, но отчаянныхъ, ядовитыхъ, зубастыхъ, ничтожныхъ враздробь, но страшныхъ въ совокупности, вступаютъ въ смертельный бой съ сильнымъ земли. Десятками жужжатъ они въ его ушахъ, наносятъ рану за раной въ ноздры, въ лапы, въ вѣки, глаза, тысячами засѣли въ его шерсть и визжатъ невыносимо; медвѣдь бѣснуется, ворчитъ, реветъ, порывисто обмахивается лапами; сотни враговъ гибнутъ, защищая свое достояніе, но тысячи налетаютъ съ новымъ ожесточеніемъ; герой выбился изъ силъ, прибѣгаетъ къ хитрости,—летитъ къ ближайшему ручью, или болоту, погружается въ него минутъ на пять такъ, что только ноздры его торчатъ изъ воды и губитъ тысячи непріятелей. Повторивъ этотъ ловкій маневръ нѣсколько разъ, медвѣдь передавитъ и перетопитъ всѣхъ почти непріятелей своихъ, и тогда уже, отдохнувъ немного послѣ битвы, съ распухшимъ рыломъ, съ такими же лапами, ушами и вѣками, начинаетъ наслаждаться плодами своей побѣды. Но, если нѣтъ близко отъ поля битвы воды, медвѣдь не скоро воспользуется пчелиными трудами, иногда даже вовсе отказывается отъ нихъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. Но и въ эти немногіе дни, пчелы, предвидя, что непріятель ихъ возвратится, торопливо унесутъ имѣніе свое въ незанятый пчелами улей, или какое нибудь отверстіе въ деревѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, онѣ, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, такъ умножатъ свою рабочую силу, свое богатство, что полѣшукъ, сваливщій зимою подобное дерево на топливо, находитъ дупло дерева съ верху до низу залитымъ медомъ. На днѣ дупла медъ такъ бѣлъ, какъ сахаръ, такъ густъ, что его нужно рубить топоромъ. Впрочемъ, утѣшимся въ настоячемъ случаѣ тѣмъ, что палатка отъ медвѣдя всегда устрояется такъ, что никакія усилія, никакого медвѣдя, не одолѣютъ новой палатки, и что только ветхость ея, откладыва-

нье передѣлки ея съ года—на годъ, вообще грѣхъ отлагательства и безпечности, столь гибельный для человѣка въ дѣлахъ его житейскихъ и нравственныхъ, даютъ медвѣдю возможность воспользоваться оплошностію человѣка. Опытный медвѣдь не полѣзетъ даже къ улью, защищенному новою палаткой.

Много придумалъ полѣшукъ и другихъ, болѣе дешевыхъ хитростей для защиты улья отъ медвѣдя. Популярнѣй изъ нихъ слѣдующія: прикрѣпляютъ къ вѣтвямъ сосны, или ненадежной палаткѣ доски, на разстояніи около двухъ аршинъ отъ сосны; а нижніе концы досокъ слабо приколачиваютъ къ самой соснѣ. Добравшись до досокъ, медвѣдь хватается за одну изъ нихъ, доска отодвигается отъ сосны, и медвѣдь оборвется и грохнется о землю, или повиснетъ между небомъ и землею. Въ такомъ положеніи онъ провисятъ иногда съ часъ и дѣлается мишенью для пули охотника. Другой способъ: вколачиваютъ въ сосну десятка два ножиковъ—остреемъ вверхъ; добравшись до ножиковъ и принимая ихъ, вѣроятно, за сучки деревъ, медвѣдь берется за одинъ изъ нихъ и получаетъ рану, онъ сердито хватается за другой,—новая рана. Переранивъ обѣ переднія, а иногда и заднія лапы, медвѣдь торопливо опускается, а иногда и булдыхнется съ высоты 5—6 саженей на землю.

Богатая и разнообразная природа, окружающая полѣшука, балуетъ дитя свое разными лакомствами не меньше самой нѣжной и заботливой матери. Пища его сытнѣе, разнообразнѣе и лакомѣй пищи степняка. А если бы ему не было во время ужина чѣмъ полакомиться, онъ снимаетъ со стѣны свое увѣчное ружье, переступаетъ порогъ своей хижины (иногда даже не выходитъ изъ нея), стрѣляетъ какъ можно ловче, чтобы не задѣть домашнихъ утокъ, дружно ужинающихъ на рѣчкѣ или притокѣ ея съ дикими гостьями, и двѣ—три послѣднихъ жарятся на его сковородѣ, или кипятъ въ его похлебкѣ. Но полѣшукъ довольствуется этой мелочью только въ крайности: онъ часто положитъ *дзика* (дикаго кабана), лося (особенно во время Спасова поста), застрѣлитъ одну—другую козу: а тетеревей большихъ и малыхъ привозитъ съ бору полную *кайстру* (мѣшокъ). Особенно полѣшукъ истребляетъ ихъ весной, *на току*, когда, то есть, эти животныя рѣзвятся и любезничаютъ другъ съ другомъ на песчаной полянѣ, между сосновымъ лѣсомъ. Процессъ охоты слѣдующій: Какъ только сошелъ снѣгъ, туземецъ, отъ нечего дѣлать, отправляется въ боръ,

находитъ въ немъ песчаную поляну, покрытую перьями и пометомъ тетеревей, отыскиваетъ удобное, въ стратегическомъ отношеніи, мѣсто для своей охоты, устроаетъ на этомъ мѣстѣ будку изъ молодаго сосняка и до разсвѣта, а еще безопаснѣе съ вечера (потому что даже охотникъ не встанетъ раньше тетерева), поселяется въ этой будкѣ. Чуть только начала обозначаться на востокѣ бѣловатая полоса, квартермистръ—тетеревъ пролетѣлъ нѣсколько разъ надъ поляной, усѣлся на ближайшей къ ней соснѣ и прошумѣлъ: *чу—у—ши*! Вдругъ ожилъ весь лѣсъ. Какъ будто буря закачала его вѣтвями; кругомъ васъ раздалось тоже самое—чу—у—ши,—и вотъ, словно раскаты грома потрясли воздухъ и землю; это тысячи теревей, съ разныхъ сторонъ бора, единовременно слетаются на поляну, сильно поражая воздухъ своими тяжелыми крыльями. Вотъ они усѣлились, замѣтили на полянѣ новую постройку, выпучили на нее глаза, дѣлаютъ къ ней укорительные и боязливые прыжки, съ прибавленіемъ своего любимаго—чу—у—ши. Тогда охотникъ долженъ обратиться въ статую, иначе все дѣло испорчено: птица еще чутка и осторожна. Но вотъ квартермистръ заговорилъ ободрительно: *булъ—блъ—блу*, *булъ—блъ—блу*; его подхватили тысячи голосовъ, и кругомъ васъ такой шумъ, гамъ, прыжки, дерганье перьевъ и проч., что въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ, а нетерпѣливое сердце чуть не выпрыгнетъ изъ груди охотника отъ волненія крови и разнородныхъ ощущеній. Тогда охотникъ дѣлай что хочешь; тетеревъ глухъ и слѣпъ ко всему, кромѣ своихъ собратій и своего удовольствія. Тетеревы такъ увлеклись своей оргіей, что не слышатъ выстрѣла, сверкнувшаго изъ будки и сократившаго цѣлою парой ихъ шумную компанію, не чувствуютъ даже ранъ, нанесенныхъ имъ непріятелемъ; притихнутъ только на время, ближайшій къ будкѣ взъерошится, подпрыгнетъ къ будкѣ шага на три, прокричитъ свое-чу-у-ши, выпучитъ глаза на глаза непріятеля; послѣдній, конечно, не шелохнется. Спустя нѣсколько минутъ, раздалось сперва отрывистое, потомъ повсюдное—булъ—блъ—блу, и оргія опять въ полномъ разгарѣ, и тетеревъ облегчаетъ труды человѣка, помогая ему выдергивать перья изъ своихъ убитыхъ товарищей, и охотникъ заряжаетъ ружье, метитъ въ ближайшую и лучшую пару, и опять въ стадѣ тетеревей два (чаще всего, но иногда три и болѣе) покойника. Но вотъ солнце выглянуло изъ-за сосенъ; къ внутреннему жару животныхъ начинаетъ присоединяться жаръ внѣшній, и между

тетеревами замѣтно утомленіе; оргію часто перемежають болѣе или менѣе продолжительныя паузы молчанія; вотъ оно воцарилось во всемъ ихъ обществѣ; вотъ предсѣдатели пира порхнули на вѣтви ближайшихъ сосенъ, вотъ, съ тѣмъ же гуломъ и грохотомъ, какъ и въ началѣ, все стадо черныиъ облакомъ поднялось съ поляны и исчезло въ чащѣ бора. Тогда охотникъ выходитъ изъ своей засады, подбираетъ убитыхъ въ мѣшокъ, и этотъ мѣшокъ, какъ я сказалъ прежде, бываетъ часто полонъ.

Не менѣе несчастный тетеревъ страдаетъ и зимой-отъ охоты съ *маникутомъ* (чучело, похожее на тетерева), особенно отъ сѣти, подъ которую полѣшукъ иногда заманиваетъ предательски, посредствомъ гречихи, цѣлое стадо тетеревей, опускаетъ на нихъ сѣть и потомъ прихлопываетъ только ихъ, съ чувствомъ самодовольства, палкой по головкамъ.

Въ эту же самую сѣть, та же самая гречиха привлекаетъ на водѣ и на сушѣ и неосторожныхъ утокъ. Само собой—ихъ ожидаетъ таже незавидная участь, какая постигаетъ и тетеревей, въ подобныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, утки чаще выбываютъ изъ строя враздробь. Но и тутъ охотникъ не потратитъ заряда на пару утокъ, а коли выстрѣлитъ, то въ семьѣ ихъ произойдетъ значительный недочетъ. Но всего болѣе губитъ этихъ прекрасныхъ и вкусныхъ гостей нашихъ не человѣкъ, или почти не человѣкъ, а сама же утка. Да, прекрасный полъ утиный еше болѣе опасенъ для селезней, (самцовъ утиныхъ), чѣмъ нашъ для насъ грѣшныхъ. Я не знатокъ въ красотѣ утиной, мало изучилъ языкъ и пріемы кокетства утокъ; но убѣжденъ несомнѣнно въ той аксіомѣ, что селезней, какъ и нашего брата, губитъ красота, грація и кокетство прекраснаго пола. Жаль только, что погибель первыхъ несравненно очевиднѣй, окончательнѣй и преждевременнѣе нашей. Селезень теряетъ жизнь, даже не достигнувъ предмета своего волокитства. Вотъ какъ пользуется человѣкъ слабостью селезней къ прекрасному полу: красавицу-кокетку-утку сажаютъ на деревяный кружокъ; для большаго постоянства, привязываютъ утку къ кружку лапкой, посыпаютъ для нея на кружокъ корму, пускаютъ этотъ кружокъ съ уткой на воду въ такомъ мѣстѣ, гдѣ садятся весной перелетныя дикія утки, привязываютъ, на длинной бичевкѣ, кружокъ къ деревянному шесту, вколоченному въ землю, и окружаютъ утку хитро и незамѣтно разставленными, между понятымъ водою кустарникомъ, силками. Какъ только утка послышитъ голоса своихъ дикихъ собратій, плескъ ихъ крыльевъ

въ сосѣдствѣ, или свистъ ихъ полета, она начинаетъ приглашать ихъ (вѣроятно) такъ обаятельно, такъ гостепріимно и красорѣчиво, что селезни, у которыхъ также сердце не камень, волей-неволей, спускаются на воду и начинаютъ ухарски разгуливать вокругъ опасной красавицы. Вотъ самонадѣяннѣйшій и нетерпѣливѣйшій ловеласъ, описавъ два-три круга на водѣ, окунувъ, для сообщенія своей физіономіи болѣе свѣжести, нѣсколько разъ голову въ воду, граціозно, постоянно охорашиваясь, то сжимая, то выпрамляя стройную шею,- подплываетъ къ дамѣ. Тщетная надежда! Еще красота отъ него въ трехъ-четырехъ аршинахъ, какъ гибкій прутикъ свиснулъ въ воздухѣ, тонкая, но крѣпкая нить обвилась вокругъ шеи красавца, и онъ уже, въ предсмертныхъ судорогахъ, бьетъ безполезно крыльями непослушный воздухъ. Вы думаете, что примѣръ этого несчастнаго вразумительно подѣйствовалъ на собратій покойника? Весьма ошибаетесь! Если порода людей не хочетъ дѣлаться отъ примѣровъ ни осторожнѣе, ни добрѣе, ни умнѣе; то тѣмъ болѣе порода утокъ. Другіе селезни, считая ,вѣроятно, судорожныя движенія любезника селезня-предводителя какой либо новой продѣлкой молодечества, наперерывъ стремятся къ той же цѣли, къ которой летѣлъ онъ, и также какъ онъ болтаются въ воздухѣ, на аршинъ отъ воды, съ тою только разницей, что нѣкоторыхъ изъ нихъ (весьма, впрочемъ, рѣдко) силокъ хватаетъ за крыло, за лапку. Участь этихъ несчастливцевъ еще плачевнѣе. Они умираютъ долго, въ виду красоты, съ полнымъ и безконечнымъ отчаяніемъ безуспѣшнаго волокитства, съ полнымъ сознаніемъ неизбѣжной, мучительной, насильственной смерти: они умирютъ дважды,—потому что человѣвъ, по большей части, застаетъ ихъ еще полуживыми и докалачиваетъ волокитъ весломъ, или головкой объ лодку. Короче: въ нѣсколько часовъ утра, ловкая кокетка—утка такъ окружитъ себя покойниками кавалерами, что не останется ни одного вакантнаго силка. Это несчастіе рѣдко раздѣляетъ съ нашимъ братомъ прекрасный полъ. Иногда двѣ—три утки потеряютъ жизнь въ силкахъ, и то случайно,—изъ ревности, или любопытства. Ахъ! сколько бы я могъ насказать, послучаю этой утиной трагедіи, прекрасныхъ и полезныхъ истинъ и для прекраснаго, и для прескверпаго пола человѣческаго; но чтожъ дѣлать, когда это не мое ремесло... Очевидно, что гибельною приманкой дикихъ волокитъ—съ перьями можетъ быть только дама—утка цивилизованная, потершаяся, что называется, между людьми и, вѣроятно, подмѣтившая

у вашихъ красавицъ нѣкоторые пріемы кокетства,—утка ручная, впрочемъ довольно сѣренькая—для того, чтобы легче провесть заморскаго волокиту. За иную ловкую утку полѣшукъ—охотникъ готовъ отдать лишнюю корову. И стоитъ! Благодаря ей, въ течеціи великаго поста, онъ насолитъ порядочный боченокъ селезней, да закоптитъ съ полсотни, да продастъ (если есть сбытъ) двѣ—три сотни. Зайца полѣшукъ можетъ убить когда захочетъ; но онъ рѣдко наноситъ смерть этому кроткому и почти безвредному животному—тѣмъ болѣе, что онъ не любитъ и не умѣетъ имъ лакомиться, и развѣ только въ увлеченіи охотничьей страсти подстрѣлитъ косаго. На мелкоту пернатыхъ: кулика, бекаса, перепела и проч. полѣшукъ и смотрѣть не хочетъ. Когда уже не начто выстрѣлить, онъ убьетъ пару—другую рябчиковъ, а куропатокъ болѣе любитъ прихлопывать палкой, когда онѣ, застигнутыя врасплохъ (по большей части возлѣ гумна), спрятавъ головки въ снѣгу, воображаютъ себя такими же въ это время невидимками для человѣка, какъ онъ для нихъ, и оставляютъ для его палки открытыми остальные члены своего вкуснаго организма.

Въ постные дни, которыхъ, полѣшукъ—простолюдинъ никогда и низачто не нарушитъ, для него больше раздолья, а по крайней мѣрѣ разнообразія, въ пищѣ чѣмъ въ скоромные. Огородныя и полевыя растенія доставляютъ ему то пищу, то приправу ея. Различные фрукты, въ свѣжемъ и сухомъ видѣ, безчисленныя породы ягодъ, въ различныхъ ихъ видоизмѣненіяхъ, балуютъ его самыми пріятными и здоровыми лакомствами. Невообразимое обиліе всѣхъ породъ грибовъ даетъ ему самую сочную, вкусную и ароматную пищу лѣтомъ, самую лучшую приправу всякаго кушанья зимой. Постное масло для кушанья туземецъ выжимаетъ у себя дома изъ льняныхъ сѣменъ, и весьма рѣдко изъ конопляныхъ, маковыхъ, еще рѣже изъ орѣховъ, или тыквенныхъ сѣмечекъ. Но самое обыкновенное, самое вкусное и питательное блюдо полѣшука, особенно въ постъ,—рыба. У него такое ея обиліе, что тотъ только не наловитъ ея, кто не хочетъ, или не можетъ. Рыба кипитъ, такъ сказать, въ его водахъ. Стоитъ только посвятить нѣсколько часовъ дня, особенно ночи, на уловъ ея, чтобы наловить ея на нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ. Она такъ дешева, что еврей сосѣдняго мѣстечка или города не дастъ иногда за продаваемую ему лѣтомъ рыбу столько соли, сколько нужно для того, чтобы посолить ее. Въ сухіе годы, ребятишки ловятъ ее руками въ вы-

сохшихъ озеркахъ; даже свиньи отправляются на рыбную ловлю туда же и возвращаются съ набитыми ею желудками. Грустно смотрѣть, когда, охотясь на утокъ, наткнешься—бывало на высохшее озерко, въ которомъ осталось воды два—четыре вершка! Большія рыбы не могутъ свободно двигаться въ такомъ мелководьи, скользятъ по мутной водѣ бокомъ, судорожно барахтаются при видѣ непріятеля и поражаютъ слухъ и зрѣніе своимъ отчаяннымъ плескомъ и сальтомортале. Въ самыхъ безводныхъ мѣстахъ Полѣсья, рыба, особенно зимою, продается по 3—5 коп. за фунтъ, потому что ее подвозятъ замерзшею въ большомъ обиліи изъ мѣстъ рыбныхъ. Ловятъ рыбу всѣми возможными орудіями: различными сѣтями—и большими и малыми, всѣхъ сортовъ удочками, какъ-то: *дорожками*, *рогульками*, *блеснею*, *крючками* и прямо, разной величины, разнаго устройства и назначенія удочками; ловятъ ее и вершами, и *остями* (баграми), и въ закотахъ. *Закотъ* (1) составляется изъ тонкихъ деревянныхъ пластинокъ шириною въ 1 вершокъ, толщиною въ $^1/_2$ вершка и длиною около 4 аршинъ. Изъ этихъ пластинокъ, два или три (сверху, снизу и на срединѣ) раза перевитыхъ бичевкою такъ, чтобы сквозь отверстія, оставленныя между ними, не могла протѣсниться порядочная рыба, — составляется сообразное съ назначеніемъ закота полотно. Когда вода начинаетъ убывать, и когда рыба, вошедшая зимой и весной въ притоки рѣки для пропитанья и метанья икры, почуявъ опасность засохнуть въ этихъ притокахъ, думаетъ возвращаться обратно въ рѣку,—закотъ, заостренными съ одной стороны концами пластинокъ, втыкается въ дно *озера* (2) и, для большей безопасности отъ напора волны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прикрѣпляется къ кольямъ, вбитымъ въ землю. Онъ обыкновенно ставится на самомъ мелководномъ и узкомъ перешейкѣ притока, недалеко отъ соединенія его съ рѣкою, и, конечно, перехватываетъ его отъ берега до берега. Это орудіе доставляетъ двоякую пользу своему хозяину: одну не большую, но постоянную, другую единовременную, но значительную. Для извлеченія первой, хозяинъ устрояетъ посрединѣ закота, изъ полотна самаго же закота, небольшой кругъ, или овалъ, съ узкимъ, но достаточнымъ для прохода средней величины рыбы, отверстіемъ въ этомъ кругѣ, со стороны притока. Всякое утро, рѣдко черезъ день-другой, хозяинъ

(1) Такъ на Полѣсьи называется притокъ рѣки.
(2) Болѣе употребительное названіе его—котецъ.

закота подъѣзжаетъ къ нему на лодкѣ, черпаетъ *сачкомъ* (черпакъ изъ сѣти) въ кружкѣ закота рыбу и рѣдко-рѣдко привезетъ домой менѣе полпуда рыбы. Но прямое назначеніе закота—прекратить рыбѣ путь къ бѣгству, когда она почуетъ убыль воды, и выловить ее осенью. Какъ только водяныя растенія подгніютъ настолько, что не препятствуютъ сѣти достигать своего назначенія, хозяинъ рыбной дачи, или закота пріѣзжаетъ съ неводомъ, наловитъ разной рыбы въ большомъ количествѣ и пускаетъ ее въ озерко, по близости притока, называемое *сажемъ* и не имѣющее никакого сообщенія съ сосѣднею водою. Въ этотъ сажъ бросаютъ такую только рыбу, въ которой около пяти фунтовъ,—и рука рыболова, на этотъ разъ, такъ опытна, что, если только онъ отброситъ въ чанъ съ водою рыбу для сажа, будьте увѣрены, что въ ней не менѣе пяти фунтовъ. Хозяинъ рыбы знаетъ счетъ ея качеству и количеству. Вотъ вода покрывается льдомъ; пріѣзжаетъ купецъ, узнаетъ у кого сколько какой рыбы въ сажу, торгуется, покупаетъ за глаза опредѣленное количество извѣстной рыбы, отправляются въ сажу, тянутъ, по зимней методѣ, неводъ, и купецъ получаетъ ту самую рыбу и столько, какую и сколько купилъ (1), и отправляется съ нею въ мѣста безрыбныя.

Почти тѣмъ же способомъ ловятъ рыбу и въ *ѣзахъ*, съ нѣкоторымъ только различіемъ въ пріемахъ, орудіяхъ, цѣли, мѣстѣ и времени улова. Ѣзъ дѣлается уже не изъ тонкихъ пластинокъ, а изъ толстыхъ свай; потому что долженъ выдерживать напоръ не волненія только, но льда и теченія,—не на притокѣ, а на рѣкѣ. Въ этомъ ѣзѣ также оставляется отверстіе, достаточное не для прохода рыбы только, но и судна и плота. Въ такомъ отверстіи ставятъ изъ толстыхъ нитей сѣть, въ родѣ мѣшка, съ какими нибудь сторожками на поверхности ѣза, имѣющими связь сь сѣтью,—небольшимъ, напримѣръ, колокольчикомъ, или чѣмъ нибудь другимъ, чувствительнымъ къ сотрясенію сѣти попавшеюся въ нее рыбою и привязаннымъ къ веревкамъ, поддерживающимъ верхнюю часть сѣти. Какъ только рыба вошла въ сѣть, сторожка даетъ знать объ этомъ глазу или уху человѣка; онъ задергиваетъ сѣть, подобно кисету съ табакомъ, отвязываетъ ее отъ ѣза и тащитъ въ лодку, или на берегъ. Въ ѣзахъ ловятъ рыбу только весной, тотъ часъ по

(1) Для щукъ бросаютъ въ сажъ столько мелкой рыбы, чтобъ ея стало для ихъ прокормленія мѣсяца на три

вскрытіи рѣки. Ѣзъ дѣлается почти только для улова осетровъ, которые любятъ проводить зиму въ любимыхъ ими рѣченкахъ. Особенно они любятъ рѣку Случь, впадающую въ Припять, недалеко отъ Турова (мѣстечко Мозырскаго уѣзда). На этой рѣкѣ всякій владѣлецъ строитъ въ своемъ участкѣ ѣзъ, или нѣсколько даже. Весной осетры плывутъ изъ Случи въ Припять и далѣе и, если бы вода не покрывала въ это время всей почти низменной полосы земли, чрезъ которую течетъ эта рѣка, въ семьѣ осетровъ днѣпровской системы произошла бы убыль, быть можетъ, на цѣлую половину.

Но мало того, что рыбу ловятъ всѣми, употребляемыми для того орудіями, ее даже просто берутъ руками. Особенно это бываетъ на *продухѣ*, когда, то есть, рыба, задыхаясь зимой отъ недостатка свѣжаго воздуха, ищетъ проталины, проруби, или такой боровой рѣченки, которая никогда почти не замерзаетъ. Это случается тогда, когда, при оттепели, послѣ сильныхъ морозовъ, толстый слой льда покроется еще болѣе толстымъ слоемъ снѣга. Рыбѣ становится тошно. Все народонаселеніе водяное, предводительствуемое опытнѣйшими, плыветъ огромными отрядами къ извѣстной ему продухѣ. Большія и сильнѣйшія очищаютъ себѣ мѣсто впереди, за ними идутъ слабѣйшія той же породы; за этой колонной слѣдуетъ толпа другой породы рыбъ, и такъ далѣе; шествіе замыкается мелкотой плотвы и окуней. Полѣшукъ хорошо знаетъ обстоятельства этой рыбной эмиграціи, дѣлаетъ прорубь на рѣкѣ, а по большей части идетъ къ извѣстной ему проталинѣ, или не замерзшей рѣчкѣ, и часто находитъ столь плотную массу рыбъ, что поставленный между нею шестъ стоитъ неподвижно, словно воткнутый въ землю. Тогда остается только выбрасывать рыбу на ледъ руками (1). Рыба не уходитъ; ей некуда дуже уйдти. На такой продухѣ иногда все село такъ обогатится рыбою, что въ нѣсколько дней въ немъ не остается ни одного бѣдняка. Иной хозяинъ выручитъ за рыбу, при всей ея дешевизнѣ, около 100 руб. Но если рыба не отыщетъ продухи, она вся почти издыхаетъ, и тогда весною трудно проѣхать тѣмъ мѣстомъ, гдѣ постигло рыбу это злополучіе. Дно рѣки будетъ покрыто на аршинъ и болѣе тлѣющею рыбою, производящею зловоніе.

И лѣтомъ ловятъ руками рыбу, или точнѣе линей. Для этого

(1) Рѣдко употребляютъ для этой ловли какую нибудь малую сѣть.

заѣзжаютъ въ илистый, мелководный притокъ рѣки лодкой и качаютъ ее до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ волненіе во всемъ притокѣ. Волненіе это произвело нѣкоторое движеніе въ тонкомъ илѣ. Линю, который, подобно свиньѣ, любитъ наслаждаться кейфомъ въ тинѣ, не понравилось это безпокойство, онъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе, выражающее досаду, но это-то движеніе и погубило его. Вслѣдствіе его, на поверхности воды образуются пузырьки водороднаго газа, вылетѣвшіе изъ ила, и открывшіе убѣжище сибарита. Рыболовъ подъѣзжаетъ къ этому мѣсту, засучиваетъ рукавъ, опускаетъ руку въ воду, ощупываетъ линя, щекочетъ его тихонько подъ брюхомъ, по бокамъ; линь въ восторгѣ отъ этого щекотанья, онъ поворачивается на бокъ, но пальцы человѣка дошли до головы линя, крѣпко сжали ее и, порывистымъ движеніемъ, бросили въ лодку лѣнивца, и онъ поздо и напрасно выдѣлываетъ на днѣ ея свое сальто-мортале. Такъ иногда опасно обнаруживать движенія своего духа въ водѣ даже, нетолько на сушѣ.

Бьютъ даже рыбу, или лучше—оглушаютъ ее палкой. Это бываетъ тогда, когда воды покроются тонкимъ, прозрачнымъ слоемъ льда. Отъ нечего дѣлать, рыболовъ ходитъ по льду, возлѣ берега, видитъ гдѣ стоитъ рыба, со всего размаха ударяетъ палкой по льду надъ головою рыбы, и она переворачивается брюхомъ вверхъ. Только нужно очень торопливо дѣлать прорубь, чтобы вытащить рыбу; потому что рыба не убита, а только ошеломлена, оглушена, а главное испугана. Если рыболовъ не сдѣлаетъ проруби въ пять минутъ, рыба оправится и юркнетъ въ глубину. Всего чувствительнѣе къ описаннону недавно удару маломозгая, небольшая щука. Такъ ловятъ рыбу даже мальчики.

Вьюновъ и раковъ въ болотахъ и водахъ полѣскихъ несмѣтное множество. Первыхъ ловятъ вершами, въ огромномъ изобиліи; послѣднихъ по большей части бросаютъ во время ловли рыбы обратно въ воду, выбирая только самыхъ крупныхъ—и то тогда, когда между рыболовами, или въ семьѣ ихъ, есть любители этихъ животныхъ, въ красномъ ихъ видѣ. Полѣшуки вообще не любятъ лакомиться раками, отъ того что они ѣдятъ трупы утопшихъ; а если бъ и любили, все таки не имѣли бы возможности доставить домой всѣхъ раковъ, какіе только попадутся при уловѣ рыбы. Ловить ихъ—почти тоже, что черпать въ большомъ ушатѣ. Ихъ даже подбираютъ возлѣ берега и на самомъ берегу ребятишки, ходя ночью возлѣ воды съ зажженною лучиною въ рукахъ.

Такъ какъ употребленіе и сбытъ рыбы въ свѣжемъ ея видѣ слишкомъ ничтоженъ въ сравненіи съ ея уловомъ, то крестьяне, а особенно рыболовы и хозяева богатыхъ рыбныхъ дачъ, лѣтомъ и осенью занимаются приготовленіемъ сушеной рыбы, частію для домашняго употребленія, а преимущественно для сбыта. Въ центрѣ тѣхъ дачъ, въ которыхъ рыболовы займутся своимъ промысломъ, или возлѣ обширнѣйшей и богатѣйшей дачи, они строятъ шалашъ, называемый обыкновенно *курснемъ*. Утромъ и вечеромъ ловятъ рыбу неводомъ; въ теченіи дня чистятъ ее, потрошатъ, солятъ, разрѣзываютъ большихъ рыбъ чрезъ голову и спину, распяливаютъ посредствомъ нѣсколькихъ деревянныхъ пластинокъ, вѣшаютъ на солнцѣ, и чрезъ нѣсколько дней рыба готова. Меньшей рыбы не разрѣзываютъ совершенно, а только потрошатъ и дѣлаютъ не большіе разрѣзы въ мякоти ея, а въ малыхъ рыбахъ даже и ихъ не дѣлаютъ. Тѣ и другія рыбы связываютъ въ бунты, называемые *козлами*. Крупная ли рыба будетъ въ козлѣ, или небольшая, цѣна козлу одинакова, только лишь въ козлѣ изъ рыбъ меньшихъ будетъ ихъ въ 3—10 разъ больше нежели въ козлѣ рыбъ большихъ. Такую рыбу развозятъ промышленные полѣшуки по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ рыбы немного. Они также развозятъ и вьюновъ сушеныхъ, нанизанныхъ еще живыми на *метки*, или тоненькіе прутики и изжаренныхъ предъ устьемъ топящейся печи. Полѣшукъ иногда является съ этими продуктами въ 500 и болѣе верстахъ отъ своей родины,—въ Вильнѣ, Кіевѣ и далѣе.

Не мало и такихъ полѣшуковъ, которые нанимаются въ чернорабочіе различнымъ подрядчикамъ; довольно и такихъ, которые, живя возлѣ судоходныхъ рѣкъ, покупаютъ соль оптомъ у торговцевъ, и потомъ развозятъ ее на одноконкахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ этихъ рѣкъ, и гдѣ соль, конечно, иногда 50% дороже, чѣмъ на ихъ родинѣ. Есть и такіе, которые привозятъ въ Кіевъ, Минскъ, Вильну и другіе города для продажи свинное сало, окорока, коровье масло, сыръ (въ родѣ швейцарскаго), полотно, шляпы и картузы, плетенные изъ мелкихъ деревянныхъ прутиковъ или пластиновъ. Есть и такіе, которые развозятъ, а по большей части разносятъ сѣмена всѣхъ возможныхъ огородныхъ растеній. Этимъ промысломъ особенно занимаются жители мѣстечка Давидъ-городка (Минской губ. на Припяти), въ которомъ огородныя растенія, особенно лукъ и огурцы, чрезвычайно велики и вкусны. Этотъ промышленникъ проникаетъ далѣе другихъ спекулянтовъ. Разнощикъ

соли ведетъ свою торговлю не всегда на наличныя деньги; онъ беретъ за свои продукты что у кого есть: рожь, пшеницу, овесъ и проч. Такая торговля выгоднѣе для обѣихъ сторонъ.

Обиліе произведеній природы, доставляющихъ полѣшуку пищу, не только необходимую, но даже разнообразную и прихотливую, имѣетъ большое вліяніе на его здоровье. Я думаю, что и воздухъ, напитанный смоляными частицами, благотворно дѣйствуетъ на здоровье туземца, а особенно на его легкія, и на всю систему кровообращенія. Я думаю также, что тѣ весьма ошибаются, которые предполагаютъ, что дымъ курной избы гибельно дѣйствуетъ на здоровье человѣка, а особенно на его зрѣніе. На Полѣсьи топятъ печь по большей части сосновыми, или березовыми дровами; а дымъ отъ этихъ дровъ, не только не разстроиваетъ здоровья, но едвали не служитъ средствомъ, частію цѣлительнымъ, частію предохранительнымъ отъ многихъ болѣзней. Притомъ же, избы полѣшуковъ строятся такъ, что дымъ свободно-себѣ плаваетъ надъ головами жильцовъ, и развѣ только при сильномъ порывѣ вѣтра взволнуется нѣсколько и заставитъ человѣка нагнуться на минуточку, чтобы избѣжать вторженія дыма въ ноздры его и легкія. Впрочемъ, эту статью предоставляю серьозно обсудить медицынѣ, хотя напередъ могу увѣрить ее, что на сторонѣ моего убѣжденія опытъ, и что живущіе въ курныхъ избахъ никогда почти не страдаютъ болѣзнями глазъ и легкихъ.

Какъ бы то ни было, отъ чего бы то ни было, только полѣшукъ крѣпокъ, силенъ, долговѣченъ, незнакомъ почти ни съ какими болѣзнями. Я зналъ на Полѣсьи весьма много стариковъ бодрыхъ, безболѣзненныхъ, неутомимыхъ въ трудѣ, не смотря на то что они перешли уже за сотню лѣтъ. Мой дѣдушка жилъ безъ 5-ти мѣсяцовъ 116, а прадѣдъ 125 лѣтъ. Грудныя болѣзни, а особенно чахотка, для полѣшука совсѣмъ почти неизвѣстны. Полчище простудныхъ болѣзней, съ своими кашлями, ревматизмами, гриппами, и проч., во все для него незнакомы. Полѣшукъ даже не замѣчаетъ, что у него отъ мороза образовался иней на груди. Въ продолженіи всего быта моего на родинѣ, я не имѣлъ даже понятія о коклюшѣ и чрезвычайно изумился, когда увидѣлъ первый разъ симптомы этой болѣзни на одномъ дитяти, во время службы моей на Волыни. Полѣшукъ не только не знаетъ глазныхъ болѣзней, но даже сохраняетъ быстроту зрѣнія до глубокой старости. Дымъ курной избы, который такъ часто заставляетъ его прослезиться вовсе не отъ пе-

чали, или боли глазъ, едва ли не лучшее лѣкарство отъ многихъ глазныхъ болѣзней. Влажный воздухъ, обиліе зелени также не мало способствуютъ усладѣ и крѣпости зрѣнія селянина бѣлорускаго Полѣсья. Эпидемическія даже болѣзни, особенно въ мѣстахъ лѣсистыхъ, удаленныхъ отъ почтовыхъ дорогъ, или дѣйствуютъ очень слабо, едва ощутительно, или вовсе туда не показываются. Во время первой, самой гибельной холеры, во многія извѣстныя мнѣ мѣста Полѣсья не заглядывала даже эпидемія; лѣса заслоняютъ своихъ обитателей отъ многихъ эпидемій нравственныхъ и физическихъ. А можетъ быть лѣса, посредствомъ своихъ дыхательныхъ органовъ, всасываютъ въ себя много ядовитыхъ міазмовъ эпидеміи. Эту статью опять отсылаю къ медицынѣ, и опять повторяю, что на моей сторонѣ опытъ.

Одна только болѣзнь довольно обыкновенна на Полѣсьи,—это колтунъ. Но и эту болѣзнь скорѣе можно назвать отводомъ многихъ весьма опасныхъ, происходящихъ особенно отъ худосочія болѣзней и ревматическихъ страданій, чѣмъ болѣзнію. Быть можетъ, медицына при этомъ замѣчаніи коварно улыбнется; но я и многіе другіе можемъ увѣрять ее, что всякій разъ, какъ только полѣшукъ почувствуетъ ломоту въ костяхъ, боль головы, колотье въ груди, разслабленіе во всемъ тѣлѣ, онъ моетъ декоктомъ извѣстной ему травы голову; на ней образуется колтунъ, въ волоса устремляется клейкая, вонючая матерія, колтунъ увеличивается быстро, доходитъ иногда до огромныхъ размѣровъ; но прежняя болѣзнь слабѣетъ, а когда всѣ худые соки истекутъ чрезъ трубочки волосъ, причина болѣзни уничтожается, между головой и колтуномъ образуются прямые, чистые волоса, колтунъ или отрѣзывается, или самъ собою отпадаетъ, и человѣкъ обновляется, юнѣетъ, можно сказать, перерождается, чувствуетъ себя такимъ бодрымъ, веселымъ и здоровымъ, какъ юноша. Но отнять подобный колтунъ преждевременно, значитъ убить, или по крайней мѣрѣ изувѣчить (чаще всего ослѣпить) больнаго. Такой колтунъ нерѣдко образуетъ на головѣ полѣшука сама заботливая природа. Онъ всегда бываетъ одинъ и держится иногда на головѣ годы и десятки лѣтъ. Но естъ еще колтунъ, или точнѣе колтуны, которые не имѣютъ ничего общаго съ первымъ Это продолговатые, на подобіе вьюновъ, или волосъ косы волосъ, сбившихся въ войлокъ. Эти колтуны обязаны своимъ существованіемъ неряшеству: простолюдинъ часто толкается возлѣ смоли, коптитъ свои волоса въ диму, часто валяется на землѣ, съ

гребешкомъ почти не знакомъ, волосы, покрывающіе его черепъ, мягки. Всѣ эти причины, или порознь, или въ совокупности, производятъ то, что волоса полѣшука сбиваются въ кучу, путаются, склеиваются, не могутъ распутаться, а когда не заботятся о томъ вовсе, теряютъ наконецъ возможность прійдти въ нормальное положеніе. Такихъ колтуновъ всегда бываетъ нѣсколько, особенно на затылкѣ, какъ такой части головы, которая нѣсколько дальше передней отъ натуральнаго гребешка—пальцевъ руки, и на которой волосы особенно путаются во время сна. По мѣрѣ отрастанія волосъ, колтуны эти отпадаютъ, но хозяинъ ихъ обзаводится новыми и низачто ихъ не отрѣжетъ, предполагая, что они одного свойства съ колтуномъ-солистомъ и что подобная операція будетъ гибельна для его здоровья. Особенно часто видны эти колтуны у тѣхъ простолюдиновъ, которые живутъ въ сосновыхъ лѣсахъ, или часто принимаютъ участіе въ выдѣлкѣ смолы. Въ другихъ мѣстахъ они рѣдко попадаются.

(*Продолженіе будетъ*).

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Торжество въ м. Хойникахъ, Минской губерніи, Рѣчицкаго уѣзда 1867 г. 2 іюля.

Мѣстечко Хойники, торжествовавшее, 20 іюня 1865 г., принятіе въ православное вѣдомство двухъ каменныхъ костеловъ, 30 августа и 1 октября тогоже года, съ окрестнымъ православнымъ населеніемъ, праздновало уже освященіе сихъ храмовъ; эти торжества своевременно были описаны. Нынѣ, 2 іюля, вновь отпраздновали два торжества. Первое— освященіе вновь кладбищенской церкви, въ коей 6 апрѣля сего года совершилось довольно странное святотатство. При сильномъ натискѣ или ударѣ во входную дверь снаружи, петли сверху и снизу двери выскочили съ пробоями, такъ что дверь, безъ поврежденія замка, отворилась въ средину. Въ церкви ни утварныхъ, ни ризничныхъ вещей не сохранялось, такъ какъ всякій разъ, когда здѣсь совершалось богослуженіе, онѣ приносились изъ самостоятельной

церкви, а по миновании надобности, снова возвращались въ эту церковь. На св. престолѣ лежалъ св. антиминсъ, евангеліе и стеклянные два подсвѣчника съ свѣчами, предъ мѣстными иконами висѣли лампады со свѣчами; святотатецъ бросилъ св. антиминсъ на полъ, а евангеліе положилъ на налойчикъ, потомъ ободралъ всѣ облаченія съ престола и жертвенника, оставивъ оные нагими; двѣ свѣчи унесъ, а двѣ изломалъ. Слѣдствіе виновнаго не открыло. Этотъ-то храмъ, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго Михаила, архіепископа минскаго и освященъ вновь брагинскимъ благочиннымъ, совмѣстно съ ближайшимъ духовенствомъ.

Второе наше торжество — это посѣщеніе хойницкихъ церквей иконою св. Александра Невскаго, подаренною Государемъ Императоромъ въ юревицкую церковь; оно совершилось по благословенію архіепископа Михаила и соизволенію на то начальника губерніи, вслѣдствіе заявленія о томъ представителей мѣстнаго духовенства и жителей. Два эти торжества, какъ-бы нарочито, слиты были въ одно. Скажемъ о немъ подробнѣе.

День, для торжества, назначенъ былъ мѣстнымъ благочиннымъ на 2 іюля; къ этому дню подготовлено было и освященіе храма (1). Оповѣщены были причты церквей юревицкой, алексицкой, загальской, хойницкой и сосѣднихъ шести, имѣвшихъ участвовать въ торжествѣ. Дано за извѣстіе г.г. рѣчицкому исправнику, начальнику жандармскаго управленія, мировому посреднику, приставу 2-го стана, съ росписаніемъ шествія иконы, встрѣчи и принесенія въ Хойники, на что составленъ былъ особый церемоніалъ. 1 іюля прибыли: благочинный съ духовенствомъ, исправникъ, два мировые посредники и жандармскій маіоръ. Всенощное бдѣніе съ вечера было отправлено въ кладбищенской Воскресенской церкви, а заутреня 2 числа въ самостоятельной. Освященіе престола въ кладбищенской церкви начато благочиннымъ заблаговременно, съ прочими священниками, въ 6 часовъ утра. По освященіи престола, крестный ходъ, во главѣ благочиннаго, направился въ большую церковь за св. антиминсомъ. По правилу церемоніала, къ этому времени, дано было знать,

(1) При выборѣ этого дня имѣлось въ виду и то, что въ это воскресеніе въ м. Хойникахъ бываетъ мѣстная ярмарка — и стеченіе народа было около полуторы тысячи. По распоряженію мѣстной полиціи, лавки были заперты, и торговля не производилась до окончанія крестнаго хода и богослуженій въ церквахъ.

что икона царская шествуетъ уже за полторы версты отъ мѣстечка (1). Крестный ходъ изъ церкви, направился на встрѣчу иконы. Благочинный шествовалъ со крестомъ, а впереди его два священника несли великолѣпную напрестольную гробницу— даръ Государыни Императрицы (2), а по сторонамъ по два священника, въ предшествіи діакона съ кадиломъ. Крестный ходъ направился за мѣстечко и шествовалъ болѣе версты, пока достигъ крестнаго хода съ царскою иконой, предшествуемой 2 священниками, около коихъ, въ полной парадной формѣ, шли г.г. исправникъ, мѣстный маіоръ жандармовъ, съ своею командой, и множество народа. Нельзя было смотрѣть безъ умиленія, какъ икона— даръ Государя Императора, несомая двумя священниками, и гробница— даръ Государыни Императрицы, тоже несомая двумя священниками, встрѣтились другъ съ другомъ. Послѣ краткой ектеніи, благочинный, съ благоговѣйнымъ поклоненіемъ и лобзаніемъ, принялъ икону отъ священниковъ— и два крестные хода соединились въ одинъ— и направились къ цѣли своего шествія. Предъ волостнымъ управленіемъ, волостной старшина встрѣтилъ ходъ съ хлѣбомъ и солью. Благочинный передалъ икону г. мировому посреднику, который вошелъ съ нею въ волостное управленіе, а за нимъ съ пѣвчими и духовенство. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору, иконою осѣнены были присутствующіе— и шествіе продолжалось. Пви входѣ въ церковь, мѣстнымъ священникомъ сказана была приличная торжеству рѣчь. По пропѣтіи тропаря св. Александру Невскому и освященіи храма, св. антиминсъ поднятъ былъ благочиннымъ и, въ преднесеніи двумя священниками царской иконы, шествіе еще торжественнѣе направилось въ кладбищенскую церковь. Здѣсь, по окончаніи чиноположенія— освященія храма, началась однимъ изъ священниковъ божественная литургія, а благочинный съ иконой, при полномъ крестномъ ходѣ, возвратился въ большую церковь, гдѣ имъ же и началось соборное богослуженіе, въ сослуже-

---

(1) Икона ночевала за 10 врстъ, въ св. Загальѣ, въ тамошней церкви, а въ 6 часовъ поднята для шествія въ Хойники.

(2) 1860 г. Государыня Императрица МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА прислала въ даръ Хойницкой церкви много разныхъ утварныхъ и ризничныхъ вещей, въ числѣ коихъ и сказанную гробницу.

ніи четырехъ священниковъ и діакона (1). Благочиннымъ произнесено было поученіе, примѣнительно къ двумъ торжествамъ, въ коемъ, между прочимъ, фактически уяснено было совращеніе здѣшнихъ прихожанъ изъ православія въ латинство, съ убѣжденіемъ возвратиться къ вѣрѣ своихъ предковъ. По отпустѣ литургіи, отправленъ былъ молебенъ, а послѣ онаго — крестный ходъ троекратно обошелъ вокругъ церкви съ иконой, коею благочинный, на всѣхъ четырехъ сторонахъ, благословлялъ народъ, при пѣніи: Господи помилуй. По окончаніи молебствія, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему Дому. Церковь, до самаго вечера, не затворялась — и народъ, съ восторгомъ и любовію, лобызалъ царскую икону, — какъ православные, такъ и латинники. Мѣстный становой приставъ пригласилъ къ себѣ духовенство и свѣтскихъ лицъ участвовавшихъ въ торжествѣ, на хлѣбъ и соль, гдѣ восторженно были провозглашены и приняты приличные торжеству тосты. Вечеромъ церковь и дома жителей были иллюминованы. 3 іюля въ 8 часовъ утра, по совершеніи молебствія на путешествіе, икона была, съ крестнымъ ходомъ, благочиннымъ, въ сопровожденіи священниковъ, пронесена до того пункта, гдѣ была встрѣчена наканунѣ; крестный ходъ юревицкій, совмѣстно съ загальскимъ, отправился съ иконою въ дальнѣйшій путь, а хойницкій возвратился въ церковь, гдѣ провозглашено было многолѣтіе Государю Императору. Этимъ закончилось торжество въ м. Хойникахъ, приведшее въ восторгъ все населеніе не только православное, но даже и тлѣющее до сихъ поръ въ латинскомъ отступничествѣ. Брагинскій благочинный священникъ,

М. Эремичъ.

Освященіе церкви въ заштатномъ городѣ Суражѣ Бѣлостокскаго уѣзда.

Въ 35-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣлостока, а въ 5-ти верстахъ отъ границы Царства Польскаго, находится заштатный, довольно многолюдный г. Суражъ, раздѣленный рѣкою Наревомъ

(1) Икона поставлена была на налоѣ предъ царскими вратами, обвитая гирляндою изъ розъ, а налой и алтарь были осыпаны полевыми цвѣтами.

на двѣ части. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ мною изъ архива Суражской ратуши и статистики Гродненской губерніи Бобровскаго, въ Суражѣ когда-то было отъ 5-ти до 7-ми православныхъ храмовъ. Но надъ Литвою промчалась польско-іезуитская язва,—и Суражъ подобно многимъ городамъ испыталъ одинаковую съ ними печальную участь. Храмы уничтожены, православные жители сего города большею частію совращены въ латинство. Уцѣлѣла какими-то судьбами ветхая, бѣдная церковь, крытая соломою, — хуже всякой крестьянской избы. До послѣдняго мятежа, никто не обращалъ вниманія на такое уничиженіе здѣсь православія, на эту изумительную бѣность нашей церкви. Только страдальческая кончина нашего священника, Константина Прокоповича, убитаго мятежниками въ 1863 году, обратила взоры великороссіянъ на эту забытую мѣстность. Бывшій главный начальникъ здѣшняго края, графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, задумалъ возстановить въ Суражѣ православную церковь и, съ этою цѣлью, ассигновалъ три тысячи рублей серебромъ. Хотя суммы сей было недостаточно, но на помощь доброму дѣлу нашлись добрые люди—ревнители вѣры. Особое усердіе къ устройству новой церкви оказалъ достопочтенный братчикъ суражскаго прихода, его превосходительство д. ст. совѣтникъ Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ. Онъ исходатайствовалъ у министерства три тыс. руб., отъ себя пожертвовалъ тысячу руб., и почти всѣ необходимыя для церкви вещи. За выше упомянутую сумму въ 1865 начата, а въ настоящемъ 1867 году окончена небольшая, но благолѣпная каменная церковь, на высокой мѣстности, при рѣкѣ Наревѣ. Особенно изящна колокольня. Внутри церкви, иконы превосходной живописи; между ними особенно замѣчательны—иконы драгоцѣнная Нерукотвореннаго Спаса, пожертвованная незабвенной памяти Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ, и другая въ олтарѣ, на горнемъ мѣстѣ, изображающая Господа Іисуса, сидящаго во славѣ,—пожертвованная служителями большаго Московскаго театра (?), въ память спасенія драгоцѣнной жизни нашего Государя, въ 4 день апрѣля 1866 года. Да! кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ о сихъ бѣдныхъ людяхъ. Ими пожертвованы различныя церковныя вещи, на сумму 500 руб., и два небольшіе колокола. Честь имъ и слава! Самимъ дѣломъ они доказали, что любятъ благолѣпіе дома Божія. Торжество освященія новоустроенной церкви происходило 3-го сентября, въ день воскресный. На канунѣ сего церковнаго праздника, прибыли въ Суражъ супрасльскаго монастыря архимандритъ Викентій, бѣлостокское соборное духовенство, нѣсколько сельскихъ священниковъ и маститый архипастырь нашъ, преосвященный Игнатій, епископъ брестскій. Въ 6 часовъ вечера началось всенощное бдѣніе, которое отличалось особою торжественностію потому, что на литію и величаній выходилъ самъ архипастырь, въ сослуженіи всего собравшагося духовенства. На другой день, въ половинѣ 10-го ча-

ся, начался торжественный обрядъ освященія церкви—во имя Преображенія Господня. Это торжество почтилъ своимъ присутствіемъ г. гродненскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Скворцовъ. Присутствовали также при богослуженіи: бѣлостокскій уѣздный предводитель дворянства д. с. совѣтникъ Трохимовскій, мировые посредники и другіе великорусскіе дѣятели, раздѣлившіе нашу радость—торжество нашей вѣры. И пламенна была молитва наша! Въ новоосвященномъ храмѣ намъ невольно приходили на память слова Ап. Петра, сказанныя на Ѳаворѣ: „добро здѣ быти»! При окончаніи литургіи, однимъ изъ присутствующихъ священниковъ сказано было приличное торжеству слово. Послѣ литургіи, присутствующимъ на праздникѣ, въ домѣ мѣстнаго священника Котовича, данъ былъ обѣдъ. Первый тостъ, какъ всегда бываетъ, провозглашенъ былъ за здоровье обожаемаго нашего Монарха и Царствующій Домъ; второй—за здоровье строителя храма Владиміра Николаевича Карамзина и другихъ благотворителей, третій—за здоровье преосвященнаго Игнатія, епископа брестскаго и г. начальника гродненской губерніи. Дружное и громкое «ура!» было отвѣтомъ на предлагаемые тосты, а хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ стройно пѣлъ: «многая лѣта»! Такъ провели мы торжественный празданикъ—освященіе въ Суражѣ православной церкви. Каждый вынесъ пріятное впечатлѣніе. Жаль только, что надъ могилою нашего священномученника Константина Прокоповича нѣтъ надгробнаго памятника съ приличною надписью,—а слѣдовало бы почтить его могилу! (1).

Свящ. И. Мироновичъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Предварительныя мѣры г. главнаго начальника сѣверо-западной Россіи къ исполненію Высочайшаго указа 10-го декабря 1865 года.

Копія съ предложенія г. виленскаго генералъ-губернатора къ гг. губернаторамъ.

Отъ 18 августа 1867 года, за № 1044.

Министръ государственныхъ имуществъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе: не касаясь правъ владѣльцевъ по распоряженію имѣніями, подлежащими обязательной продажѣ, въ силу

(1) Да, очень жаль—и это забвеніе нужно какъ можно скорѣй и усерднѣй устранить. Ред.

Высочайшаго повелѣнія 10-го декабря 1865 года и добровольной продажи оныхъ до 10-го декабря сего года, нынѣ же, не ожидая наступленія сего срока, принять всѣ подлежащія мѣры, дабы къ оцѣнкѣ сихъ имѣній можно было приступить по крайней мѣрѣ къ осени текущаго года, такъ, чтобы къ концу декабря всѣ оцѣнки могли быть окончены и чтобы не было препятствій къ предъявленію имѣній къ публичнымъ торгамъ въ теченіи января мѣсяца 1868 года. На приведеніе сего въ исполненіе, воспослѣдовало въ 5-й день минувшаго іюля Высочайшее соизволеніе.

Сообщая вашему превосходительству означенную волю Государя Императора и приступивъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ составленію руководства для самой оцѣнки означенныхъ имѣній, основаннаго на началахъ, сообщенныхъ мнѣ г. управляющимъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, я имѣю честь просить васъ, милостивый государь, сдѣлать зависящее съ вашей стороны распоряженіе, о поставленіи въ извѣстность самихъ владѣльцевъ, прибывшихъ съ разрѣшенія начальства въ край для продажи имѣній и устройства своихъ дѣлъ, или уполномоченныхъ отъ высланныхъ изъ края лицъ, относительно непосредственно имѣющей за симъ слѣдовать оцѣнки ихъ имѣній, дабы каждый изъ нихъ къ сроку, не позднѣе 15-го сентября сего года, имѣлъ въ готовности для личнаго предъявленія оцѣночной коммиссіи всѣ планы и документы на право владѣнія, а также всякаго рода контракты на сданныя въ аренду или наемъ угодья и земли. При этомъ прошу васъ предварить ихъ, что уклоненіе отъ предъявленія всѣхъ сихъ документовъ и доказательствъ, независимо отвѣтственности по законамъ за неповиновеніе правительственнымъ распоряженіямъ, отзовется матеріальнымъ убыткомъ для нихъ самихъ, ибо потребуетъ значительныхъ люстраціонныхъ и другихъ работъ, по поводу коихъ всѣ расходы падутъ на ихъ счетъ. Необходимо указать владѣльцамъ сихъ имѣній, что оцѣночныя коммиссіи, въ виду краткости срока времени для оцѣнки значительнаго числа имѣній, не могутъ останавливаться въ дѣйствіяхъ своихъ никакими затрудненіями, по выполненію на сей предметъ состоявшейся Высочайшей воли, и производятъ возложенную на нихъ работу, не стѣсняясь отсутствіемъ надлежащихъ документовъ, а равно отсутствіемъ самихъ владѣльцевъ и ихъ повѣренныхъ, составляя о томъ, по каждому отдѣльному случаю, актъ, подвергающій неисполнившаго распоряженій власти отвѣтственности по закону.

Подробныя правила объ оцѣнкѣ имѣній, подлежащихъ обязательной продажѣ, вслѣдъ за симъ буду имѣть честь сообщить вашему превосходительству. (*Вил. Вѣст.*)

Правила для описи, оцѣнки и продажи имѣній, изъ числа подлежащихъ обязательной продажѣ, которыя до 10 декабря 1867 г. проданы или промѣняны не будутъ.

(*Вил. Вѣст.*). *Часть 1-я опредѣляетъ способъ описанія и оцѣнки имѣній.*

§ 1. Изъ дѣлъ виленскаго полеваго аудиторіята и политическаго отдѣленія канцеляріи генералъ-губернатора, а равно и свѣдѣній, получаемыхъ отъ мѣстныхъ губернаторовъ, составляются, при управленіи главнаго начальника сѣверо-западнаго края, списки, для каждой губерніи отдѣльно, всѣхъ имѣній, подлежащихъ обязательной продажѣ.

§ 2. Означенные списки, по надлежащей провѣркѣ и утвержденные генералъ-губернаторомъ, препровождаются въ виленское губернское правленіе, для опубликованія ихъ повсемѣстно въ губернскихъ и столичныхъ вѣдомостяхъ, съ опредѣленіемъ въ то же время срока продажи съ публичныхъ торговъ тѣхъ имѣній, которыя до 10-го декабря продано не будутъ, и сверхъ того сообщаются мѣстнымъ губернаторамъ, для руководства при оцѣнкѣ имѣній.

§ 3. Гг. мѣстные губернаторы, получивъ списки подлежащихъ обязательной продажѣ имѣній, немедленно открываютъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ, губернскія повѣрочныя по оцѣнкѣ имѣній коммиссіи, изъ пяти, по назначенію главнаго начальника края членовъ и одного, указаннаго, министерствомъ государственныхъ имуществъ (1). Коммиссія эта: 1) съ точностью опредѣляетъ число дѣйствительно необходимыхъ въ губерніи уѣздныхъ оцѣночныхъ коммиссій, принимая въ соображеніе не только число подлежащихъ оцѣнкѣ имѣній, но и самые размѣры оныхъ, съ тѣмъ чтобы работы всѣхъ коммиссій могли быь проведены къ окончанію приблизительно къ одному сроку времени и никакъ не позднѣе 1-хъ чиселъ ноября, т. е. до покрытія полей снѣгомъ; 2) съ точностію опредѣливъ число оцѣночныхъ для губерній коммиссій, губернская повѣрочная для оцѣнки имѣній коммиссія назначаетъ въ оныя членовъ, согласно § 4 сихъ правилъ, дѣлаетъ распоряженіе о прикомандированіи къ нимъ техниковъ и устанавливаетъ правила для наблюденія за производствомъ оцѣнки имѣній и принятіемъ

---

(1) Въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, и Минской—завѣдывающаго повѣрочно-люстраціонною коммиссіею, а въ губерніяхъ Витебской и Могилевской—мѣстнаго управляющаго государственными имуществами (отнош. минист. госуд. имущ. отъ 18-го іюля сего года, за № 1363).

мѣръ къ своевременному ихъ окончанію 3) разсматриваетъ донесенія уѣздныхъ оцѣночныхъ коммиссій и по вопросамъ, имѣющимъ предметомъ заявленія оныхъ о спорахъ съ казною или частными лицами, при оцѣнкѣ имѣній обнаруженныхъ, немедленно уясняетъ дѣло надлежащими справками, равнымъ образомъ разсматриваетъ протесты и заявленія владѣльцевъ, въ оцѣночную коммиссію поступившія, и дѣлаетъ свое заключеніе о степени ихъ справедливости, и 4) по полученіи оцѣночныхъ табелей, по каждому имѣнію отдѣльно, входитъ въ подробное обсужденіе правильности дѣйствій оцѣночной коммиссіи, и по утвержденіи оцѣночной табели, съ образовавшеюся по каждому имѣнію перепискою, препровождаетъ въ виленское губернское правленіе и доноситъ господину главному начальнику края.

§ 4. Въ составъ уѣздныхъ оцѣночныхъ коммиссій постоянными членами входятъ: въ качествѣ предсѣдателя—уѣздный предводитель дворянства, или предсѣдатель мироваго съѣзда, или одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, въ случаѣ учрежденія въ уѣздѣ нѣсколькихъ коммиссій (по усмотрѣнію губернатора), мировой посредникъ того участка, въ которомъ имѣніе состоитъ, или кандидатъ на должность мироваго посредника, мѣстный становой приставъ и люстраторъ, или чиновникъ управленія государственныхъ имуществъ, завѣдывающій казенными имѣніями; членами временными, обязанными немедленно являться по приглашенію коммисіи: мѣстный лѣсничій и архитекторъ или гражданскій инженеръ. Въ случаѣ надобности, для занятія при коммиссіи прикомандировываются топографы и межевые чины.

§ 5. Порядокъ для оцѣнки имѣній долженъ быть слѣдующій:

1) Прежде всего оцѣнивать тѣ имѣнія, которыя состоятъ въ отдѣльномъ владѣніи высланныхъ лицъ.

2) Имѣнія состоящія въ общемъ владѣнія съ другими, причемъ, такъ какъ правила на выдѣлъ имѣній, подлежащихъ продажѣ въ частяхъ, еще не утверждены, то оцѣнивать ихъ въ полномъ составѣ, дабы предъявлять къ публичнымъ торгамъ, указывая, какая часть дохода этихъ имѣній упадаетъ на долю лица, высланнаго изъ края, и можетъ быть пріобрѣтена на торгахъ съ правомъ для пріобрѣтающаго: требовать выдѣла части имѣнія судомъ, или на правилахъ, которыя установлены будутъ о выдѣлѣ подлежащихъ обязательной продажѣ частей изъ нераздѣльныхъ имѣній, или наконецъ раздѣлиться полюбовно. Пріобрѣтающіе сего рода имѣнія уплачиваютъ за нихъ деньги только по окончательномъ выдѣлѣ подлежащей части, на что своевременно будетъ назначенъ срокъ; съ того же срока начинаются и разсчеты казны съ бывшими владѣльцами, если имѣнія не будутъ проданы съ публичныхъ торговъ, а продадутся съ разсрочкою уплаты на 37 лѣтъ, на началахъ, во 2-й части сихъ правилъ указанныхъ.

3) Затѣмъ приступить къ оцѣнкѣ имѣній, состоящихъ въ пожизненномъ владѣніи, причемъ обозначать, по справкѣ съ доку-

ментами, время фактическаго вступленія лица въ право пожизненнаго владѣнія (1).

§ 6. Уѣздныя оцѣночныя коммиссіи, въ составѣ, указанномъ въ § 4, прибывъ въ имѣніе, подлежащее оцѣнкѣ, приглашаютъ въ засѣданіе владѣльца имѣнія, или его уполномоченнаго, а также двухъ или трехъ сосѣднихъ помѣщиковъ и разсматриваютъ документы на право владѣнія, контракты на сданныя въ аренду земли, усадьбы и оброчныя статьи и опрашиваютъ, не имѣется ли на имѣніи споровъ съ казною или частными лицами (2). Все, что будетъ ими открыто, записываютъ въ протоколѣ засѣданія; обстоятельства же, относящіяся до процессовъ и споровъ, неотлагательно сообщаютъ въ губернскую повѣрочную для оцѣнки имѣній коммиссію, дабы сія послѣдняя имѣла возможность своевременно войдти въ сношеніе съ присутственными мѣстами, для опредѣленія положенія въ спорѣ состоящаго дѣла и для присовокупленія всѣхъ сихъ свѣдѣній къ описи и оцѣнкѣ имѣнія, на срокъ предъявленія его къ публичнымъ торгамъ.

§ 7. Для повѣрки границъ владѣнія, коммиссія требуетъ понятыхъ изъ числа сосѣднихъ крестьянъ.

§ 8. самая оцѣнка имѣнія производится по упрощенному способу, подробно изложенному въ инструкціи 6-го марта 1866 года, изданной министромъ государственныхъ имуществъ, во исполненіе инструкціи, Высочайше утвержденной 23-го іюля 1865 года, и составляется потому образцу, по коему въ настоящее время поступаютъ на разсмотрѣніе министерства описанія и оцѣнки продажныхъ участковъ, образуемыхъ изъ конфискованныхъ имѣній, а также изъ фермерныхъ и другихъ свободныхъ казенныхъ земель.

§ 9. Для сокращенія работъ по производству оцѣнки, оцѣночныя коммиссіи ограничиваются опредѣленіемъ стоимости имѣній по 10-ти лѣтней сложности дохода, исчисленнаго въ инструкціи 6-го марта 1866 года; пространство же земель приводятъ въ извѣстность по планамъ генеральнаго межеванія, гдѣ таковые составлены,—за недостаткомъ ихъ, по имѣющимся у владѣльцевъ планамъ, а также по купчимъ крѣпостямъ, раздѣльнымъ актамъ, вводнымъ листамъ, вѣдомостямъ о поземельной собственности, составленнымъ вслѣдствіе циркулярнаго предписанія господина главнаго

(1) Порядокъ для оцѣнки имѣній, въ § 5 изложенный, не обязателенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, слѣдуя ему, можетъ произойдти потеря времени.

(2) Относительно контрактовъ и сего рода условій постановить, что оные должны быть, заинтересованными лицами, заявлены во время самой описи и оцѣнки имѣній и во всякомъ случаѣ не позже 10 го декабря 1867 года, и приведены въ извѣстность при продажѣ имѣнія, причемъ, примѣняясь къ ст. 2.033 ч. II т. X св. зак изд. 1857 года, принять за правило, что непредставленные въ узаконенный срокъ договоры и обязательства или не подлежащимъ образомъ укрѣпленные, а равно и заключенные послѣ 1·-го декабря 1865 года на срокъ далѣе 10 го декабря 1867 года, не будутъ приняты во вниманіе, и выполненіе нисколько не обязательны для новаго владѣльца, о чемъ нынѣ же и опубликовать.

начальника края 27-го декабря 1866 года, № 58, и инымъ документамъ, опредѣляющимъ объемъ и границы оцѣняемаго имѣнія, и только за совершеннымъ отсутствіемъ подобнаго рода данныхъ производятъ съемку земель имѣнія въ видѣ особаго исключенія.

§ 10. Описи и оцѣнкѣ подлежитъ все то, что составляетъ недвижимую собственность владѣльца, а изъ числа движимости то, что признано будетъ составляющимъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ, заводовъ и винокурень. А потому въ оцѣночную табель входятъ земельныя пространства, съ подраздѣленіемъ на удобныя и неудобныя, пахатныя и луговыя, лѣсныя съ подраздѣленіемъ на строевыя и дровяныя, сады, озера, рыбныя ловли, оброчныя статьи, надворныя, экономическія и другаго рода постройки, заводы фабрики и винокурни со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ неотъемлемую принадлежность дѣйствующей силы заводовъ, фабрикъ и винокурень. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для дѣйствія фабрикъ и заводовъ, необходимыхъ принадлежностей налицо вовсе нѣтъ, или владѣльцы не желаютъ ихъ пускать въ оцѣночную табель, заводы и фабрики цѣнятся по правиламъ, указаннымъ въ §§ 4 и 8 инструкціи министерства государственныхъ имуществъ, 6-го марта 1866 года изданной.

Движимая собственность и инвентарь описи и оцѣнкѣ не подлежатъ (1).

§ 12. Описанное и оцѣненное имѣніе поступаетъ подъ наблюденіе мѣстной уѣздной и волостной полиціи, дабы владѣльцы не могли, въ промежутокъ времени между оцѣнкою и пріемомъ имѣнія новымъ владѣльцемъ, уменьшить цѣнность имѣнія продажею лѣса на срубъ, или строеній на сносъ и т. п.

О такого рода поступкахъ владѣльца имѣнія описаннаго и оцѣненнаго, полиція каждый разъ, по удостовѣреніи на мѣстѣ, доноситъ въ губернскую повѣрочную по дѣламъ оцѣнки имѣній коммиссію.

§ 12. Уѣздныя оцѣночныя коммиссіи, во время описи и оцѣнки имѣнія, раздѣляютъ работы между членами оной; но акты по всѣмъ вопросамъ удостовѣряютъ, а равно и оцѣночныя табели составляютъ на основаніи постановленій присутствія коммиссіи.

§ 13. Неприбытіе владѣльца описываемаго имѣнія или его уполномоченнаго къ назначенному сроку не должно служить препятствіемъ къ составленію самой описи и оцѣнки.

§ 14. По окончаніи описи и оцѣнки каждаго имѣнія, коммиссія предъявляетъ оцѣночную табель владѣльцу или его уполномоченному, который на самой табели дѣлаетъ: оговорки, возраженія, или записываетъ свое согласіе, присовокупляя, что всѣ свѣдѣнія, имъ сообщенныя, относительно правъ, размѣровъ и границъ владѣнія, показаны по сущей правдѣ и что все, что вошло въ оцѣночную

---

(1) Оцѣночныя коммиссіи оцѣниваютъ необсѣянныя поля наравнѣ съ необработываемою землею.

табель, обязанъ сдать сполна будущему владѣльцу, подвергаясь отвѣтственности за лживое показаніе и невыполненіе закона. Въ случаяхъ предъявленныхъ владѣльцами возраженій, уѣздная коммиссія представляетъ свое по онымъ заключеніе, вмѣстѣ съ дѣломъ, въ губернскую оцѣночную коммиссію, которая, по разсмотрѣніи онаго, постановленіе свое объявляетъ владѣльцу.

§ 15. По окончаніи описи и оцѣнки каждаго имѣнія, коммиссія, составленную оцѣночную табель, съ дѣломъ и перепиской, при производствѣ работъ образовавшеюся, представляетъ въ губернскую повѣрочную по оцѣнкѣ имѣній коммиссію.

§ 16. На канцелярскіе и другіе расходы для каждой оцѣночной губернской и уѣздной коммиссіи, открывается, по распоряженію господина главнаго начальника края, кредитъ въ уѣздномъ казначействѣ, въ размѣрѣ по 50 руб. въ мѣсяцъ на каждую коммиссію, съ тѣмъ что сумма сія, по разверсткѣ между владѣльцами, пропорціонально имѣнію каждаго, будетъ возвращена въ государственное казначейство изъ вырученной за продажу имѣній суммы, или изъ причитающейся владѣльцу годовой ренты.

§ 17 Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по нежеланію владѣльцевъ, или за дѣйствительнымъ отсутствіемъ документовъ, опредѣляющихъ объемъ и границы оцѣняемаго имѣнія, представится неизбѣжнымъ производитъ съемку земель имѣнія, то оцѣночная коммиссія удовлетворяетъ расходы изъ экономическихъ средствъ самаго имѣнія.

§ 18. Оцѣночныя коммиссіи всю переписку ведутъ и заявленія отъ разныхъ лицъ принимаютъ на простой бумагѣ; почтовыхъ денегъ не платятъ и употребляетъ каждая печать предсѣдателя коммиссіи по должности его.

Копія съ циркулярнаго предложенія г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ.

(*Вил. Вѣст.*).

При циркулярномъ предложеніи отъ 30-го прошедшаго августа, за № 308 я имѣлъ честь препроводить къ вашему превосходительству правила для описи и оцѣнки подлежащихъ обязательной продажѣ имѣній.

Опубликованіе сихъ правилъ и имѣющія затѣмъ послѣдовать опись и оцѣнка имѣній могутъ поставить землевладѣльцевъ въ крайне затруднительное положеніе въ томъ отношеніи, что они не будутъ знать, какъ поступить съ движимостью вообще и съ живымъ инвентаремъ въ особенности.

Изъ опасенія, что новые владѣльцы станутъ настаивать на удаленіе изъ имѣній всего того, что не внесено въ опись, и тѣмъ по-

ставятъ ихъ въ необходимость сбыть всю движимость за безцѣнокъ, они немедленно приступять къ распродажѣ ея въ ущербъ хозяйства и собственныхъ интересовъ. Съ другой же стороны, до меня доходятъ слухи, что лица, имѣющія намѣреніе пріобрѣтать послѣ 10-го декабря имѣнія изъ числа подлежащихъ обязательной продажѣ, опасаются, что недостатокъ въ сихъ имѣніяхъ экономическаго инвентаря отзовется для нихъ значительнымъ ущербомъ въ хозяйствѣ.

Желая по возможности предупредить эти неудобства, я прошу ваше превосходительство поставить въ извѣстность владѣльцевъ подлежащихъ продажѣ имѣній: 1) что права ихъ на владѣніе и добровольную продажу имѣній до 10-го декабря 1867 года нисколько не нарушаются имѣющею за симъ распоряженіемъ послѣдовать оцѣнкою имѣніи; 2) что движимая собственность и живой инвентаръ ихъ имѣній не будутъ включены въ опись, во избѣжаніе недоразумѣній и столкновеній при сдачѣ имѣній новымъ владѣльцамъ; 3) что нынѣшніе владѣльцы не должны спѣшить продажею своей движимости и скота, а напротивъ ожидать продажи имѣній и стараться сбыть ихъ вновь купившимъ по добровольному соглашенію; 4) что настоящіе владѣльцы не останутся въ этомъ отношеніи въ убыткѣ и въ томъ случаѣ, если бы имѣніе съ торговъ продано не было, ибо, согласно имѣющихся въ виду предположеній правительства, лицамъ, которыми такія имѣнія будутъ пріобрѣтены, предоставится право: купивъ по добровольному соглашенію экономическій инвентарь, присоединить его стоимость къ оцѣночной суммѣ за имѣніе, и съ которой бывшій владѣлецъ будетъ получать опредѣленную ренту; 5) въ случаѣ, еслибы и засимъ не послѣдовало соглашенія на продажу движимости и инвентаря, то бывшему владѣльцу предоставится необходимый срокъ времени для распродажи или перевоза имущества изъ имѣнія, и наконецъ 6) прошу васъ внушить владѣльцамъ подлежащихъ обязательной продажѣ имѣній, что въ видахъ собственной пользы, они не должны оставлять озимыя поля необсѣмененными, ибо въ этомъ случаѣ оцѣночныя коммиссіи принуждены будутъ пространства сіи цѣнить наравнѣ съ землями необработываемыми.

Полагаю, что подобное оповѣщеніе, совершенное заблаговременно, до приступленія къ описи и цѣнкѣ подлежащихъ обязательной продажѣ имѣній, предупредитъ тѣ неблагопріятныя послѣдствія въ хозяйственномъ отношеніи, которыхъ слѣдовало бы опасаться въ случаѣ несвоевременной распродажи движимости и экономическаго инвентаря въ этихъ имѣніяхъ и оставленія озимыхъ полей необсѣмененными.

Союзъ русской народности съ православіемъ, непонятный иностранцамъ.

Я совершенно раздѣляю мысль автора статьи «Объ уніятскомъ агитаторѣ Терлецкомъ (см. От. Зап. 1867 г. янв. 1 кн.), что иностранцы и русскіе ихъ прозелиты никакъ не могутъ понять всю силу привязанности русскаго народа ко всему внутреннему и внѣшнему устройству нашей церкви и всю невозможность ввести въ нее, помимо его, какую нибудь догматическую новизну. При первой подобной попыткѣ, всякая власть, какая-бы ни была, встрѣтитъ всенародный протестъ и непреодолимое сопротивленіе,—много сильнѣе и обширнѣе, чѣмъ протестъ раскола при Никонѣ, когда дѣло шло совсѣмъ не о догматическихъ или важныхъ обрядовыхъ измѣненіяхъ. А латины составили себѣ такое поверхностное понятіе о возможности совершить соединеніе обѣихъ церквей—безъ значительныхъ затрудненій, что я, въ моей молодости, слышалъ отъ одной особы, находившейся нѣкогда подъ вліяніемъ іезуитской петербургской пропаганды, что тогдашній папа Пій VII будто бы отозвался, «что стоятъ только императору Александру Павловичу изъявить свое согласіе на соединеніе церквей,—и *дѣло разомъ* совершится.» Такое, вкоренившееся у нихъ убѣжденіе происходитъ, 1-е отъ совершеннаго ихъ незнанія взаимныхъ отношеній русскаго народа съ церковью и о принципѣ національности въ ней, — 2-е, отъ упорнаго, составившагося между ними, мнѣнія, будто бы россійскій императоръ есть самодержавный и всемогущій глава церкви въ его государствѣ, даже въ догматическомъ отношеніи, какимъ былъ, напримѣръ, англійскій король Генрихъ VIII, 3 е, такъ какъ всякое догматичсское или другое нововведеніе въ папствѣ истекаетъ прямо изъ самостоятельной иниціативы главы западной церкви и слѣпо и покорно принимается всѣми ея членами (чему примѣръ былъ въ дѣлѣ новаго догмата о непорочномъ зачатіи Пресвявой Дѣвы), въ слѣдствіе примѣненія теоріи Беллармина, что авторитетъ папы выше всѣхъ соборныхъ опредѣленій (1): то понятно, почему латинники, смотря на царя Россіи, какъ на безапелляціоннаго главу ея церкви, приписываютъ ему туже духовную власть относительно къ его подданнымъ, какую пмѣетъ у нихъ папа. Пресловутый графъ Іосифъ де-Местръ (ревностный поборникъ іезуитовъ) одинъ, можетъ быть, подмѣтилъ, и то только отчасти, русскую народность въ православной церкви;

(1) Что не все западное духовенство раздѣляло въ 15 столѣтіи это ученіе, очевидно изъ опредѣленій генеральнаго собора въ Констанцѣ, въ 1414 г. и въ Базелѣ въ 1431 г., гдѣ рѣшено было, между прочимъ, что папа подчиняется соборамъ, и опредѣленія этихъ соборовъ вообще были утверждены папою Мартиномъ V. Тотъ же базельскій соборъ, продолжая свои засѣданія до 1442 г., не стѣснился даже—низложить папу Евгенія IV,—того самаго, который созвалъ флорентійскій соборъ для соединенія восточной и западной церкви.

но онъ до того былъ пристрастенъ въ своемъ взглядѣ на нее, что отрицаетъ у нея названіе грекороссійской, не понимая, повидимому, какъ можетъ быть самостоятельная, національная и мѣстная церковь, не переставая пребывать въ неразрывномъ общеніи со всѣми восточными православными патріаршими престолами. Вотъ его слова: «On parle beaucoup de l'Eglise greque. Il n'y a plus hors de la Grece. L'Eglise russe n'est plus greque, que suriaque, ou armenienne: c'est une Eglise isolée sous une suprematié civile comme celle d'Angleterre, Si le patriarche de Constantinople s'avisait de donner un ordre ici, il passerait pour fou,— et le serait en effet (1).

Давно надлежало бы западнымъ писателямъ о соединеніи церквей понять, что не только великороссійское и малороссійское населеніе, но и другія славянскія племена (за исключеніемъ Польши), принявшія свѣтъ Евангелія на языкѣ ихъ апостоловъ, св. Кирилла и Меѳодія, слили при первомъ же началѣ вѣру и обряды ея съ ихъ народностію,—явленіе, не оказавшееся ни въ Франціи, ни въ древней Англіи, и ни въ одной изъ западныхъ земель, при подобномъ событіи. Отъ чувства таковой нераздѣльности произошли кровавыя смуты у чеховъ, когда латинское духовенство насильственно вводило тамъ, ради единообразія съ Римомъ, свои чуждые имъ языкъ и обычаи, когда отнимали у нихъ св. Чашу, вопреки божественныхъ словъ: «*пійте отъ нея вси*,» и «*аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ.*» (Іоан. 6, 53) (2). Это національно-религіозное настроеніе видно въ борьбѣ русскихъ западныхъ областей при введеніи уніи, а въ недавнее время, въ неудачѣ латинскихъ происковъ утвердить церковную подчиненность болгаръ—римскому престолу. Это объясняется, конечно, отчасти и тѣмъ, что у славянскихъ народовъ церковное богослуженіе совершается на родномъ, понятномъ

(1) Lettres et opuscules T. I. p. 271. Т. е. „много говорится здѣсь о греческой церкви. Ея нигдѣ нѣтъ, кромѣ какъ въ самой Греціи.—Русская церковь на столько же греческая, на сколько она сирійская, или армянская. Она просто отдѣльная церковь, подъ верховнымъ гражданскимъ управленіемъ, какъ англиканская. Если бы константинопольскій патріархъ вздумалъ прислать сюда какое нибудь приказаніе, то его сочли бы за сумасшедшаго, да и дѣйствительно онъ былъ бы таковъ."

(2) И на это видимое отступленіе отъ заповѣди Спасителя есть у нихъ софистическое истолкованіе, что—*гдѣ есть тѣло, тамъ есть уже и кровь.*— Такъ за чѣмъ же, спрашивается, Спаситель заповѣдалъ намъ *всѣмъ* причащеніе Его Божественною кровію? Самое сильное противъ латинскаго мудрованія возраженіе заявлялъ, знакомый мнѣ, духовникъ нашего посольства въ Римѣ,—покойный архимандритъ Герасимъ.—Вотъ его слова: „если допустить соединеніе тѣла и крови Христовой подъ однимъ видомъ—т. е.,—хлѣба: то являются три, вмѣсто двухъ, пресуществленій: первое—хлѣба — въ тѣло Христово, второе—того же хлѣба въ кровь Его, а третье—вина въ кровь Христову; значитъ, что священникъ причащается кровію Христовою въ двухъ видахъ". Что могли на это возражать италіанскіе теологи, не знаю: но удивительно для меня, какъ такая несообразность не поразила Пальмера при его поискахъ за вѣрою.

для нихъ, языкѣ, тогда какъ простолюдины западной церкви ровно ничего не понимаютъ въ службѣ на мертвомъ латинскомъ языкѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, италіянцевъ, понимающихъ нѣсколько (и то, пожалуй, не много) отдѣльныхъ словъ и выраженій, сходныхъ отчасти съ италіянскимъ нарѣчіемъ. Но они за этимъ не гоняются. Я самъ видѣлъ, въ Ливорно, италіянцевъ набожно и на колѣнахъ слѣдящихъ за армянскою литургіею (въ армяно-уніятской церкви), считающихъ таковую литургію за *messa valida*, т. е. за дѣйствительную для нихъ и обязательную, наравнѣ съ латинскою (1), съ которою, впрочемъ, она по обстановкѣ ни въ чемъ не различествуетъ: и здѣсь также алтарь открытъ,—престолъ приставленъ плотно къ стѣнѣ (и таковыхъ прѣстоловъ въ названной церкви было тогда четыре, по всѣмъ четыремъ сторонамъ),—облаченіе священника—латинскаго покроя, самая литургія читалась (messa bassa) безъ пѣнія или органа, и единственная разница состояла въ томъ, что она читалась на армянскомъ, вмѣсто латинскаго, языкѣ, но въ полголоса, какъ обыкновенно;—если бы она совершалась и по италіянски (что никакъ не допускается), то и тогда едва ли слушатели болѣе поняли бы ее.

Въ примѣръ народности православія въ Россіи, возмемъ даже наши крестные ходы въ городахъ и селахъ и сравнимъ ихъ съ характеромъ латинскихъ процессій. У насъ мы видимъ народъ, который самъ участвуетъ въ церковномъ ходѣ, несетъ св. иконы, а кто знаетъ церковное пѣніе, соединяетъ свой голосъ съ клиромъ. Въ нашей мѣстности (тарусскаго уѣзда) бываетъ особенно умилительное зрѣлище таковаго церковно-крестьянскаго хода въ домъ помѣщика въ четвергъ (обыкновенно) св. Пасхи. Тутъ приносится отъ лица всего «міра» четверикъ овса, который разсыпается по комнатамъ дома, въ знакъ желанія и въ предвѣстіе изобилія у хозяина. Ничего подобнаго нѣтъ у латинцевъ; процессіи, обыкновенно состоятъ изъ однихъ духовныхъ и монашескихъ лицъ и полу-духовныхъ братствъ; а народъ только смотритъ, за исключеніемъ чисто-сельскихъ процессій, въ теченіе недѣли послѣ Вознесенія, называемыхъ «рогаціями;» здѣсь женщины, а болѣе дѣвушки, идутъ по-парно передъ св. Дарами, за которыми иногда, въ городскихъ процессіяхъ, идетъ полковая музыка съ барабаномъ и играетъ оперные мотивы, а за нею отрядъ солдатъ. По привычкѣ, никто этимъ не соблазняется. Отрадный проблескъ національности въ славянскомъ церковномъ богослуженіи мнѣ случилось два раза подмѣтить даже въ уніятскихъ священникахъ, за границею, при встрѣчѣ ихъ съ русскими православными.—Въ бытность мною въ Римѣ, я, тогда еще юноша, нечаянно зашелъ въ славяно-уніятскую церковь; она совершенно сходна съ латинскою и описанною мною армянскою церковью въ Ливорно; я засталъ въ ней бритаго

(1) Messa d'obligo, т. е. обязательно—посѣщаемая по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

старика священника, — въ латинскомъ облаченіи, совершающаго (также чтеніемъ въ полголоса и безъ пѣнія) литургію, *по чину св. Златоуста*, на славянскомъ языкѣ, съ эктеніями и безъ всякихъ пропусковъ; при немъ былъ мальчикъ, на колѣнахъ у ступеней алтаря, съ колокольчикомъ наготовѣ (1); этотъ мальчикъ отвѣчалъ (не понимая, вѣроятно, ничего) на всѣ прошенія эктеніи обычными: *Господи помилуй*, — *Тебѣ, Господи*, и проч. По окончаніи этой довольно длинной, въ сравненіи съ латинскою, литургіи (messa), я подошелъ къ священнику,— и надо было видѣть радость старика, когда я ему предъявилъ, что я—русскій. Не помню, откуда онъ былъ уроженецъ, но мы объяснялись по русски и онъ далъ мнѣ на память молитвословъ—не уніятскій, а напечатанный въ Кіево-печерской лаврѣ. Оказалось, что онъ переселился изъ Россіи въ Римъ во время императрицы Екатерины 2-й. Сочувствіе его къ земляку и единоплеменнику заставило его забыть, по видимому, что я все таки въ его глазахъ—схизматикъ,—обстоятельство, котораго не забылъ бы чисто—латинскій священникъ.

Позднѣе гораздо, а именно въ концѣ тридцаныхъ годовъ, я посѣтилъ (въ этотъ разъ—съ намѣреніемъ) въ окрестностяхъ г. Лукки (въ Италіи—же) славяно-уніятскую церковь, находившуюся, съ своимъ чисто-славянскимъ причтомъ, въ отдѣльномъ строеніи, въ саду виллы герцога луккскаго. Въ то время этимъ герцогомъ овладѣла манія—ко всему русскому, даже въ одѣяніи миніатюрной его арміи по русскому покрою; былъ бы, можетъ быть, не прочь завести у себя и русскаго православнаго священника съ причтомъ, но папа, конечно, не допустилъ бы такого «соблазна» при дворѣ италіянскаго владѣтельнаго князя, и потому герцогъ долженъ былъ удовольствоваться славяно-уніятскимъ. Всѣ церковныя книги выписаны были изъ Россіи, но его рукою (онъ зналъ славянскій языкъ) сдѣланы поправки въ восьмомъ членѣ символа вѣры объ исхожденіи Св. Духа, примѣнительно къ западному ученію.—Не могу здѣсь умолчать о томъ чувствѣ невольнаго удивленія, возбудившаго въ свою очередь невольную улыбку, когда священникъ, на великомъ входѣ, началъ провозглашать: «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя, благовѣрнаго герцога нашего Карла Людовиковича, и супругу его, благовѣрную

(1) Въ этотъ колокольчикъ звонятъ два раза: во время произношенія священникомъ: *святъ, святъ, святъ—Господь Богъ Саваоѳъ*, и во время пресуществленія св. Даровъ. Кстати прибавлю, что, дабы *messa* (литургія) считалась дѣйствительною для слушателей (fiat messa valida), надобно, чтобъ они пришли до чтенія апостола и евангелія, когда служебная книга (Missale) переносится на противоположный конецъ престола (и это называется *il libro voltato*); а если слушатель пришелъ послѣ того моменѣа, то служба считается для него лично не дѣйствительною (non valida), и онъ обязанъ выслушать другую месту,—которыхъ можетъ быть много во всякой церкви, потому что на одномъ и томъ же престолѣ совершается сколько угодно этихъ короткихъ литургій, продолжающихся вообще не болѣе 15 минутъ.

государыню герцогиню Марію-Терезу Викторію,» а потомъ и «христолюбивое воинство,» состоящее изъ 1,500 солдатъ всѣхъ костюмовъ. Конечно, тутъ не былъ забытъ и папа Григорій XVI. Во всемъ остальномъ, и въ устройствѣ иконостаса, и всего этого маленькаго храма, разницы съ нашимъ богослуженіемъ почти никакой не было. Священникъ былъ съ бородою и, помнится мнѣ, съ длинными волосами, и облаченіе имѣлъ совершенно схожее съ православнымъ:—но слушателей службы, кромѣ дьячковъ и меня, никого не было въ церкви. Прихожанъ къ ней никакихъ, разумѣется, не было, а самъ герцогъ успѣлъ тогда уже охладѣть къ руссо-маніи. Надобно было тутъ видѣть радость бѣднаго священника, когда я ему объяснилъ, что я русскій; онъ приглашалъ меня къ себя и жаловался на скуку и одиночество его положенія, въ довольно-отдаленной отъ города виллѣ герцога.

Графъ М. Д. Бутурлинъ.

Казнь Гонты и его сподвижниковъ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Во многихъ заграничныхъ листкахъ не рѣдко приходится встрѣчать нападки на мѣры, принятыя нашимъ правительствомъ въ Польшѣ, послѣ подавленія послѣдняго мятежа. Мѣры эти называютъ суровыми и даже жестокими, и противъ нихъ всѣхъ громче кричатъ эмигрировавшіе поляки. Вмѣсто отвѣта, имъ можно припомнить тѣ, по истинѣ жестокія, мѣры, какія принимала рѣчьпосполита послѣ побѣдъ надъ украинцами, возстававшими единственно за тѣмъ, чтобъ отстоять угнетаемое православіе.

Въ паралель мѣръ нашего правительства съ мѣрами, какія придумывала либеральная Польша, привожу эпизодъ изъ событій 1768 года. Выводъ изъ сравненій говоритъ самъ за себя и не нуждается въ коментаріяхъ.

Знаю, что во всякомъ историческомъ сочиненіи, написанномъ о Польшѣ русскимъ авторомъ, поляки, въ особенности заграничные, видятъ всегда преувеличенія и искаженія фактовъ. Чтобъ избѣжать такого подозрѣнія, и доказать, что предлагаемый мною очеркъ не заключаетъ никакихъ преувеличеній, я пользовался, при составленіи его, почти исключительно однѣми записками польскихъ современныхъ писателей. Сочиненія этихъ писателей напечатаны даже не въ здѣшнемъ краѣ, а въ Познани, и потому нѣтъ никакого повода подозрѣвать въ нихъ преувеличеній.

Вотъ сочиненія служившія мнѣ источниками: 1) Записки современника Мощинскаго, напечатанныя въ 1858 году въ Познани, подъ заглавіемъ: Pamiętnik do historji polskiej w ostatnich latach

panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego, и 2) три рукописи современниковъ, хранившіяся во Львовѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ до 1842 года, а въ этомъ году изданныя въ Познани Эдуардомъ Рачинскимъ, подъ общимъ названіемъ: Bunt hajdamaków na Ukrainie, w roku 1768. Въ изданіи Рачинскаго заключаются три отдѣльныхъ описанія, происшедшаго въ 1768 году народнаго возстанія: а) Разсказъ современнаго писателя Липомана, который озаглавленъ: Bunt Zalizniaka i Gonty; б) Разсказъ очевидца, носящій названіе: Rzeź humańska, czyli historja rewolucji, zrobionej przez Zalizniaka i Gontę, napisana rzetelnie, wiernie, dokładnie, przez znajdującego się w tej okropnej rewolucji naocznego świadka (1); и в) Записки уманскаго базиліанскаго монастыря, напечатанныя подъ заглавіемъ: Opis krótki rzezi w miejscu Humaniu od czerni ukraińskiej, dnia 20 czerwca 1768 roku zdziałanej.

Всѣ современные польскіе писатели согласны между собою, что причиной вспыхнувшаго въ 1768 году въ польской Украйнѣ народнаго возстанія было, какъ они выражаются, *излишнее усердіе* духовныхъ и свѣтскихъ властей заставить украинцевъ, посредствомъ уніи, соединиться съ римскою церковью (2).

Считаю не лишнимъ очертить тѣ формы, въ которыхъ выражалось это усердіе. Тѣмъ болѣе, я думаю, это будетъ кстати, что о притѣсненіяхъ католицизма въ Польшѣ также кричатъ не мало за границей. Полагаю, что изъ разсказа моего о томъ, что вытерпѣла православная Украйна отъ католической Польши, наши противники поймутъ, что должно называть притѣсненіемъ.

Можно смѣло сказать, что положеніе православнаго жителя Украйны, находившейся подъ властью Польши, ничѣмъ не отличалось отъ положенія негра въ южныхъ штатахъ американскаго союза до послѣдней войны. За украинцемъ, какъ и за негромъ, не признавалось право собственности, онъ не могъ быть призванъ въ свидѣтели противъ католика, его жизнью могъ произвольно распоряжаться всякій поставленный надъ нимъ начальникъ— католикъ. Козаки были обращены въ рабовъ, и въ свободной Украйнѣ исчезли свободные люди. Православный (schyzmatyk) и рабъ (chłop) сдѣлались синонимами. Православная вѣра названа *хлопскою вѣрой* (3).

Всѣ эти бѣдствія Украйна терпѣла потому только, что была православною и не хотѣла, посредствомъ придуманной уніи, соединиться съ римскою церковью. А между тѣмъ, сохранить за со-

---

(1) Разсказъ этотъ приписываютъ Павлу Млодановичу, сыну убитаго въ Умани главноуправляющаго, или какъ тогда называли, губернатора.

(2) См. Bunt Zalizniaka i Gonty Липомана, стр. 2; Opis krótki rzezi w miejscu Humaniu, стр. 183.

(3) См. предисловіе Рачинскаго къ сочин. Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 2; Скальковскаго—Наѣзды гайдамаковъ, стр. 61; Бантышъ-Каменскаго: Истор. Малороссіи, ч. 1, стр 150 и 157; Исторія Малороссіи Маркевича, т. I, стр. 144, т. II, стр. 655 и 659.

бою родовое имущество и удержать права, наслѣдованныя отъ предковъ, было такъ легко: стоило только принять унію. Но украинскій народъ жертвовалъ и имуществомъ, и свободой, а объ уніи не хотѣлъ и слышать.

Тогда-то придуманы были мѣры, которыя по жестокости своей могутъ казаться невѣроятными. Придумали всѣхъ православныхъ лишить гражданскихъ правъ, а церкви отдать на откупъ евреямъ (1). Не ограниченные никакими условіями въ требованіяхъ платы за совершеніе церковныхъ требъ, евреи установили за нихъ несоразмѣрно высокія цѣны.

Украинцы вынесли и эту мѣру и, продавая послѣднее имущество, платили корыстолюбивымъ арендаторамъ все, что они требовали. Но это не могло продолжаться долго; обѣднѣвшій народъ вскорѣ не въ состояніи былъ взносить платы за совершеніе таинствъ даже первой важности, какими были погребеніе, бракъ, крещеніе.... И вотъ стали рости некрещенныя дѣти, стали и умирать безъ исповѣди, и вступать въ бракъ безъ пастырскаго благословенія (2).

Такое бѣдственное положеніе православныхъ радовало ксендзовъ. Они надѣялись, что претерпѣваемыя бѣдствія заставятъ *схизматиковъ* признать папу главою церкви (чего имъ такъ хотѣлось и для чего собственно придумали унію), и хлопотали изо всѣхъ силъ, чтобъ положеніе православныхъ сдѣлать еще бѣдственнѣе.

Однимъ изъ самыхъ жесточайшихъ гонителей православія былъ уніатскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ (нынѣ канонизованный папою), котораго жестокость порицали даже современные католики. Громче всѣхъ осуждалъ его дѣйствія литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга (3).

Проповѣдуя постоянно, что схизматикъ не выше скота, ксендзы подкрѣпляли слова дѣломъ: впрягали въ свои колесницы православныхъ и разъѣзжали на нихъ отъ одного прихода къ другому. Многіе ксендзы пахали даже принадлежавшія имъ поля впряженными въ плугъ украинцами (4).

Но это, можно сказать, были только шалости католическаго и уніатскаго духовенства, а о серьезныхъ мѣрахъ позаботились тарногродскіе конфедераты, которые на сеймѣ 1767 года постановили: «уничтожить въ польской Украйнѣ всѣ православныя церкви, чтобы не было въ нихъ публичныхъ собраній, чтобы не пѣли въ нихъ вредныхъ духовныхъ пѣсней» (5). Не откладывая, присту-

---

(1) См. Исторію Малороссіи Маркевича т. I, стр. 141; Истор. Малор. Бантышъ-Каменскаго ч. I, стр. 191; Наѣзды гайдамаковъ, Скальковскаго, стр. 61.

(2) См. Истор. Малор. Бантышъ-Каменскаго ч. I, стр. 171 и 172; Истор. Малор. Маркевича т. I, стр. 119 и 120.

(3) См. Бантышъ-Каменскаго, Истор. Малор. т. 1, стр. 171, 172.

(4) См. Бант.-Кам. ист. Мал. 7, 1, стр. 158.

(5) См. Маркевича истор. т. II, стр. 656.

пили къ исполненію и стали нападать на церковныя процесіи, на похоронныя шествія, отнимать и ломать свѣчи и кресты, обдирать съ образовъ украшенія, грабить церковную утварь, уничтожать священническія ризы, выбрасывать изъ гробовъ покойниковъ... (1) Двѣсти студентовъ іезуитскихъ школъ разсыпались по Украйнѣ, съ цѣлью окончательно истребить православіе. Изъ нихъ нѣкто Гребницкій мучилъ одного священника такимъ образомъ: привязалъ его ногами къ лошади и, волоча, вышибъ ему глазъ; но этимъ онъ не остался доволенъ и далъ священнику 150 ударовъ плетью, а на другой день, положивъ передъ нимъ связку сѣна, и поставивъ ведро воды, заставлялъ ѣсть сѣно и запивать водой, а за отказъ, высѣкъ вновь, и три дня морилъ голодомъ, а послѣ далъ еще 400 плетей (2). Истязанія были повсемѣстны.

Лѣтописцы говорятъ; что польскія помѣщицы помогали студентамъ и неистовствовали съ отвратительнымъ безчеловѣчіемъ. Одинъ изъ священниковъ имѣнія Смѣлой, Данило Кожевскій, былъ обвернутъ пенькою, облитъ смолой, и зажженъ, къ общему удовольствію присутствовавшихъ польскихъ дамъ (3).

Польскій современный писатель Липоманъ, въ оставленныхъ имъ запискахъ, хотя не описываетъ подробно всѣхъ этихъ жестокостей, но не отвергаетъ ихъ, въ чемъ не трудно убѣдиться по его словамъ: «уніатское духовенство заставляло православныхъ священниковъ принимать унію, но видя, что тѣ упорствуютъ, отбирало отъ нихъ скотъ, овецъ, лошадей, и, при помощи свѣтской власти, употребляло разные способы преслѣдованій (4).» Этихъ словъ весьма достаточно для подтвержденія сказаннаго выше о положеніи въ польской Украйнѣ православнаго населенія.

Ничего такъ сильно не любилъ малороссъ, и ничего такъ крѣпко не отстаивалъ, какъ своей православной вѣры. Доказательствомъ этого была постоянная борьба Малороссіи съ Польшей. Православіе всегда составляло жизненный элементъ Малороссіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что, при образованіи козачества, главнымъ и необходимымъ условіемъ для каждаго, вступающаго въ эту удалую общину, было принятіе православной вѣры (5). Какъ же было украинцамъ выносить далѣе такое поруганіе православія, какое оно терпѣло отъ ксендзовъ и евреевъ? Украйна возстала.

Предвидя скорбный исходъ, многіе не одобрали возстанія. «Шесть недѣль вы будете свободны, а шесть лѣтъ потомъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать,» говорилъ уманскимъ казакамъ

(1) См. Марк. ист. Малор. т. II, стр. 958.
(2) См. его же ист. Малор. т. II, стр. 659.
(3) См. Марк. ист. Малор. Т. II, стр. 659, 660. Не смѣшалъ ли тутъ авторъ именъ и вмѣсто старосты Данiила Кушнира не назвалъ ли священ. Данiила Кожевскаго? Ред
(4) См. Липомана: Bunt Zalizniaka i Gonty, стр. 4.
(5) См. Бант.-Каменск. ист, Малор. Ч. I. стр. 98.

сотникъ Дусско (1). На подобные совѣты народъ отвѣчалъ вотъ что: «по крайней мѣрѣ будемъ свободны столько времени, что успѣемъ окрестить дѣтей, совершить панихиды по умершимъ безъ исповѣди отцамъ, и скрѣпить наши браки церковнымъ обрядомъ.» И не думая о послѣдствіяхъ, народъ рѣшился истребить своихъ мучителей: евреевъ и ксендзовъ.

Слѣдствіемъ такой рѣшимости было вспыхнувшее въ 1768 году въ польской Украйнѣ народное возстаніе. Руководимое запорожскимъ сотникомъ Зализнякомъ, возстаніе приняло видъ поголовнаго ополченія, въ ряды котораго не вступалъ развѣ только дряхлый старикъ, или немощный калѣка.

Поляки называли возставшихъ *гайдамаками*. Ополчившійся народъ не брезгалъ этимъ названіемъ, и помня цѣль возстанія, освободить православную вѣру отъ угнетенія, гордился названіемъ гайдамаковъ, охотно называя и самъ себя этимъ именемъ.

Не вдаваясь въ подробное описаніе происшедшаго возстанія, скажу только, что оно началось въ окрестностяхъ Чигирина, быстро охватило все чигиринское староство и подвигалось къ Умани—имѣнію кіевскаго воеводы Потоцкаго. Нѣтъ надобности упоминать, что въ мѣстности, черезъ которую прошли гайдамаки, не остались въ живыхъ ни евреи, ни ксендзы, ни шляхты.

(Продолженіе будетъ).

Краткій историческій очеркъ сношеній Даніила Романовича Галицкаго съ папою Иннокентіемъ IV.

Одинъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ опытовъ покушенія папства на православіе представляетъ намъ время Даніила Романовича Галицкаго и папы Иннокентія IV.

Польскіе, и вообще р. католическіе, историки доселѣ продолжаютъ увѣрять, какъ увѣряли іезуиты еще съ 16 в. (2), что Русь, и особенно юго-западная, съ самыхъ древнихъ временъ, съ временъ Оскольда и Дира, пребывала въ римской вѣрѣ, и что она только временно, подъ вліяніемъ греческаго духовенства, отпадала отъ духовной власти Рима (3). Нечего и говорить, что такой взглядъ р. католиковъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ исторіею православія на Руси, и что только по усердію къ интересамъ римской куріи они продолжаютъ упорно раздѣлять заблужденіе давнихъ папистовъ. Съ такимъ же взглядомъ на дѣло, ка-

(1) См. Мощинскаго: Pamiętnik do historyi Polskiéj, стр. 140.
(2) Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. Росс. 1847 № 8 отд. I.
(3) Hist univers de l' egl. catholique par Rohbacher, t. XII p 329. Такого именно взгляда держатся польскіе историки Нарушевичъ, Кульчинскій и другіе.

толическіе писатели стараются объяснить одинъ, замѣчательный въ исторіи юго-западной Руси, фактъ, именно— сношенія Галицкаго князя Даніила съ Иннокентіемъ IV. Католики увѣряютъ, что Даніилъ по вѣрѣ былъ католикъ вмѣстѣ со всѣми галичанами, хотя современемъ онъ отпалъ отъ католическаго православія. Въ этихъ сношеніяхъ русскаго князя съ папою католики усиливаются видѣть самый очевидный и характерный фактъ, оправдывающій ту мысль ихъ, будто западная Русь изстари держалась римской вѣры (1). Былъ ли на самомъ дѣлѣ Даніилъ р. католикомъ, хотя бы на самое короткое время, показываетъ истинная исторія дѣла.

Въ первой половинѣ 13 в., галицкая страна, вмѣстѣ со всею Русью ослабленная до крайности постоянными раздорами и усобицами князей, испытала самую плачевную участь отъ порабощенія ея монголами. Варвары вездѣ оставили ужасные слѣды опустошеній. Многіе цвѣтущіе города въ Галиціи и Волыни были разрушены до основанія; Кіевъ— этотъ центръ русскаго православія былъ также разоренъ монголами, и митрополиты его жили уже въ сѣверныхъ городахъ. Въ это печальное время церковь часто оставалась на цѣлые годы безъ митрополита, храмы были разрушены, духовенство и народъ обѣднѣли и какъ бы не существовали (2). При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ вступилъ на Галицкое княжество Даніилъ Романовичъ (въ 1239 г.), который, послѣ долгихъ лѣтъ печальнаго странствованія изъ одного города въ другой, исторгнулъ наконецъ изъ рукъ венгерскаго королевича Андрея Галичь принадлежащій нѣкогда отцу его. Достойный сынъ славнаго Романа Мстиславича, Даніилъ отличался ловкою политикою и мужествомъ. Утвердившись на престолѣ, онъ прежде всего спѣшилъ оградить свое княжество отъ вторженій сосѣднихъ русскихъ князей и западныхъ королей, для которыхъ Галиція прежде была предметомъ постоянныхъ споровъ и битвъ. Даніилу удалось даже распространить свои владѣнія дальше Галиціи. Прилагая всѣ старанія къ тому, чтобы дать спокойствіе народу, Даніилъ Романовичъ заботился и о церковномъ благоустройствѣ. Построивши Холмъ, «который доселѣ напоминаетъ имя основателя его, онъ основалъ епископію холмскую. Первымъ епископомъ въ Холмѣ былъ просвѣщенный Кириллъ, который былъ такъ близокъ къ Даніилу; Кириллъ послѣ былъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси (1243—1280 г.) и былъ споспѣшникомъ св. Александра Невскаго. Укрѣпивши силы своего народа, Даніилъ Романовичъ поставилъ себѣ первою цѣлію изыскать всѣ мѣры къ уничтоженію самаго сильнаго зла, тяготѣвшаго надъ Русью, именно къ низверженію ненавистнаго ига монголовъ. Онъ съ горестію

(1) Ks. Franciszka Gusty, Historia Kościoła Ruskiego, przełożył Jan Laurowsky, p. 89—96.
(2) Опис. Соф. соб. 84.

видѣлъ повсюду уныніе князей и угнетеннаго народа, видѣлъ, какъ ослабѣла вся Русь. Князь хорошо понималъ, что ему нечего надѣяться на собственныя силы Руси, совсѣмъ упавшей; нельзя было возлагать надежды и на единовѣрную Грецію, которая, при стѣсненіи ея со сторооны арабовъ, турокъ и крестоносцевъ, едва держалась сама. Оставалась надежда на западныхъ королей, которые, при слабости каждаго изъ нихъ порознь, могли бы общими силами сразить и изгнать монголовъ, постоянно грозившихъ опустошить и весь западъ Европы. Но короли западные, также какъ и русскіе князья, вели между собою постоянныя распри изъ за владѣній, и, неспособные къ единодушію, не заботились, въ виду мелкихъ интересовъ своихъ, объ общемъ благѣ, которому угрожали варвары. Гдѣ же оставалось Даніилу искать помощи? въ Римѣ, у папы, такъ какъ Римъ былъ въ то время центромъ всѣхъ государственныхъ движеній Европы. И вотъ Даніилъ рѣшился сообщить Иннокентію IV (въ 1246 г.), что онъ желаетъ соединить нашу церковъ съ латинскою, чтобы подъ одними знаменами идти противъ ненавистныхъ монголовъ.

Таково было начало сношеній галицкаго князя съ Иннокентіемъ. Папа былъ очень радъ тому заявленію со стороны галицкаго князя, тѣмъ болѣе, что Даніилъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ славу и на Руси и въ западной Европѣ. Въ покореніи Галиціи и такого знаменитаго князя подъ духовную власть Рима Иннокентій видѣлъ начало желаннаго покоренія всей Руси, и это манило его пріятнѣйшими надеждами на распространеніе римской власти во всей широкой полосѣ восточной Европы. Теперь-то онъ видѣлъ приближающееся исполненіе тѣхъ задушевныхъ стремленій и видовъ подчинить Русь престолу св. Петра, какіе такъ неудачно высказывали раньше его Иннокентій III (1200) (1), Гонорій III (1227), Григорій IX (1231) (2) и другіе папы. Иннокентій спѣшитъ отвѣтить Даніилу, что онъ принимаетъ князя съ его народомъ подъ покровительство св. Петра, и извѣщаетъ Даніила о посылаемыхъ къ нему доминиканцахъ для безотлучнаго пребыванія ихъ при галицкомъ дворѣ (3). И дѣйствительно, въ томъ же году прибыли ко двору Даніила доминиканскіе монахи съ начальникомъ ихъ Алексѣемъ (4). Тогда же папа отправилъ къ Іоанну, сыну Василька Владимірскаго, брата Даніилова, прусскаго архіепископа Генриха съ правомъ разрушать и созидать (5). Спустя немного времени, Иннокентій, въ знакъ особенной благосклонности, утвердилъ супружество князя Василька, женатаго на родственницѣ, и къ женѣ его писалъ особенное письмо. Принявъ

(1) Церк. ист. митр. Платона I. 109.
(2) Hist. russ. monumenta ab Turgenevio 1841. t. I. XXI, XXXIII.
(3) Ibid. I. LXII.
(4) Hist. russ. mon. I. LXIV.
(5) Ib. I. LXVII.

шись такъ горячо за дѣло обращенія русскихъ князей, папа, спустя три мѣсяца послѣ перваго посланія къ Даніилу, своимъ благословеніемъ разрѣшалъ ему отнимать княжества у тѣхъ, которые не исповѣдаютъ римской вѣры (1), тогда какъ самъ Даніилъ и не думалъ обращаться къ католичеству. Въ день пасхи, 1217 г., Иннокентій разрѣшаетъ галичанамъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ и дозволяетъ держаться обычаевъ греческой церкви (2), а крестоносцамъ запрещаетъ отбирать имѣнія въ областяхъ Руси (3).

Въ продолженіи четырехъ лѣтъ этой переписки папы съ Даніиломъ (1246—1250), первый переслалъ послѣднему 16 посланій (4). Въ своихъ письмахъ къ Иннокентію, князь, избѣгая вопросовъ о вѣрѣ, заявлялъ съ своей стороны чувства уваженія и вѣрности союзу, заключенному съ папой: Ловкій Иннокентій считалъ еще преждевременнымъ дѣломъ прямо предлагать Даніилу обращеніе къ латинству, но съ самаго перваго уже посланія онъ называетъ Даніила и брата его Василька своими духовными, возлюбленными о Христѣ чадами и королями, исповѣдующими р. католическую вѣру. Даніилъ, конечно, ясно понималъ, чего добивался Иннокентій, но, нуждаясь въ матеріальной помощи папы, молчалъ до времени и не обращалъ вниманія на намеки Иннокентія. Но папа, называя Даніила въ своихъ посланіяхъ королемъ, сталъ часто предлагать князю королевскій вѣнецъ,для формальнаго и окончательнаго обращенія его въ подданство Риму. Въ то время всѣ р. католическіе короли принимали отъ папы вѣнецъ королевскій,—вѣнецъ, который торжественно утверждалъ ихъ въ новомъ достоинствѣ. Даніилъ, хорошо понимавшій, что торжественное принятіе имъ отъ папы королевскаго достоинства означало бы формальное обращеніе въ латинство, никакъ не хотѣлъ поддаться уловкѣ Иннокентія, и нѣсколько разъ въ отвѣтныхъ письмахъ своихъ къ папѣ уклонялся отъ его лестнаго предложенія. Видя хитрую политику Иннокентія, князь и самъ прибѣгалъ къ тонкимъ уловкамъ. Изыскивая предлогъ для отказа, Даніилъ писалъ папѣ, что при стѣсненныхъ обстоятельствахъ страны, онъ ждетъ отъ Иннокентія не вѣнца королевскаго— этого украшенія суетнаго, а войска, такъ какъ варвары господствуютъ надъ Русью. Папа обѣщалъ прислать войско, но Даніилъ все таки медлилъ объявить себя р. католическимъ королемъ, прикрываясь тѣмъ предлогомъ, что онъ ждетъ отъ Иннокентія нужной помощи. Такъ шло въ переговорахъ время, папа и князь оба хитрили, досадовали и нѣсколько разъ ссорились, оба не желая однако прекратить сношенія. Такъ, въ 1249 г. Даніилъ выгналъ изъ Галиціи епископа

(1) Ib. LXVII.
(2) Ib. LXVIII.
(3) LXIX.
(4) LXII—LXXVII.

Альберта, котораго Иннокентій номинально назначилъ главою духовенства въ южной Руси. Папа обидѣлся на это, но Бела, король венгерскій, успѣлъ въ скоромъ времени примирить его съ Даніиломъ Романовичемъ (1).

Иннокентій продолжалъ при каждомъ удобномъ случаѣ предлагать Даніилу корону, но этотъ медлилъ и откладывалъ дѣло. Въ 1253 г., папа уже во второй разъ прислалъ своего легата, которому поручено было совершить обрядъ коронованія надъ галицкимъ княземъ. Даніилъ случайно встрѣтилъ посольство отъ папы въ Краковѣ, но тутъ же, чтобъ отклонить дѣло, сказалъ посламъ въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, что ему неприлично въ чужой землѣ бесѣдовать съ ними (2). Въ 1254 г., Иннокентій снова прислалъ въ Галичь своего легата съ рѣшительнымъ и настойчивымъ предложеніемъ Даніилу принять королевскій вѣнецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ и свою помощь противъ монголовъ. Князь поставленъ былъ теперь въ очень неловкое положеніе; онъ хорошо видѣлъ, что отказаться прямо отъ папскаго предложенія значило бы окончательно лишиться довѣрія догадливаго Иннокентія, который предлагаемую Даніилу помощь противъ монголовъ непремѣнно связывалъ съ обращеніемъ его къ римской вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе князь медлилъ, не соглашался и теперь принять отъ папы корону. Но наконецъ мать Даніила, короли краковскій Болеславъ и Мазовецкій Семовитъ и бояре польскіе, послѣ долгихъ увѣщаній, убѣдили князя согласиться на предложеніе папы. Скрѣпя сердце, Даніилъ, послѣ семилѣтняго срока послѣ перваго предложенія Иннокентіемъ королевскаго вѣнца, рѣшился наконецъ согласиться, но снова требовалъ отъ папы принять дѣйствительныя мѣры къ защищенію христіанъ отъ монголовъ. Онъ также требовалъ, чтобъ Иннокентій, до будущаго, всеобщаго собора о единеніи церквей (чего такъ сильно домогался папа), не осуждалъ догматовъ греческой церкви (3). Тогда, въ городѣ Дрогочинѣ, папскій легатъ, Аббатъ Мессинскій, въ присутствіи бояръ и народа торжественно возложилъ на Главу Даніила вѣнецъ, и новый король долженъ былъ признать папу своимъ отцемъ и истиннымъ намѣстникомъ св. Петра.

Такъ невольно долженъ былъ принять подданство папы князь русской, православной Галиціи, и всѣ могли видѣть, съ какою неохотою онъ исполнилъ предложеніе папы. Р. католическое духовенство и епископы польскіе, какъ напр., краковскій Прандотъ, тогда же не одобряли коронованія Даніила, сомнѣваясь въ его искренности, и осуждали аббата Мессенскаго Опизона, какъ человѣка, который необдуманно поспѣшилъ коронованіемъ Даніила Романовича, добиваясь подарковъ отъ новаго короля и щедрыхъ

(1) Rajnald; annales ecclesiastici, № 15.
(2) Ипатьевская и волынск. лѣтописи, см. 1253 г.
(3) Skarbiec diplomatow, Ignacy Danyłowicz. 1860. T. 1. № 14 1254 г.

наградъ отъ папы (1). Къ чему все это могло привести, можно было уже тогда понять. Если Даніилъ сдѣлался, повидимому, духовнымъ сыномъ папы, и если онъ старался поддерживать добрыя отношенія къ Иннокентію, то все это было жертвой общему благу русскаго народа, о которомъ такъ много заботился достойный, великодушный князь галицкій. Политическій разсчетъ, надежда на воинскую помощь со стороны запада, подвластнаго папѣ, вотъ что заставляло Даніила прибѣгнуть къ невинной уловкѣ. Иннокентій, къ чести его на этотъ разъ, не имѣлъ въ виду обманывать Даніила обѣщанною матеріальною помощію. Въ томъ же 1254 г., Иннокентій разослалъ грамоты къ моравскому, богемскому, сербскому и другимъ королямъ, сосѣднимъ съ Русью, чтобъ они вмѣстѣ съ галичанами, подъ знаменіемъ креста, ударили на монголовъ. Въ тоже время онъ посылаетъ легата своего, Опата Мазанскаго обнародывать повсюду проклятіе на монголовъ, задумавшихъ о новомъ нападеніи и разгромленіи Европы, и возбуждать всѣхъ къ оружію противъ варваровъ (2). Даніилъ Романовичъ, зная объ этомъ, надѣялся на скорую помощь запада противъ враговъ, нанесшихъ столько зла и бѣдствій Руси. Но дѣла шли иначе, чѣмъ какъ предполагали папа и Даніилъ; мѣры Иннокентія не имѣли успѣха. При всемъ значеніи своемъ въ судьбѣ европейскихъ государствъ, папа теперь не имѣлъ уже той обязательной и могущественной силы, какую чувствовали надъ собою короли Европы прежде. Время крестовыхъ походовъ, поднимавшихся по волѣ папъ, прошло, и Иннокентій долженъ былъ сознаться, что онъ не въ силахъ подвинуть своими буллами государей Европы противъ варваровъ, пришедшихъ съ востока для разгромленія ея. Западные короли, занятые мелкими интересами своихъ странъ, не думали откликнуться на зовъ папы.

Даніилъ скоро понялъ, что его надежда на помощь папы и европейскаго запада,—надежда, которую такъ долго онъ питалъ въ душѣ своей и изъ-за которой онъ пожертвовалъ даже спокойствіемъ своей совѣсти, обманута безвозвратно. Между тѣмъ Иннокентій прислалъ въ Галицію прусскаго архіепископа, для присоединенія князя и всего народа къ римской вѣрѣ и для приведенія Даніила къ формальной присягѣ въ вѣрности папѣ. (3) Но князь галицкій теперь былъ уже не тотъ преданный король, который прежде, по требованію обстоятельствъ, такъ предупредительно угождалъ папѣ и исполнялъ его желанія. Даніилъ, чтобы покончить разъ навсегда, далъ знать Иннокентію, что онъ отселѣ прерываетъ совершенно всякую связь съ Римомъ. Въ это время умираетъ Иннокентій и мѣсто его занялъ Александръ IV, продолжатель плановъ предшественника своего. Даніилъ Романовичъ былъ теперь уже совершенно спокоенъ и не ду-

(1) Тамъ же, № 147.
(2) Dany touricz, I. № 147.
(3) Hist. R. Mon. I. LXXII.

малъ о сношеніяхъ съ новымъ папой. Узнавши объ измѣнѣ Риму Даніила, Александръ писалъ ему breve, въ которомъ укорялъ его съ кротостію отца въ нарушеніи обѣщаній, данныхъ Иннокентію, грозилъ церковнымъ отлученіемъ и самымъ адомъ (1), и въ тоже время уполномочилъ епископовъ Голомунецкаго и Вроцлавскаго употребить противъ Даніила какъ духовное, такъ и мірское оружіе, чтобы возвратить его въ лоно единой апостольской церкви (2); а литовцамъ велѣлъ отнимать владѣнія у галицкаго князя. 3) Но всѣ эти мѣры были напрасны; Даніилъ Романовичъ былъ достаточно обезпеченъ и силенъ, чтобы не бояться угрозъ папы. Скоро галицкому князю (4), благодаря его благоразумной политикѣ, удалось пріобрѣсть расположеніе и покровительство монгольскаго хана, и это еще болѣе ободрило мужественнаго Даніила въ разладѣ его съ папой, въ которомъ онъ уже не нуждался теперь. Русскіе со всею силою вооружились теперь противъ ненавистной пропаганды р. католиковъ; князья стали строго преслѣдовать иновѣрцевъ и изгонять ихъ изъ предѣловъ Руси (5). Такъ какъ, благодаря дружественнымъ связямъ Даніила съ ханомъ, Галиція теперь обезопасена была отъ монголовъ, то папы сами, такъ же какъ и западные короли, стали опасаться грознаго врага. Ханъ Гаюкъ прямо давалъ знать Иннокентію IV о своемъ намѣреніи завоевать всю Европу, и это страшное извѣстіе было распространено на всемъ западѣ. (6) Это обстоятельство также немало способствовало прекращенію пагубной пропаганды р. католиковъ въ Руси. Славный Даніилъ Романовичъ былъ всегда горячимъ ревнителемъ православія русскаго, и умеръ въ 1266 г., оставивъ по себѣ въ народной памяти имя достойнѣйшаго, любимѣйшаго подданными, князя. Р. католики съ недовольствомъ выражаются, что Даніилъ умеръ въ отступничествѣ отъ вѣры р. католической, а рьяные паписты бездоказательно увѣряютъ, что князь галицкій до конца жизни былъ вѣренъ папѣ и римской вѣрѣ (7). Эти противорѣчія р. католическихъ писателей показываютъ уже, что Даніилъ никогда и не думалъ обращаться къ католичеству, а тѣмъ менѣе онъ могъ поддерживать связь съ Римомъ, когда потерялъ всякую надежду на помощь папы противъ монголовъ.

Не смотря на дальнѣйшія тяжелыя судьбы южной Руси подъ владычествомъ литовскихъ князей, народъ русскій и послѣ долго противостоялъ р.католической пропагандѣ, такъ что паписты, сверхъ всѣхъ мѣръ хитрости и принужденія, должны были прибѣгать ино-

(1) Длугошъ, Hist. Polon. VII. 779.
(2) Fr. Gusty, 95.
(3) Церк. Ист. митр. Платона. I. 142.
(4) За Даніиломъ всегда оставался титулъ князя, тогда какъ королевскій титулъ, присвоенный ему Иннокентіемъ, вовсе не былъ въ общемъ употребленіи, и это много говоритъ о вѣрности галицкаго князя православной Руси.
(5) Татищева Ист. россійск. 1,547.
(6) Карамзинъ, IV 49. 59.
(7) Ks. Franciczka Gusty, 95.

гда къ инквизиціи, чтобы обратить православныхъ къ римской вѣрѣ (1). Къ сожалѣнію, несчастная участь вела русскихъ этого края къ большимъ и большимъ бѣдствіямъ. Присоединеніе западной Руси къ литовскому княжеству и затѣмъ къ польскому королевству, снова дало р. католикамъ и іезуитамъ возможность наводнить ее своими проповѣдниками и насильно ввести въ ней современемъ ненавистную унію. Исторія западно-русской церкви и народа показала однако, что, при всемъ угнетеніи православныхъ р. католиками, первые всегда оставались въ душѣ вѣрными греческой вѣрѣ, никогда не сочувствовали ни католичеству, ни уніи, и недавнее обращеніе уніатовъ къ православію самымъ очевиднымъ образомъ оправдываетъ эту, прирожденную русской натурѣ, неизмѣнную твердость и вѣрность православію.

(К. Еп. Вѣд.).

С. А. К.

ВОСПОМИНАНІЕ О НИКИФОРѢ ТУРѢ,

архимандритѣ печерскомъ.

«*Никифоръ* II *Туръ* послѣ Мелетія избранъ и былъ архимандритомъ, по свидѣтельству Кальнофойскаго, съ 1590 года. Онъ претерпѣлъ за православіе отъ уніатовъ сильное гоненіе и скончался 1599 года.»

Такъ сказано въ «Описаніи Кіевопечерской лавры», изданномъ 1831 года, митрополитомъ Евгеніемъ (стр. 142). Но свидѣтельство Аѳанасія Кальнофойскаго о годѣ избранія Никифора въ архимандриты оказалось невѣрнымъ; а между тѣмъ оно привело историка лавры къ ошибочному означенію и кончины *Мелетія* въ томъ же 1590 году. Новый историкъ Русской Церкви, Филаретъ черниговскій, поправляя во многомъ Евгеніевъ каталогъ лаврскихъ настоятелей, сдѣлалъ новую ошибку, на основаніи того же Кальнофойскаго, именно ту, что архимандрита *Геннадія* онъ поставилъ передъ Мелетіемъ, послѣ Иларіона, (см. *Русскіе Святые*, августъ, стр. 116); а у Евгенія этотъ архимандритъ поставленъ еще передъ Протасіемъ (какъ было и въ прежнемъ, Самуиловомъ описаніи лавры), и сказано о немъ такъ: «*Геннадій* упоминается около 1535 года; а у Кальнофойскаго положенъ послѣ Иларіона.» (стр. 141).

(1) Опис. Соф. соб. 93—94

Такія разнорѣчія нашихъ именитыхъ историковъ о стародавнихъ настоятеляхъ печерской лавры показываютъ, что историческое свѣдѣніе объ нихъ не доведено еще до надлежащей вѣрности и полноты, а потому не лишнимъ будетъ сказать нѣчто и о ближайшихъ предшественникахъ Никифора Тура, которыми были — по Евгенію 55) *Иларіонъ Песочинскій* (1555—1566) 56) *Мелетій;* а по Филарету: 45) *Иларіонъ Песочинскій* 1555—1556, 46) *Геннадій*, 47) *Мелетій*...

Иларіонъ Песочинскій, преемникъ Іосифа (1), былъ архимандритомъ печерскимъ не только въ 1566 году, но и послѣ 1569-го, въ которомъ король Жигимонтъ-Августъ присоединилъ кіевскую землю къ коронѣ польской. По случаю этого присоединенія, Иларіонъ испросилъ подтвердительную грамоту о правахъ печерскаго монастыря, данную королемъ 1570 г. мая 29; въ слѣдующемъ году, по его же прошенію, дана утвердительная королевская грамота (іюня 5) печерскому монастырю на село Вишеньки, подаренное кіевскимъ войтомъ Семеномъ Мелешковичемъ.

Въ ту пору, по нездоровью Иларіона, королевскіе урядники принудили было его передать свое архимандритство *Богдану Шашковичу-Конюскому;* но когда это дошло до короля, онъ поручилъ разслѣдованіе коронному гетману Юрію Язловецкому и по оному оставилъ за Иларіономъ пожизненное архимандритство; но оно кончилось въ 1572 году, въ которомъ нестало и Жигимонта-Августа.

Въ числѣ обновителей печерскаго монастыря Кальнофойскій полагаетъ Иларіона, а по немъ *Геннадія*. Но архимандритовъ этого имени не было въ лаврѣ послѣ Иларіона; а былъ при немъ *уставникъ Геннадій*. Не онъ ли и прилагалъ попеченіе о лаврѣ, когда она, въ наставшее тогда междуцарствіе, оставалась нѣкоторое время безъ архимандрита? Хотя же и появлялся въ началѣ 1673 года какой-то *Іона Деспотовичъ* въ званіи архимандрита печерскаго; но онъ, воспользовавшись выкупными деньгами за село Брусиловъ, переданное имъ земянину Яцку Бутовичу, тогда же и скрылся (2).

---

(1) *Іосифъ*, по современнымъ ему актахъ, видѣнъ на архимандритствѣ въ 1550—1555 годахъ.

(2) Брусиловъ, на р. Здвиженѣ, находился въ распоряженіи лавры съ 1541 г., въ которомъ печерская схимница Пелагія Брусиловская заложила это свое село архимандриту *Вассіану* въ суммѣ 15-ти копъ грошей литовскихъ.— См. Акты Южн. и Зап. Россіи, Т. I, стр. 193. Тамъ-же помѣщены и выше помянутыя грамоты.

Настоящимъ преемникомъ Иларіона былъ заслуженый мужъ *Мелетій Хребтовичъ-Богуринскій*, избранный печерскою братіей въ исходѣ 1573 года и получившій утвердительную грамоту отъ новоизбраннаго короля Генриха, 1574 г. 15 марта. Въ этой грамотѣ сказано именно, что «архимандритство монастыря пресвятое Богородицы печерское, въ Кіевѣ, по смерти бывшого архимандрита печерского Иларіона Песочинскаго, *презъ не малый часъ ваковало*» (т. е. оставалось не занятымъ). Тоже повторяется и въ грамотѣ короля Стефана Баторія 1576 г. 30 ноября, подтверждающей архимандритство Мелетія, которое и оставалось за нимъ до кончины его, послѣдовавшей въ генварѣ 1593 года (1) на Волыни, въ лаврскомъ имѣніи Городкѣ (2). Будучи архимандритомъ печерскимъ, Мелетій былъ вмѣстѣ и епископомъ владимірскимъ и берестейскимъ, но не съ 1570 года, а съ 1579, въ концѣ котораго (23 декабря) дана ему грамота Стефана Баторія на ту епископію.

Немедленно по кончинѣ Мелетія, выбранъ былъ въ архимандриты печерскіе и утвержденъ королемъ Жигимонтомъ III-мъ *Никифоръ Туръ* (3). Того же года, апрѣля 24, онъ введенъ былъ во владѣніе печерскимъ монастыремъ и всѣми его имѣніями, по составленной тогда описи (4), королевскимъ коморникомъ Иваномъ Сосницкимъ.

Много мужества и подвига надо было архимандриту Туру, чтобы не дать печерскаго монастыря и его достоянія во власть нововводимой уніи и отстоять отъ нея сіе древнее святилище пра-

(1) Годъ и день Мелетіевой кончины (13 ген. 1593 г.) опредѣлены въ Архивѣ Юго-западной Россіи ч. I. т. I, по напечатаннымъ тамъ актамъ.

(2) Имѣніе *Городокъ*, луцкаго повѣта, утверждено за печерскимъ монастыремъ 1516 г. записью князя Константина Ивановича Острожскаго, по завѣщанію тещи его, княгини Анастасіи, супруги князя Семена Юрьевича Гольшанскаго.

(3) Въ королевской грамотѣ, данной 4 марта 1595 г. литовскимъ сановникамъ, говорится: «Присылалъ до насъ *архимандритъ кіевскій* монастыря печерского, велебный Никифоръ Туръ». См. въ *Актахъ* Ю. и З. Р. т. I, стр. 255.

(4) Эта любопытная опись тогдашняго движимаго и недвижимаго имущества печерской лавры, напечатана въ *Арх. Ю. З. Р.* ч. I, т. I, стр. 375.

вославной Руси. Но этимъ отстояніемъ и достопамятно его архимандритство.

Великое значеніе печерской лавры для всего русскаго міра и ея общирныя владѣнія обращали на нее особенное вниманіе поборниковъ уніи. И вотъ кіевскій митрополитъ Рагоза, имѣвшій свое пребываніе въ Новгородкѣ литовскомъ, зоветъ туда Никифора Тура, чтобы онъ принялъ отъ него посвященіе, «яко отъ своего старшаго», а безъ того не смѣлъ-бы жить въ печерскомъ монастырѣ. Но посланный за нимъ священникъ новогродской соборной церкви, Константинъ Григоровичъ, возвратясь изъ Кіева, предъявилъ письмо владыки, непринятое Туромъ. Это было въ мартѣ 1594 года.

Печерскій монастырь, по праву патріаршей ставропигіи, былъ неподвластенъ митрополиту, а избранный законно и утвержденный королевскою властью на печерскую архимандрію, Никифоръ Туръ, былъ въ полномъ правѣ принять посвященіе отъ любаго православнаго епископа и не обязанъ былъ посвящаться непремѣнно у митрополита, и притомъ такого, о которомъ было уже извѣстно, что онъ намѣревался измѣнить православію и перейти въ унію. По его приказанію, о. Константинъ вторично ѣдетъ въ Кіевъ, и 20 сентября получаетъ отъ архимандрита Тура такой отвѣтъ: «Какъ прежде я отправилъ тебя съ тѣмъ, что господинъ твой митрополитъ не имѣетъ здѣсь никакого права и власти; съ тѣмъ и теперь тебя отправляю» (1). За третьимъ разомъ, въ февралѣ 1595 года, архимандритъ печерскій сказалъ тому же посланнику: «я и первые два раза отправилъ тебя съ тѣмъ, что митрополитъ не имѣетъ здѣсь никакой власти; и теперь, уважая тебя, какъ духовнаго отца, прошу не бывать у меня больше». Никифоръ Туръ, какъ видно, крѣпко держался ставропигіальной грамоты константинопольскаго патріарха Максима, данной печерскому монастырю 1481 года, въ которой сказано: «а въ тотъ монастырь печерскій ни въ чимъ не вступаться митрополитомъ кіевскимъ, а ни клирикомъ софійскимъ». Можетъ быть и въ тогдашнемъ патерикѣ печерскомъ вычиталъ онъ, что самъ преподобный Θеодосій, при послѣднемъ свиданіи съ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, пору-

---

(1) См. донесеніе священника Константина, 1594 г. 6-го октября, въ *Актахъ З. Рос.* т. IV, стр. 77, и въ *Архивѣ Ю. З. Рос.* ч. I, т. I, стр. 447.

чая ему свой монастырь, говорилъ: «да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто же отъ клирикъ софійскихъ», хотя эти слова — очевидная прибавка къ древнему сказанію, сдѣланная въ концѣ XV-го или въ XVI-мъ вѣкѣ. Какъ бы то ни было, но державный ревнитель и вводитель уніи, Житимонтъ III, испросилъ у папы Климента VIII буллу, отъ 4 марта 1595 года, которою печерская архимандрія, со всѣми ея имѣніями и доходами, предоставляется во власть митрополитовъ кіевскихъ, съ тѣмъ, чтобы они пребывали въ единеніи съ костеломъ римскимъ. Но такое распоряженіе непогрѣшимаго, въ глазахъ р. католиковъ, папы, не имѣло никакого значенія для православнаго люда кіевской Руси; да и самъ Климентъ VIII, увидавъ зло, причиненное насильственнымъ введеніемъ уніи въ государствѣ польскомъ, согласился, по просьбѣ короля, ради успокоенія государства, отмѣнить свою буллу 1595 года, и двумя *бреве*, данными въ 1603 году на имя короля (іюля 19) и нунція (августа 9), освободилъ печерскую архимандрію отъ власти кіевскихъ (въ ту пору уже уніатскихъ) митрополитовъ.

Между тѣмъ митрополитъ Рагоза продолжалъ свое наступленіе на архимандрита Тура — позвали его на духовный судъ, на который однако тотъ не являлся, а прибылъ уже на брестскій соборъ, созванный по королевскому назначенію на 6-е октября 1596 года, для окончательнаго рѣшенія уніи, еще за годъ передъ тѣмъ объявленной манифестомъ короля-миссіонера (1595 г. 24 сент.). Извѣстно, что на томъ соборѣ, въ которомъ принималъ участіе и нашъ печерскій архимандритъ, православные люди, духовные и свѣтскіе, отвергли унію и объявили митрополита Рагозу и его сообщниковъ, отступившихъ отъ православія, низложенными и лишенными духовнаго сана; а на противной сторонѣ объявлено было согласіе на унію и проклятіе всѣмъ непризнавшимъ ее. Въ субботній день, 9 октября, отступникъ Рагоза, съ своими пятью епископами (1), подписалъ нѣсколько отдѣльныхъ проклинательныхъ грамотъ, въ томъ числѣ и Никифору Туру (2), за то, что онъ принадлежалъ къ собору оставшихся въ православіи и не захотѣлъ пристать къ сторонѣ уніатской. Вотъ что ему было написано въ

(1) То были: *Инатій Потѣй*, володимирскій и берестейскій, *Кирилъ Терлецкій*, луцкій и острожскій, *Германъ*, архіепископъ полоцкій, *Діонисій Збируйскій*, холмскій и бельзскій, *Іона Гоголь*, пинскій и туровскій.

(2) См. эту грамоту въ *Акт. З. Р.* Т. IV, стр. 147.

грамотѣ: «Складаемъ тебе зъ столицы архимандритства твоего, абысь не дерзнулъ петрахиля на выю свою взглагати, и отнюдъ никоего священнодѣйствія правити, вѣчно и не разрѣшенно отъ Бога; а кто бы тебе мѣлъ за архимандрита или презвитера, яко отъ насъ выклятаго, самъ да будетъ проклятъ и домъ его отъ Отца, Сына и Святаго Духа.“ Тоже самое повторили они и въ своемъ универсальномъ листѣ 10 октября о всѣхъ нашихъ духовныхъ лицахъ, непринявшихъ уніи — о *Михаилѣ Копыстенскомъ*, епископѣ премышльскомъ и самборскомъ, *Гедеонѣ Балабанѣ*, епископѣ львовскомъ и каменецкомъ, *Никифорѣ Турѣ* и т. д. Само собою разумѣется, что такіе проклятія со стороны отступниковъ, тогда же преданныхъ проклятію соборомъ православныхъ, не имѣли никакой силы для православныхъ людей, и только усиливали пародную ненависть къ уніи и ея послѣдователямъ,—предателямъ православной церкви.

Въ слѣдующемъ (1597) году король Сигизмундъ, желая исполнить свое намѣреніе относительно печерскаго монастыря, поручилъ дворянину своему, маршалку мозырскому *Стефану Лозкѣ*, отобрать монастырь у Никифора Тура и передать Михаилу Рагозѣ. Приступивъ къ исполненію королевскаго приказанія, маршалокъ Лозка послалъ 9 августа въ монастырь печерскій вознаго генерала кіевскаго Романа Овсянаго, съ двумя шляхтичами, предъувѣдомить архимандрита о себѣ, что онъ ѣдетъ для передачи печерскаго монастыря и его имѣній митрополиту. Но когда тѣ прибыли къ монастырю, то стоявшіе у святыхъ воротъ печерскіе монахи не пустили ихъ въ монастырь къ архимандриту, говоря: «Мы тутъ пана дворянина ждемъ, и откажемъ». Когда пріѣхалъ маршалокъ, они также не пустили ни его, ни вознаго съ понятыми, и говорили такъ: «Архимандрита маемъ, и не треба намъ иншого, бо митрополита у Кіевѣ не маемъ; который былъ Михайло Рагоза, того, яко отщепенца вѣры нашое, церкви восточное, ижъ онъ вѣры нашое отступилъ, духовные наши на синодѣ у Берестьи его зъ митрополитства зложили; и неесть онъ митрополитомъ; и мы его за митрополита не маемъ; и моцно того у монастырь печерскій увязанья боронимъ“.

Изъ братіи, говорившей это и непускавшей маршалка въ монастырь, особенно замѣтны были: игуменъ печерскій Никонъ, діаконъ Іона и другой—Протасъ, ключникъ Савва, пономарь Гедеонъ и другой—Аврамій, иконникъ Герасимъ, полатникъ Михайло. Такъ

же за воротами стояло не мало людей, съ ручницами и зажженными кнотами (фитилями).

Маршалокъ снова сталъ было добиваться къ архимандриту, но монахи закричали: «Мы того увязанья, тутъ у Кіевѣ будучіе, моцно боронимъ!» И подали листъ съ подписью рукъ своихъ и печатью монастырскою. Принимая тотъ листъ, маршалокъ говорилъ, что онъ имъ никакого гвалту не причиняетъ; а по прочтеніи, подалъ имъ три королевскихъ листа, которые они прочли, но копій съ тѣхъ листовъ принять не захотѣли; и маршалокъ, по тогдашнему обыкновенію, воткнулъ ихъ въ ворота монастырскія. Послѣ того онъ въ третій разъ уговаривалъ монаховъ, чтобы пустили его къ архимандриту, объявляя штрафъ въ десять тысячъ червоныхъ. Но его не послушали; и онъ уѣхалъ изъ Кіева безъ успѣха, получивъ отъ вознаго формальное сознаніе о происходившемъ (1). Маршалокъ мозырскій, конечно, не очень поскорбѣлъ о неудачѣ возложеннаго на него дѣла, ибо оно было не по душѣ ему, какъ человѣку православно-русскому. Не далѣе, какъ въ 1599 году, когда составилась виленская конфедерація православныхъ и евангеликовъ, для взаимной обороны отъ насилія папистовъ, Стефанъ Лозка былъ выбранъ въ число генеральныхъ провизоровъ или попечителей церкви. А въ 1615 году онъ, заодно съ женою своею Анною Гулевичевною, отдалъ свой кіевскій домъ и дворъ на устроеніе Богоявленскаго училищнаго братства, которое и до нынѣ тамъ существуетъ.

Между тѣмъ Никифоръ Туръ, по настойчивой жалобѣ Рагозы, позванъ былъ на судъ къ королю. Вмѣсто себя, онъ нарядилъ шляхтича кіевскаго Христофора Бѣлобережскаго, съ печерскимъ монахомъ Ѳеодосіемъ и съ письменнымъ полномочіемъ, отъ 7 сентября 1597 года. Король, декретомъ своимъ 18 ноября, уничтожая право, данное Никифору Туру на архимандрію печерскую, отчуждаетъ его отъ монастыря, и передаетъ оный со всѣми имѣніями и доходами митрополиту Рагозѣ, и поручаетъ это исполнить другому дворянину своему; а для устраненія препятствій, могущихъ встрѣтиться со стороны Тура или другихъ людей, назначаетъ штрафъ во сто тысячъ копъ грошей литовскихъ. Исполненіе декрета возложено было на *Ивана Кощица*, которому также

(1) Выпись этого сознанія напечатана въ 1865 году, въ *Актахъ Ю.* и *З. Р.* т. II, стр. 195.

вручены были три королевскихъ листа, подписанные 2 декабря 1597 года. Объ этихъ листахъ было упоминаемо еще въ прежнемъ, краткомъ описаніи лавры, что они «напечатаны на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ, особенною книжицею, которую преосвященный Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій, прислалъ въ книго-хранительницу кіевопечерской лавры». Въ 1851 году, тѣ королевскіе листы напечатаны были съ подлинниковъ, писанныхъ на западно-русскомъ языкѣ, въ *Актахъ Западной Россіи* (т. IV, стр. 176). Но и донынѣ неизвѣстны намъ тѣ подробности, какими сопровождалось исполненіе королевскаго декрета дворяниномъ Кощицемъ. Знаемъ только, что лавряне остались неподвластными уніатскому митрополиту, и что дѣйствительнымъ настоятелемъ печерской обители оставался по прежнему Никифоръ Туръ. Когда же Михаилъ Рагоза, при содѣйствіи королевскаго дворянина Кощица, посадилъ своихъ урядниковъ въ тѣхъ имѣніяхъ печерскаго монастыря, которые находились въ отдаленныхъ отъ Кіева предѣлахъ княжества литовскаго, то непреклонный Туръ самъ явился туда. Встрѣчаемый и сопровождаемый толпами народа, онъ изгонялъ тѣхъ митрополитанскихъ урядниковъ—Островецкаго, Пучковскаго и другихъ, не попуская лаврскаго достоянія въ руки сопротивныя.

Въ сентябрѣ 1598 года, Рагоза доносилъ объ этомъ въ литовскій трибуналъ, называя сопровождавшихъ Тура людей *наливайками*, — по имени храбраго козацкаго вождя, прежде всѣхъ возставшаго на первоначальниковъ уніи. Въ сентябрѣ 1698 года, и литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга предписалъ своему могилевскому чиновнику, чтобы онъ помогалъ митрополиту Рагозѣ исправно получать годовые доходы съ находившихся тамъ имѣній печерскаго монастыря, и чтобы онъ постарался изловить Никифора Тура, если онъ снова тамъ появится. А между тѣмъ Никифоръ Туръ, съ капитулою печерскою, подавалъ въ томъ году позывъ на Михаила Рагозу и всю капитулу митрополитскую о восьми тысячахъ копъ грошей, неправильно взятыхъ отъ могилевскихъ мѣщанъ; и декретомъ кіевскаго земскаго суда присуждено было взыскать ту сумму съ имѣній митрополитскихъ, которыя для того и увязаны были монастырю печерскому. Но въ половинѣ 1599 года общая всѣмъ примирительница, смерть, позвала и Рагозу и Тура на судъ Божій.

М. Максимовичъ.

1867 г. 12 февраля.
Кіевъ.

(Кіев. еп. Вѣд.).

Опровержение газетою „Варшавский Дневникъ" ложныхъ извѣстій польскихъ газетъ, по поводу закрытія въ Варшавѣ реформатскаго монастыря.

По поводу послѣдовавшаго, по распоряженію властей, закрытія, реформатскаго монастыря въ Варшавѣ, нѣкоторые органы заграничной прессы, извѣстные своимъ систематическимъ и тенденціоннымъ искаженіемъ всѣхъ постановленій и распоряженій нашего правительства относительно римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ,—напечатали на своихъ столбцахъ, на основаніи будто бы достовѣрныхъ корреспонденцій, описанія этого происшествія, по-своему, весьма драматически, и изукрасивъ его болѣе или менѣе пасмурнымъ колоритомъ, чтобы придать ему болѣе значенія. Если бы въ этихъ описаніяхъ было побольше правды и поменьше шарлатанства, разсчитаннаго на эффектъ и обманъ легковѣрныхъ, мы бы не коснулись этой вещи, какъ уже не новой, и предоставили бы всякому дѣлать о томъ свое заключеніе. Но какъ оба вышеприведенныя обстоятельства употреблены тутъ въ обратномъ отношеніи и дальнѣйшее съ нашей стороны молчаніе могло бы ввести въ заблужденіе лицъ, не знающихъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, то считаемъ нужнымъ представить здѣсь самые факты, заимствованные нами изъ офиціальныхъ источниковъ, безъ всякаго съ нашей стороны прибавленія, надѣясь, что эти факты, по сличеніи ихъ съ помянутыми описаніями, достаточно разъяснятъ ихъ степень достовѣрности и достоинства. Вотъ эти факты: На основаніи Высочайшаго указа 27-го октября (8 ноября) 1864 года о римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ, всѣ, не имѣвшіе въ то время, по меньшей мѣрѣ, 8 монаховъ, или наименьшаго числа, требуемаго каноническими уставами для существованія монастыря, какъ лишенные средствъ къ сохраненію порядка и благочинія между монашествующими лицами, въ томъ же году были закрыты, а бывшіе въ нихъ монахи, за исключеніемъ необходимо-нужныхъ для своевременнаго отправленія въ мѣстныхъ костелахъ богослуженія, распредѣлены по остальнымъ монастырямъ тѣхъ же орденовъ. 15-я статья помянутаго указа гласитъ: «По упраздненіи и закрытіи монастырей, на основаніи первой и второй статей сего указа, всѣ остающіеся затѣмъ въ Царствѣ Польскомъ римско-католическіе монастыри, мужскіе и женскіе, раздѣляются на штатные и нештатные. Послѣдніе, то есть нештатные, подлежатъ упраздненію, по мѣрѣ того какъ въ нихъ число монашествующихъ будетъ уменьшаться, а именно: коль-скоро въ которомъ-либо изъ означенныхъ монастырей окажется на-лицо менѣе восьми монаховъ или монахинь.» Согласно §§ 1 и 2 Высочайше утвержденныхъ дополнительныхъ правилъ къ означенному указу, не входятъ въ разсчетъ, при означеніи на законномъ основаніи числа монашествующихъ лицъ въ монастырѣ, ни послушники и послушницы, точно также какъ

и всѣ другія личности, живущія въ монастыряхъ и непринявшіе монашескихъ обѣтовъ, равно монахи и монахини, которымъ настоятели монастырей, въ противность ст. 15 и 17 Высочайшаго указа 6-го (18-го марта) 1817 года, незаконно дозволили принять монашескіе обѣты, предъ достиженіемъ ими тридцатилѣтняго возраста. На основаніи § 7-го означенныхъ правилъ, если бы оказалась надобностъ закрыть какой-либо подходящій подъ сказанную категорію монастырь, то закрытіе его должно произвести согласно вышеуказаннымъ правиламъ, и каждый разъ, по особому разрѣшенію намѣстника, вслѣдствіе представленія о томъ Высочайше утвержденной особой монастырской коммиссіи. На этомъ основаніи, съ 1865 по 1867 годъ закрыто тринадцать нештатныхъ монастырей, находящихся въ различныхъ мѣстностяхъ Царства. Монастырь реформатовъ въ Варшавѣ также принадлежалъ къ нештатнымъ, а потому, согласно вышеприведеннымъ правиламъ, существованіе его было только временное и зависѣло отъ числа находящихся въ немъ монаховъ. Число это дошло въ настоящее время до minimum, такъ какъ между одинадцатью находящимися тамъ монашествующими лицами, четверо принадлежатъ къ категоріи тѣхъ, которые, на основаніи вышеуказанныхъ §§ 1 и 2 Высочайше утвержденныхъ дополнительныхъ правилъ, не могутъ входить въ разсчетъ при перечисленіи на законномъ основаніи числа монаховъ въ каждомъ монастырѣ. По этому уваженію и согласно вышеприведенной ст. 15 Высочайшаго указа 27-го октября (8-го ноября) 1864 г., сказанный монастырь реформатовъ подвергся въ настоящее время закрытію. Дѣйствіе это исполнено 25-го іюня (7-го іюля) настоящаго года назначенными для того лицами, въ присутствіи депутатовъ со стороны духовной власти; монахи этого монастыря не были схвачены и вывезены куда-либо въ далекую страну, или сосланы, какъ угодно было выразиться вышеупомянутымъ газетамъ, но отправлены въ ближайшіе штатные монастыри того же самаго ордена, то есть пять въ Калишъ, а шесть въ Влоцлавскъ—и не осталось изъ нихъ, какъ пишетъ *Познанскій Дневникъ, трехъ послушниковъ для церковной службы*, такъ какъ пореформатскій костелъ, будучи приходскимъ, и имѣя своего приходскаго ксендза, четырехъ штатныхъ викарныхъ ксендзовъ и потребное число костельной прислуги, вовсе не нуждается въ прислугѣ послушниковъ. Изъ числа принадлежавшихъ къ тому монастырю лицъ, остался только одинъ привратникъ, который, не смотря на то, что носилъ монашескую одежду, былъ, однако же, совершенно свѣтскимъ человѣкомъ, и въ настоящее время разстался съ монашескимъ платьемъ. Правда, что лица, которымъ поручено было приведеніе въ исполненіе закрытія сказаннаго монастыря, прибыли туда поздно вечеромъ и только къ утру окончили свои занятія, что такъ сильно не понравилось вышеупомянутымъ газетамъ; но при выборѣ такой поры времени главнымъ образомъ имѣлось въ виду удобство

для самихъ монаховъ. Подобное дѣйствіе, требующее, между прочимъ, собранія всѣхъ монаховъ въ одной залѣ, прочтенія имъ соотвѣтственныхъ постановленій, составленія протоколовъ и изготовленія различныхъ другихъ бумагъ, продолжается обыкновенно долго. Извѣстно же, что согласно духовнымъ постановленіямъ, монашествующія лица въ теченіи цѣлаго дня обязаны заниматься религіозными требами; кромѣ того, они отлучаются изъ монастыря по своимъ надобностямъ, когда имъ заблагоразсудится. Собрать ихъ поэтому въ теченіи дня было бы весьма трудно и во всякомъ случаѣ помѣшало бы имъ въ выполненіи ихъ духовныхъ обязанностей; поэтому-то именно, для исполненія вышеописаннаго дѣйствія, избрана была такая пора дня, въ которую обыкновенно монашествующія лица свободны отъ своихъ духовныхъ занятій и обязаны находиться въ своихъ кельяхъ.

Львовскій корреспондентъ «Варшавскаго Дневника» между прочимъ пишетъ: Въ нашихъ костелахъ проповѣдники начинаютъ съ амвона, безъ всякаго стѣсненія, проповѣдывать революцію. Вчера, напримѣръ, въ францисканскомъ костелѣ, молодой проповѣдникъ употребилъ всѣ свои ораторскія средства въ длинной подобнаго содержанія проповѣди, и до того поразилъ своихъ слушателей, что они не хотѣли вѣрить своимъ собственнымъ ушамъ. Вызывая необходимость крестоваго похода противъ Россіи и осыпавъ ее цѣлымъ потокомъ ораторской брани, почтенный проповѣдникъ нанесъ мимоходомъ нѣсколько ударовъ и австрійскому правительству. До чего насъ все это доведетъ, одному только Богу извѣстно.

ПРАЗДНОВАНІЕ
пятидесятилѣтняго юбилея митрополита московскаго Филарета.

Въ уваженіе пятидесятилѣтняго достославнаго архіерейскаго служенія митрополита московскаго, высокопреосвященнаго Филарета, Всевышнимъ Промысломъ сохраненнаго Россіи до глубокой старости на пользу, славу и украшеніе православной церкви, Его Императорскому Величеству благоугодно было разрѣшить торжественное празднованіе его юбилея въ Москвѣ и въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ и повелѣть, чтобы во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Имперіи было совершено въ этотъ день молебствіе о здравіи знаменитаго іерарха.

Наканунѣ 5-го дня августа, было отправлено въ большомъ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Игнатіемъ, епископомъ можайскимъ, викаріемъ московскимъ, всенощное бдѣніе, а 6 августа

литургія и молебствіе, соборнѣ со многочисленнымъ духовенствомъ. Протоіерей Покровскаго собора сказалъ слово, произведшее на предстоявшихъ умилительное дѣйствіе. Стеченіе народа было чрезвычайно многочисленное, хотя во всѣхъ церквахъ столицы, какъ 5-го, такъ и 6-го августа совершалось такое же служеніе. Погода, до сихъ поръ суровая, вполнѣ благопріятствовала торжеству московской церкви.

Въ Лавру и наканунѣ и сегодня было отправлено по нѣскольку экстренныхъ поѣздовъ, и много богомольцевъ собралось туда изъ окрестныхъ селеній и изъ губерній Владимірской и Ярославской. Тамъ торжественное богослуженіе было совершено 6 августа въ обоихъ соборахъ; но самъ юбиляръ присутствовалъ при богослуженіи въ своей домашней церкви, гдѣ и причащался святыхъ таинъ. Въ Троицкомъ соборѣ литургію совершали три архіерея, всѣ начавшіе архіерейское служеніе викаріями московскаго митрополита: Филоѳей, архіепископъ тверскій и кашинскій, Савва, епископъ полоцкій и витебскій, Леонидъ, епископъ дмитровскій, послѣдній въ томъ самомъ омофорѣ, въ которомъ былъ хиротонисанъ въ 1817 году митрополитъ Филаретъ. На молебнѣ къ нимъ присоединился Иринархъ, архіепископъ рязанскій. Молебенъ совершенъ былъ съ колѣнопреклоненіемъ въ сослуженіи одиннадцати архимандритовъ и трехъ протоіереевъ въ митрахъ (прот. Рождественскій, представитель святѣйшаго Синода, ректоръ московской духовной академіи, и прот. петербургскаго каѳедральнаго собора) и около 30 протоіереевъ, іереевъ и іеромонаховъ. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершали: Нилъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій, Григорій, епископъ калужскій и боровскій, Никандръ, епископъ тульскій и бѣлевскій; на молебенъ облачились еще Антоній, архіепископъ владимірскій, Нектарій, архіепископъ нижегородскій, и Софонія, епископъ новомиргородскій, викарій херсонскій. На ектеніяхъ возглашались особо для этого дня сочиненныя прошенія.

Послѣ богослуженія, всѣ прибывшіе для привѣтствованія митрополита были приглашены въ митрополичьи палаты, гдѣ владыка встрѣтилъ ихъ въ пріемной залѣ.

Прежде всего принесено было привѣтствіе отъ лица Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Августѣйшей Фамиліи синодальнымъ оберъ-прокуроромъ гр. Д. А. Толстымъ, который вслѣдъ за тѣмъ прочелъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, Высочайшій рескриптъ, имѣющій быть подписаннымъ въ тотъ же день въ Ливадіи, а потому еще не подлежащій обнародованію. Въ рескриптѣ упомянуто о неисчислимыхъ заслугахъ архипастыря не только для каѳедръ, которыя были ему преемственно ввѣрены, но и для всего православія. Духовное преуспѣяніе паствъ, щедрая поддержка духовныхъ учебныхъ заведеній московской епархіи, созданіе и утвержденіе единовѣрія, пастырскія поученія, опытность въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, наконецъ попечитель-

ность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра, простирающееся далеко за предѣлы Отечества, вотъ тѣ заслуги «именитѣйшаго святителя православной церкви,» которыя перечисляетъ Высочайшій рескриптъ. Въ «искреннемъ душевномъ уваженіи» къ этимъ «великимъ» заслугамъ, Его Императорское Величество предоставляетъ преосвященному митрополиту право, по кіевскому обычаю, предношенія креста въ священнослуженіи, ношенія креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ. Тутъ же была передана юбиляру и возложена имъ на себя панагія, изготовленная по Высочайшему повелѣнію и украшенная драгоцѣнными каменьями, на изящно устроенной бриллiантовой цѣпочкѣ, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ вензелей Его Величества и двухъ державныхъ Предшественниковъ Его, при которыхъ высокопреосвященный Филаретъ проходилъ свое служеніе, и съ надписью вокругъ нея: «Преосвященному митрополиту Московскому Филарету, въ память пятидесятилѣтія его служенія церкви и отечеству (5-го августа 1817—5-го августа 1867 г.), въ царствованіе Александра I, Николая I и Александра II.» Вмѣстѣ съ симъ, въ вознагражденіе заслугъ собственно государственныхъ «незабвеннаго» служенія при трехъ императорахъ, Его Величество Всемилостивѣйше соизволилъ препроводить къ митрополиту Филарету, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора, настольные портреты Его Величества и двухъ Его Предшественниковъ, соединенные вмѣстѣ, осыпанные бриллiантами и украшенные большою императорскою короной.

Передавъ этотъ драгоцѣнный Высочайшій подарокъ, синодальный оберъ-прокуроръ сообщилъ владыкѣ-митрополиту, что Государь Императоръ, разрѣшая празднованіе настоящаго юбилея, повелѣть соизволилъ: совершить 5-го августа во всѣхъ православныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Имперіи молебствіе, пригласить ближайшихъ къ Москвѣ архіереевъ: владимірскаго, нижегородскаго, рязанскаго, тульскаго, калужскаго и тверскаго прибыть въ Москву для привѣтствованія митрополита въ день юбилея (1); предоставить святѣйшему синоду отправить одного изъ своихъ членовъ въ Москву съ привѣтственною грамотой отъ имени синода (2), а синодальному оберъ-прокурору отправиться въ Москву для привѣтствованія митрополита отъ лица Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Царствующаго Дома; наконецъ Его Величеству угодно было пожаловать секретаря митрополита орденомъ Владиміра 4-й ст., дающимъ, какъ извѣстно, потомственное дворянство. Вслѣдъ затѣмъ графъ Д. А. Толстой,

---

(1) Съ этою же цѣлію отправились въ Москву, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, преосвященные ярославскій, полоцкій и новомиргородскій.

(2) Это порученіе возложено на присутствующаго въ святѣйшемъ синодѣ протоіерея Рождественскаго.

по просьбѣ канцлера Имперіи, передалъ владыкѣ грамоту, полученную отъ митрополита сербскаго, Михаила.

Протоіерей Рождественскій прочелъ привѣтственную грамоту, отъ имени святѣйшаго правительствующаго Синода. Затѣмъ принесли поздравленіе десять, лично прибывшихъ на торжество преосвященныхъ, а послѣ преосвященный Леонидъ, епископъ дмитровскій, викарій московскій, произнесъ привѣтственное слово отъ имени московской паствы,—слово, въ которомъ онъ указалъ на преданность паствы своему архипастырю и на ту неразрывную духовную связь, которая соединяетъ ее съ митрополитомъ. Затѣмъ преосвященный Леонидъ передалъ владыкѣ поздравительную грамоту отъ московскаго городскаго духовенства и представилъ духовныхъ депутатовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: члены московской консисторіи, члены московскаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, члены общества любителей духовнаго просвѣщенія, поднесшіе новое изданіе извѣстнаго сочиненія высокопреосвященнаго Филарета: *Записки на книгу Бытія*; архимандритъ отъ необщежительныхъ монастырей (Знаменскій), архимандритъ и два игумна общежительныхъ монастырей (Угрѣшскій архимандритъ, игуменъ Давыдовской пустыни и намѣстникъ Саввина монастыря), настоятель московскаго единовѣрческаго монастыря; благочинные города Москвы и столичные протоіереи. Московское духовенство, памятуя этотъ день, испросило благословеніе на то, чтобы во всѣхъ городскихъ соборахъ московской епархіи были поставлены иконы св. Филарета Праведнаго (одна изъ такихъ иконъ была поднесена депутатами); а также устроены семь стипендій для сиротъ дочерей священно и церковно-служителей. Затѣмъ представлялось духовенство уѣздовъ московской епархіи; отъ города Коломны: архимандритъ, протоіерей и священники церквей Богоявленской, гдѣ 1-го января 1783 года было совершено таинство святаго крещенія надъ младенцемъ, которому суждено было стать свѣтильникомъ и опорою церкви, и Троицкой церкви, при которой митрополитъ Филаретъ провелъ дѣтство въ домѣ своего отца, священника этой церкви; далѣе, депутаты отъ духовенства изъ Дмитрова, Можайска, Серпухова, Звенигорода, Волоколамска, Вереи, Рузы, Клина, Богородска, Бронницъ, Подольска. За ними слѣдовали депутаціи отъ Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ и отъ петербургской каѳедры, отъ новгородскаго Софійскаго собора, отъ духовенствъ епархій вологодской, варшавской, тамбовской, казанской, волынской и таврической.

Послѣ того приносили поздравленіе: московскій губернаторъ, графъ А. К. Сиверсъ, генералъ-адъютантъ генералъ отъ кавалеріи С. В. Перфильевъ, оберъ-гофмейстеръ кн. Н. И. Трубецкой, предводители дворянства московской губерніи, московскій оберъ-полиціймейстеръ Н. У. Араповъ, и было передано поздравительное письмо отъ находящагося за границей генералъ-губернатора князя В. Ал. Долго-

рукова. Затѣмъ приблизились къ юбиляру: московскій городской голова, съ сословными старшинами, поднесшій адресъ; депутація церковныхъ старостъ города Москвы, представившихъ собранный въ Москвѣ въ память этого дня капиталъ, который долженъ послужить основаніемъ эмеритальной кассы для пенсій духовенству; депутація отъ московскаго купечества, желающая учредить двѣ стипендіи въ московской духовной академіи; депутація московскаго общества; депутаты отъ Сергіевскаго Посада. Послѣ того представлены были адресы Императорской академіи наукъ, испрашивающей разрѣшенія избрать митрополита Филарета, своего ординарнаго академика, въ почетные члены, и Императорскаго московскаго университета, причемъ ректоръ, съ деканами факультетовъ, передалъ владыкѣ-митрополиту о соизволеніи Государя Императора на поставленіе портрета его преосвященства въ университетской актовой залѣ. Ректоръ университета, въ качествѣ исправляющаго должность попечителя учебнаго округа (новоназначенный попечитель кн. А. П. Ширинскій-Шихматовъ прибылъ въ Москву и находился на юбилеѣ, но еще не вступалъ въ должность), принесъ при этомъ поздравленія и отъ московскихъ гимназій. За университетскою депутаціей слѣдовали другія, поднесшія адресы: отъ Новороссійскаго университета, отъ московской духовной академіи, отъ с.-петербургской духовной академіи (ректоръ, протоіерей Янышевъ); отъ семинарій петербургской и московской епархій.

Далѣе, представлялись депутаты: московскаго земства, московскаго опекунскаго совѣта и воспитательнаго дома, Императорскаго человѣколюбиваго общества, московскаго о бѣдныхъ комитета, московскаго тюремнаго комитета, судебной палаты въ Москвѣ, губернскихъ учрежденій, военно-учебныхъ заведеній, с.-петербургскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, московскихъ съѣздовъ мировыхъ судей, Императорскаго общества любителей исторіи и древностей россійскихъ (членству владыки въ этомъ обществѣ исполнилось въ нынѣшнемъ году пятьдесятъ лѣтъ, и оно поднесло ему вторичный дипломъ), общества любителей коммерческихъ знаній и практической академіи коммерческихъ наукъ, въ которой учреждается стипендія въ память этого дня; общества любителей россійской словесности; московскаго публичнаго румянцевскаго музея; московской синодальной типографіи. Московское ремесленное общество поднесло икону; единовѣрцы поднесли также древнюю икону Богоматери, корсунскаго письма, окруженную изображеніями обдуманно избранными во вниманіи къ нынѣшнему торжеству; владѣлецъ русской фотографіи, Н. М. Аласинъ поднесъ фотографическій видъ дома въ Коломнѣ, въ которомъ родился владыка Филаретъ. Длинный рядъ депутацій заключался депутаціями: отъ Петровской земледѣльческой академіи, отъ городскихъ обществъ: дмитровскаго и царскосельскаго; отъ строгановскаго училища техническаго рисованія; отъ шереметевской больницы;

отъ московскихъ ямщиковъ, поднесшихъ хлѣбъ-соль, и отъ крестьянъ (временно-обязанныхъ, удѣльныхъ и государственныхъ), поднесшихъ просфору.

Преосвященный владыка отвѣчалъ на каждое привѣтствіе, и преподавалъ свое пастырское благословеніе всѣмъ поздравителямъ. По окончаніи пріема, преосвященный Леонидъ, епископъ дмитровскій, викарій московскій, прочелъ общій отвѣтъ митрополита на всѣ эти привѣтствія. Затѣмъ хозяинъ, утомленный долгимъ пріемомъ, удалился въ свои покои, а посѣтители были приглашены къ обѣду, который былъ накрытъ въ громадной великолѣпной трапезѣ Лавры. Здѣсь возглашены были многолѣтія, числомъ шесть, и каждое изъ нихъ сопровождалось колокольнымъ звономъ; вотъ эти многолѣтія:

I.

Благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе; и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣду и одолѣніе, подаждь, Господи, Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю нашему Императору Александру Николаевичу всея Россіи, и Супругѣ Его, Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ; Наслѣднику Его, Благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу, и Супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ Цесаревнѣ и Великой Княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, и всему Царствующему Дому, и сохрани ихъ на многая лѣта.

II.

Святѣйшимъ патріархомъ православнымъ константинопольскому, александрійскому, антіохійскому и іерусалимскому многая лѣта.

III.

Святѣйшему правительствующему синоду, преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ и всему освященному собору многая лѣта.

VI.

Святѣйшаго правительствующаго синода члену преосвященнѣйшему митрополиту московскому и коломенскому и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандриту Филарету многая лѣта.

V.

Благовѣрнымъ правительствующему синклиту, военачальникомъ, градоначальникомъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіаномъ и Боголюбивой паствѣ московской многая лѣта.

VI.

Православныя церкве Московскія священноначалію, священству, монашеству и всѣмъ ея благовѣрнымъ чадамъ, Божіе благо-

словеніе, благодать и миръ въ единомысліи вѣры, въ единодушіи братолюбія, во упованіи спасенія вѣчнаго, къ симъ же и во благоденствіи временнаго житія всѣмъ и коемуждо, многая лѣта.

Помѣщаемъ нѣкоторые изъ адресовъ, поднесенныхъ юбиляру:

Отъ Императорскаго человѣколюбиваго общества.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

При образованіи Императорскаго человѣколюбиваго общества, блаженныя памяти Императоръ Александръ Благословенный, утвердивъ, въ 16-й день іюля 1816 года, положеніе для этого Общества, Всемилостивѣйше соизволилъ назначить Васъ въ число членовъ совѣта онаго.

Еще въ санѣ архимандрита, принявъ это высокое званіе, Ваше Высокопреосвященство собственноручно написали 25-го іюля 1816 года покойному князю Александру Николаевичу Голицыну, бывшему главнымъ попечителемъ Общества, между прочимъ, слѣдующее: «Пріемля съ должнымъ послушаніемъ возложенную на меня обязанность, если сколько возмогу успѣть въ ея исполненіи и послужить дѣлу человѣколюбія, приму то за даръ общаго Человѣколюбца».

Спустя полвѣка послѣ этого изреченія, праздную 16-го іюля 1866 года юбилей пятидесятилѣтія, совѣтъ человѣколюбиваго общества счелъ долгомъ принести поздравленіе и Вашему Высокопреосвященству, какъ старѣйшему своему члену, и на телеграмму телеграфическимъ же путемъ получилъ отъ Васъ слѣдующій отвѣтъ на мое имя: «Въ лицѣ Вашемъ, привѣтствую Императорское человѣколюбивое общество, которое изъ зерна возросло въ вѣтвистое и плодоносное древо. Господь да умножитъ плоды его.»

Съ благоговѣніемъ вознося теплыя молитвы Господу Богу, общему Человѣколюбцу, за видимо ниспосланный, предсказанный Вами даръ Обществу Человѣколюбія, совѣтъ вѣдомства сего сознаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что посѣянное зерно не возросло бы въ вѣтвистое древо безъ трудовъ дѣятелей на поприщѣ человѣколюбія, въ числѣ которыхъ первенство принадлежитъ нынѣ Вашему Высокопреосвященству, какъ старѣйшему члену участвующему въ трудахъ Общества безпрерывно съ самаго образованія онаго. Сознавая же это и предвидя 5-го августа торжество полувѣковаго юбилея святительскому Вашему служенію, совѣтъ поставилъ себѣ въ священную обязанность испросить и испросилъ Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе принять участіе въ этомъ праздникѣ съ тѣмъ,

вопервыхъ, чтобы отъ человѣколюбиваго общества для привѣтствія въ день юбилея Вашего Высокопреосвященства, была назначена особая депутація;

во вторыхъ, чтобы въ этотъ день въ церквахъ при заведеніяхъ Императорскаго человѣколюбиваго общества отслужено было молебствіе о Вашемъ здравіи и долгоденствіи;

въ третьихъ, чтобы въ с.-петербургскомъ и московскомъ попечительныхъ о бѣдныхъ комитетахъ Общества, поставлены были ваши портреты, и

въ четвертыхъ, чтобы, для увѣковѣченія памяти о Васъ, въ богадѣленныхъ заведеніяхъ Императорскаго человѣколюбиваго общества отдѣлено было по одной въ каждой богадѣльнѣ штатной вакансіи и чтобы лица, коими вакансіи сіи будутъ замѣщены, именовались: «призрѣнниками или призрѣнницами Высокопреосвященнаго Митрополита Филарета».

Къ приведенію всего этого въ исполненіе, надлежащія распоряженія мною уже сдѣланы.

Съ особеннымъ удовольствіемъ имѣю честь сообщить объ этомъ вамъ, милостивый Архипастырь, чрезъ нарочито отправляющагося, съ Высочайшаго соизволенія, въ Москву помощника моего по званію главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Менандра Семеновича Сутинскаго, которому поручено, во главѣ депутаціи изъ избранныхъ с.-петербургскихъ и московскихъ членовъ Общества лично привѣтствовать Ваше Высокопреосвященство съ торжествомъ юбилея и при этомъ случаѣ, представивъ сію бумагу, выразить ту душевную и искреннюю благодарность, которую совѣтъ Человѣколюбиваго общества питаетъ къ Вамъ за Ваше слишкомъ полувѣковое плодотворное участіе въ его дѣяніяхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,

Вашего Высокопреосвященства (на подлинномъ подписано) покорнѣйшимъ слугою.

Исидоръ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Отъ Общества любителей коммерческихъ знаній.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Общество любителей коммерческихъ знаній, состоящее при московской практической академіи коммерческихъ наукъ, имѣетъ Ваше Высокопреосвященство сорокъ пять лѣтъ своимъ почетнымъ членомъ. Полувѣковое архипастырское служеніе Ваше ко благу Вашей паствы, всей русской церкви и отечества было многотрудно и многоплодно. Но и при исполненіи непосредственныхъ обязанностей высокаго званія, желаніемъ сердца Вашего, Архипастырь, Вы находили время удѣлять милостивое свое вниманіе и дѣлу академіи. Почти полвѣка, едва не все время своего существованія, прожила она, осѣняемая Вашимъ Архипастырскимъ благословеніемъ, охраняемая Вашими святительскими молитвами и всегда, особенно въ трудные дни своей жизни, находила въ Васъ, Высо-

копреосвященнѣйшій Владыко, и слово назиданія, и совѣтъ мудрости, и дѣятельное участіе.

Члены общества любителей коммерческихъ знаній, счастливымъ жребіемъ которыхъ выпало быть посильными участниками всероссійскаго, торжественнаго нынѣ празднованія столь плодотворнаго архипастырскаго служенія Вашего, почтительнѣйше поздравляютъ Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, съ симъ торжественнымъ днемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы увѣковѣчить память сего радостнаго дня и навсегда, на все время существованія академіи, соединить съ нею имя Ваше, Милостивѣйшій Архипастырь, общество любителей коммерческихъ знаній, въ чувствахъ глубокой, живѣйшей признательности, въ засѣданіи 10-го іюня сего года, опредѣлило: собрать потребный капиталъ на учрежденіе, съ Высочайшаго соизволенія, при академіи, на вѣчныя времена, стипендіи имени Вашего Высокопреосвященства.

Совѣтъ московской практической академіи коммерческихъ наукъ почитаетъ себя счастливымъ, передавая Вашему Высокопреосвященству поздравленіе общества и испрашивая Вашего архипастырскаго благословенія на его опредѣленіе.

Да продлитъ Господь дни Ваши, Архипастырь, еще на многіе годы, дабы, продолжая плодотворное служеніе церкви и отечеству, охраняя паству благословеніемъ и молитвами, святительскимъ милостивымъ вниманіемъ Вашимъ, еще надолго могли быть Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, крѣпкою нравственною опорой и нашей академіи.

Отъ Общества любителей россійской словесности.

Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь!

Нынѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня возведенія Вашего Высокопреосвященства въ санъ епископа. Общество любителей россійской словесности при Императорскомъ московскомъ университетѣ, имѣя честь считать Васъ почти съ того же времени своимъ почетнымъ членомъ, спѣшитъ принести Вашему Высокопреосвященству свои почтительнѣйшія и усерднѣйшія поздравленія съ этимъ торжественнымъ днемъ, знаменующимъ полувѣковую дѣятельность Вашу въ высокомъ санѣ Архипастыря и Первосвятителя въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи и православія.

Ваши христіанскія доблести породили тѣ чувства глубочайшаго благоговѣнія, съ которыми имя Вашего Высокопреосвященства произносится повсюду православнымъ народомъ. Дѣятельность и заслуги Ваши на поприщѣ пастырскаго служенія, какъ и вся жизнь Ваша, принадлежатъ исторіи русской церкви и, конечно, займутъ въ ней многія назидательныя и славныя страницы. Пастырскія рѣчи и поученія Ваши останутся навсегда образцами высоко-назиднаго и своеобразнаго краснорѣчія. Ваши глубокоученыя, испол-

ненныя неотразимой истины богословскія сочиненія составляють сокровище нашей литературы.

Общество любителей россійской словесности, сливая свои чувства съ чувствами всеобщаго къ Вамъ благоговѣнія, искренно желаетъ, да продлятся еще дни Вашего Высокопреосвященства къ вящшему преуспѣянію паствы Вашей, православія, науки и отечественнаго слова.

Отъ московской синодальной типографіи.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь!

Въ сонмѣ благодарно-вспоминающихъ пятидесятилѣтіе Твоего Архипастырства предстаетъ Тебѣ московская святѣйшаго синода типографія. Она вспоминаетъ о Твоихъ твореніяхъ, высшимъ священноначаліемъ въ разныя времена ей преданныхъ, и исчисляетъ, что отъ нея одной и однихъ сихъ твореній востребовано было православною русскою паствой болѣе трехъ сотъ шестидесяти изданій и чрезъ сіи изданія болѣе двухъ милліоновъ двухъ сотъ тысячъ книгъ.

Бываютъ числа краснорѣчивѣе словъ.

Въ день знаменательный счисленіемъ лѣтъ Твоего Святительства пріими и сіе исчисленіе въ удостовѣрительное знаменіе, что не вотще даровано было Тебѣ пройдти толико долгое поприще служенія. Намъ, всему собору православныхъ, воспоминаніе о толикократно и толикочисленно засвидѣтельствованной потребности въ Твоемъ ученіи послужитъ новымъ побужденіемъ молиться о Тебѣ, право-правящемъ слово истины, да даруетъ Тебя Господь святымъ Божіимъ церквамъ еще и еще цѣла, честна, здрава, долгоденствующа.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя преосвященнаго митрополита московскаго Филарета.

Преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ!

Нынѣ исполнилось пятидесятилѣтіе доблестнаго служенія вашего въ архіерейскомъ санѣ. Высокія дарованія, замѣчательные ученые труды, неустанная дѣятельность на благо духовнаго просвѣщенія и строгое христіанское благочестіе открыли вамъ путь къ высшему іерархическому поприщу, на которомъ, въ теченіе истекшихъ 50-ти лѣтъ, вы стяжали имя архипастыря мудраго, ревностно и твердо правящаго слово истины, и неутомимо попечительнаго о пользахъ и нуждахъ православной церкви. Вся жизнь ваша преисполнена неисчислимыхъ заслугъ не только каѳедрамъ, преемственно вамъ ввѣреннымъ, но и для всего православія. Епархіалное служеніе

ваше ознаменовано непрерывнымъ рядомъ заботъ о духовномъ преуспѣяніи паствъ, о развитіи и пріумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утвержденіи единовѣрія, о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, не престающихъ получать отъ вашей щедрости обильныя средства къ возвышенію своего быта, и воспитавшихъ, подъ вашимъ бдительнымъ руководствомъ, многихъ достойныхъ пастырей и іерарховъ святой нашей церкви. Многочисленныя пастырскія писанія ваши, заключая въ себѣ неисчерпаемый источникъ назиданія и поученія для православныхъ, служатъ лучшимъ руководствомъ при изученіи предметовъ вѣры для многихъ уже поколѣній русскаго православнаго юношества; въ то же время они перелагаются на чужеземные языки для научнаго и общественнаго употребленія въ другихъ странахъ, и въ нихъ пріемлются съ уваженіемъ. Глубокая опытность ваша въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія содѣлала необходимымъ и драгоцѣннымъ ваше слово, совѣтъ и постоянное, впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, участіе ваше въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ и мѣръ по духовному вѣдомству. Ваша пастырская попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра простираются далеко за предѣлы отечества и въ особенности на Востокѣ, пріобрѣтая вашему имени почетную извѣстность. Въ искреннемъ, душевномъ уваженіи къ вашимъ великимъ пастырскимъ заслугамъ, признавая справедливымъ почтить въ васъ, преосвященный владыко, старѣйшаго, заслуженнѣйшаго и именитѣйшаго святителя православной церкви, Всемилостивѣйше предоставляю вамъ право, по кіевскому обычаю, предношенія креста въ священнослуженіи, ношеніе креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ; одну изъ нихъ, особо изготовленную для васъ и украшенную драгоцѣнными каменьями, на бриллiантовой цѣпочкѣ, Всемилостивѣйше жалую вамъ для ношенія по установленію. Вмѣстѣ съ симъ, въ память незабвеннаго служенія вашего при императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I и въ Мое царствованіе, и въ вознагражденіе вашихъ заслугъ государственныхъ, препровождаю къ вамъ настольныя изображенія сихъ государей и Мое, соединенныя вмѣстѣ и осыпанныя бриллiантами.

Молю Бога, да сохранитъ Онъ святые дни вашей плодотворной жизни еще надолго, на пользу и славу отечественной церкви. Я увѣренъ, что объ этомъ же будутъ вознесены теплыя молитвы и по всей Россіи, благодарно чтущей вашу святую жизнь и великія дѣянія.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

5-го августа 1867 г. Въ Ливадіи.

Посланіе митрополита московскаго Филарета святѣйшему правительствующему всероссійскому сvноду.

По неисповѣдимой волѣ Божіей, достигнувъ предѣла пятидесятилѣтія въ епископскомъ служеніи, духовное утѣшеніе пріемлю въ томъ, что святѣйшій сvнодъ не только отечески, но и братолюбно простираетъ ко мнѣ слово благоволенія и благословенія.

Доброе свидѣтельство, котораго ваше святѣйшество удостоиваете меня, изъясняю себѣ не моимъ достоинствомъ, а духомъ братолюбія, которому свойственъ свѣтлый взоръ и благое слово.

Пріимите, Боголюбезные отцы и братія, глубокое, смиренное благодареніе мое, и священными молитвами вашими подкрѣпите изнемогающія стопы мои, да не претвновенно, и во благомъ уповаціи достигну, куда непрестанно стремятся всѣ души, во Христа Бога Спасителя вѣрующія.

Вашего святѣйшества смиренный послушникъ

Филаретъ,

митрополитъ московскій.

ПРИВѢТСТВІЕ

высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту московскому, отъ с. петербургскаго епархіальнаго духовенства, въ день юбилея, августа 5-го 1867 г.

С. Петербургское епархіальное духовенство изъявило желаніе привѣтствовать его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшаго Филарета митрополита московскаго, съ имѣвшимся совершиться 5-го августа 1867 г. пятидесятилѣтіемъ святительскаго его служенія, которое началось викаріатствомъ с.-петербургской епархіи въ 1817 году, августа 5-го дня.

Для выполненія сего желанія, высокопреосвященнѣйшему Исидору митрополиту с.-петербургскому благоугодно было назначить кафедральнаго Исаакіевскаго собора протоіерея Іоанна Колоколова, въ качествѣ депутата. Приготовлена была икона Христа Спасителя для поднесенія его высокопреосвященству, съ адресомъ, къ которому подписались протоіереи и священники с.-петербургскаго епархіальнаго духовенства.

Августа 4-го, въ Свято-троицкой Сергіевой лаврѣ, прибывшіе изъ разныхъ епархій владыки представлялись его высокопреосвященству, и съ ними являлись многіе депутаты изъ духовенства для принятія благословенія.

Въ день юбилея, августа 5-го дня, по окончаніи поздней литургіи, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ принималъ поздравленія въ своихъ покояхъ. И когда начали подходить депутаты для привѣтствованія— въ свою очередь подошелъ и я, привѣтствуя и поднося икону и адресъ отъ имени с.-петербургскаго духовенства. Архипастырь, принимая, сказалъ: «незаслуженно; но поелику симъ выражается общеніе церковное, то и это много меня радуетъ.»

Поднесенный адресъ имѣетъ такое содержаніе: «Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! С.-петербургское епархіальное духовенство, привѣтствуя васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ святительскаго служенія вашего, начавшагося отъ викаріатства с.-петербургской митрополіи, и повсюду и непрерывно ознаменованнаго подвигами благочестія и мудрости, въ назиданію, наученію и огражденію чадъ православной церкви— въ истинномъ сознаніи архипастырскихъ вашихъ доблестей, благоговѣйно приноситъ вашему высокопреосвященству святую икону пастыреначальника Господа Іисуса Христа, со благодареніемъ Ему за сохраненіе до маститыхъ лѣтъ благоплодной жизни вашей, и съ молитвою къ Нему, да Онъ благодатною силою Своею сохранитъ ее и впредь къ украшенію и славѣ святой Его церкви.» (Слѣдуютъ подписи).

Августа 7-го, предъ отъѣздомъ изъ Сергіевой лавры, я почелъ долгомъ принять напутственное благословеніе отъ архипастыря. Благословляя меня, архипастырь напослѣдокъ сказалъ: «благодарите отъ меня духовенство за добрую о мнѣ память.»

Августа 31-го дня с.-петербургское духовенство имѣло счастіе получить отъ его высокопреосвященства, высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, письмо на имя протоіерея каѳедральнаго Исаакіевскаго собора, слѣдующее:

Всечестнѣйшій отецъ протоіерей!

Сверхъ моего чаянія, Божіею милостію даровано мнѣ пройти пятидесятилѣтнее поприще служенія въ епископствѣ; и выше моего чаянія то вниманіе, которое обратили на предѣлъ сего поприща досточтимые отцы и братія, общники священноначальственнаго и священнаго служенія престолу Господню.

Съ утѣшеніемъ вижу въ семъ дѣйствующій духъ общенія, единенія, любви, столь вожделѣнный въ сословіи, которое Господь опредѣлилъ Себѣ въ особенный жребій.

Всечестнѣйшій отецъ протоіерей
и всечестный соборъ священства!

Примите за ваше благое и благожелательное, знаменіемъ благословенія сопровожденное о мнѣ воспоминаніе, искреннюю благо-

дарность мою вмѣстѣ съ моимъ истиннымъ въ любви о Господѣ почтеніемъ. *Филаретъ*, митрополитъ московскій.

Августа 25-го 1867 г.

Таковыя архипастырскія милостивыя строки къ с.-петербургскому духовенству будутъ всегда незабвенны для него, свидѣтельствуя о высокомъ архипастырскомъ вниманіи.

Протоіерей *І. Колоколовъ*.

ОТВѢТНОЕ СЛОВО

высокопреосвященнаго Филарета на многочисленныя привѣтствія съ днемъ пятидесятилѣтія архипастырскаго служенія, читанное епископомъ Леонидомъ.

Досточтимые отцы и братія!

Достопочтенные господа и братія!

Нынѣшній день представляетъ для меня такія неожиданности, что мнѣ трудно опредѣлить и изъяснить мои мысли и чувствованія, и я пребылъ бы въ безмолвіи недоумѣнія, если бы уваженіе и благодарность къ вниманію, съ такъ многихъ сторонъ теперь мнѣ оказываемому, не обязывали меня къ слову.

Но и слово мое, всегда немощное, ослаблено временемъ до того, что не можетъ достигнуть слуха сего собранія. Да будетъ позволено употребить для моего слова посредствующія уста.

Прежде всего удивляюсь тому, что вижу нынѣшній день. Скудныя и въ раннихъ лѣтахъ, силы, при немалыхъ трудностяхъ служебной дѣятельности, не обѣщали мнѣ позднихъ лѣтъ. Неисповидимою волею Божіею ниспосланъ мнѣ даръ пятидесятилѣтняго служенія высшему строенію таинъ Божіихъ. Знаю только, что это даръ не воздаянія, а неизреченнаго милосердія и долготерпѣнія. Видно, хотя и *много пришельствова душа моя* (Псал. 119, 7), но еще не уготовала себя, и еще требуетъ уготовленія, чтобы изъ пришельствія перейдти въ отечество, въ которое всѣхъ насъ призываетъ Отецъ Небесный. Долготерпѣливе! Слава Тебѣ! Всемилосерде! Не отыми Твоея милости.

Къ неисповѣдимой волѣ Божіей отношу и то, что на нынѣшній предѣлъ совершившагося пятидесятилѣтія моего священноначальственнаго служенія обращены благоволительные взоры, даже отъ Высочайшаго Престола, даже отъ верховнаго священноначалія россійской церкви, еще же отъ преосвященныхъ сопастырей, и отъ начальствъ и сословій дѣятелей человѣколюбія и наукъ, и отъ общественныхъ учрежденій, и, что менѣе неожи-

данно, отъ духовенства и вообще братій церкви московскія. Можетъ быть, угодно Провидѣнію Божію, чрезъ сіе частное явленіе въ церковной жизни, *сотворить знаменіе во благо* (Псал. 85, 17) вообще для поощренія подвижниковъ вѣры и церкви, особенно благопотребнаго во дни, въ которые болѣе и болѣе омрачающій себя западный духъ непрестанно усиливается простирать мракъ и поднимать бури и на свѣтлый, святый востокъ.

Я сказалъ, что менѣе неожиданно для меня сочувствіе духовенства и братіи церкви московской. Это потому, что во все продолженіе моего здѣсь служенія видѣлъ и привыкъ видѣть сіе сочувствіе. Духъ любви къ святому служенію, мира и согласія, свободнаго послушанія всякому долгу и законному призванію въ сослужителяхъ моихъ, и въ православномъ народѣ послушаніе вѣры, усердіе къ богослуженію, щедрая готовность къ благоустроенію и украшенію храмовъ, къ попеченію о нуждахъ служителей церкви, къ дѣламъ человѣколюбія и благотворенія,— постоянно облегчали и облегчаютъ мое служеніе, приносили и приносятъ мнѣ подкрѣпляющее утѣшеніе.

Но чѣмъ же на все сіе могу нынѣ съ моей стороны отвѣтствовать?— Господи, сотворившій для меня день сей! Твое да пріидетъ слово, благое и дѣйственное!

Благослави и благословляй святую ко святой церкви любовь Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, и да будетъ она всегда охранительною силой для благоденствія царства Его и народа.

Осѣняй благодатью Твоею святѣйшій всероссійскій сѵнодъ, и посредѣ собирающихся въ немъ во имя Твое присутственъ буди, по Твоему вѣрному обѣщанію (Мат. 18, 20); да и въ семъ соборѣ Твоемъ совершается, еже *изволяется Духу* Твоему *Святому* (Дѣян. 15, 28) ради церкви Твоея святыя.

Великій Архіерее, прошедый небеса, Единый Глава истинныя церкви! Продолжи въ ней святое епископство, единомысленное въ истинѣ вѣры, единодушное въ духовныхъ совѣтахъ, твердое въ храненіи догматовъ, правилъ и уставовъ церковныхъ, вѣрно руководительное въ путяхъ жизни.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ „СТРАХОПУДА."

1.

Jeszcze Polska nie zginęła.

(ЕЩЕ ПОЛЬША НЕ ПОГИБЛА.)

или

Споръ здраваго разсудка съ польскою фантазіею.

Хотя фактъ неоспоримый, что такъ называемая „Польша', неимѣетъ *нáрода*, и состоитъ только изъ шляхты и немного пролетаріята,—

Но: to głupstwo, „bo Polska to nie rasa, to zasada" (см. L. Opinion nat. w Gaz. Nar. N. 12.)

Хотя фактъ неоспоримый что такъ называемой „Польши" отказался не только такъ называемый польскій народъ (называющій себе мазурами, горалями, кракусами и пр.), но *и всѣ прочіи Слáвяне*,—

Но: to wszystko zbałamucone lub podkupione moskiewskiemi rublami, chrestami, orderami i t. d. „Polska (przeto) żyć będzie, bo Polska jest czemś więcéj niż ojczyzną, ona jest idea (L'Opin. nat.).

Хотя фактъ неоспоримый, что-какихъ нибудь 100.000 „Польской" шляхты и пролетаріята, измѣнивши 100.000.000-му славянскому міру, запродались враждебному славянамъ западу и служатъ простымъ орудіемъ противъ родного славянского племени,—

Но: to еще ничего недоказываетъ, ибо большинство рѣшаетъ только въ сеймѣ. Zresztą te 100,000,000 nie są Sławianami, tylko mongołami, mówiącymi językiem sławiańskim.

Хотя фактъ неоспоримый, что *вся* „*Малая Русь*" (ziemie polskie) кипитъ ненавистью и враждою противъ „Польши" и вытѣсняетъ ее съ каждымъ днемъ все больше и больше,—

Но, w Narodówce wyraźnie przecież napisano, że to tylko frakcya klerykalna, świętojurska, moskiewska.

Хотя фактъ неоспоримый, что западъ „Польшу" только обманываетъ и къ борбѣ противъ прочихъ славянъ подстрекаетъ,—

Но: Mickiewicz przecież wyraźnie w „Pielgrzymce narodu Polskiego" przepowiedział, że Polskę wybawi imie Czterdzieście i cztere — XLIV, co ma znaczyć: Xiąże Ludwik Napoleon *).

Хотя фактъ неоспоримый, что уже лучшіе мыслители польскіе не вѣрятъ въ будущность „Польши" *),—

Но: to przecież oczywiste, że oni albo nic nie wiedzą, albo biorą „ruble moskiewskie."

---

*) Такъ напр. гр. Борковскій сказалъ, что Polska trąci już trupem.

*) Страхопуду кажется, что Мицкевичь подразумѣвалъ 44 Milionów Moskali, którzy wybawią Polskę od marzeń.

Хотя фактъ неоспоримый, что историческая Польша, какъ зданіе основанное на средне-вѣковыхъ феодальныхъ началахъ, нынѣ уже возстановиться не можетъ, такъ какъ сущность ее т. е. шляхта, не перемѣнилась, но осталась тою-же чѣмъ и прежде была,—

Но па тос: dosyć powiedzieć, że to wszystko fałsze moskiewskie, i każdy, kto w przyszłość Polski nie wierzy, bierze ruble moskiewskie, jest nieprzyjacielem wolności, cywilizacyi europejskiej, a zwolennikiem ciemnoty i barbarzyństwa.

2.

Богатство польскаго и бѣдность русскаго языка.

(Bogatstwo polskiego—i bedność ruskiego języka).

Awantura	Abenteuer	приключеніе
Belka	Balken	бревно
blacha	Blech	пластинка
Cal	Zoll	дюймъ
cebula	Zwibel	лукъ
cegła	Ziegel	кирпичъ
ciupas (Tyg. Nied.)	Schubpass	отсылка
cło	Zoll	пошлина
cugle	Zügel	повода́
Dach	Dach	крыша
dank (Pisarze złot. wieku)	Dank	благодареніе
druk	Druck	печать
drut	Drath	проволока
Fach	Fach	отрасль
fajka	Pfeife	люлька
fałsz	(das) Falsce	ложь
fant	Pfand	закладъ
farba	Farbe	краска
fartuch	Vortuch	запаска
festyna	Fest	праздникъ
firanka	Vorhang	занавѣсъ
(po) folgować	Folge (leisten)	поддаваться
folwarek	Vorwerk	хуторъ
fortel	Vortheil	выгода
furman	Fuhrmann	ямщикъ
Ganek	Gang	крыльцо
garbarz	Gärber	кожевникъ

gatunek	Gattung	родъ
grabarz	(Todten) Gräber	могильщикъ
grunt	Grund	почва
gwałt	G'walt	насиліе
Hak	Hacken	крюкъ
hamować	Hemmen	останавливать
handel	Handel	торговля
hart	Härte	жесткость
hołd	Huld	благосклонность
Jałmużna	Almosen	милостыня
Kacerz	Ketzer	раскольникъ
kloc	Klotz	обрубокъ
kosztować	Koszten	стóить, вкушать
kramarz	Krämer	лавочникъ
kształt	G'stalt	видъ
kufer	Koffer	сундукъ
Lada	Laden	ставень
lak	Lack	сургучъ.
lejce	Leitseil	привязь, возжи
lichtarz	Leuchter	подсвѣчникъ
liwerunek	Lieferund	доставка
lista	Liste	списокъ
los	Loos	жребій, судьба
luka	Lücke	промежутокъ
Ładować	laden	нагружать, заряжать
ług	Łauge	щелокъ
Malarz	Maler	живописецъ
meldunek	Mehlung	докладъ
mord	Mord	убійство
mur	Mauer	стѣна
musztra	Musterung	смотръ
Nerka	Niere	почка
Obcas	Absatz	каблукъ
ofiara	Opfer	жертва
Pakować	Packen	укладывать
pendzel	Pinsel	кисть
plac	Platz	площадь
plaga	Plage	язва
plapać	plappern	болтать
prasa	Presse	тиски
Rabunek	Raub (ung)	грабежъ
rachunek	Rechnung	счотъ
ratunek	Rettund	спасеніе
reszta	Rest	остатокъ
(wy) rukować	(aus) rücken	выступить
(wy) rugować	rücken	прогнать
rynwa	Rinne	канавка

rysztunek	Rüstung	снарядъ (лѣса)
Smak	Schmack	вкусъ
smalec	Schmalz	сало
śrót	Schrot	дробь
stryczek	Strick	петля
szacunek	Schätzung	почитаніе
szafarz	Schaffner	подрядчикъ, расходчикъ
szanować	schonen	беречь (уважать)
szkoda	Scaden	вредъ
szlafrok	Schlafrock	халатъ
szlufierz	Schleifer	точильщикъ
sznur	Schnur	верёвка
szpalta	Spalte	столбецъ
szpicrut	Spitruthe	хлыстъ
szpichlesz	Speicher	амбаръ
sztanga (sztaba)	Stange (Stab)	полоса
sztrofować (Tyg. Niedz.)	strafen	наказывать
szturm	Sturm	приступъ
szwagier	Schwager	деверъ
szynk	Schank	кабакъ
szynka	Schinken	ветчина, окорокъ
Trafnie	treffend	мѣтко и мн. др.

3.

„MOSKWA" ВЪ ИСПАНІИ.

Навѣрно извѣстно нашимъ читателямъ, какія теперь насильства и ужасныя варварства происходятъ въ нынѣшной Испаніи. Множество депутатовъ, литераторовъ, адвокатовъ, чиновниковъ, военныхъ и пр. арестуетъ полиція ежедневно, и безпощадно присуживаетъ ихъ прямо или къ смерти, или ссылаетъ безъ суда на Фернандо-По, гдѣ и найздоровѣйшій человѣкъ и одного года не выдержитъ, по причинѣ ужасно вредного климата.

Но какимъ же образомъ, спроситъ не одинъ, возникли въ этомъ ревностнѣйшемъ католическомъ краѣ, на найзападнѣйшомъ западѣ—гдѣ, кажись, найбольшая цивилизація и свобода процвѣтать должны—такія варварскія злоупотребленія?

«Страхопудъ» поясняетъ сіе любопытное явленіе совсемъ естественно: Не иначе, только навѣрно *Moskwa* выслала туда *licznych swych agentów*, чтобъ они завели тамъ *mongolską cywylizacyę i barbarzynskie swe rządy*. Но спросятъ, можетъ быть, какимъ способомъ могла *Moskwa* обойдти *przedmurze* (предстѣніе) *Europy*, зная о

томъ хорошо, *że niemasz ziemi, gdzie by nie było polaka t. j. przedmurza?* — Такъ вотъ послушайте за какой промыслъ принялась *Moskwa*, а увидите *jaka Moskwa przemyslna i do czego ona zdolna.* Вычитавши въ „Tygodniku Niedzielnym," что въ Сибири *niemasz ani jednego Polaka, ani nic,* пустилась *Moskwa* симъ путемъ,—послѣ на Ледовитое Море, оттуда на Атлантическій Океанъ,—и такимъ образомъ пришла въ Испанію. Вотъ и все дѣло!

Чтобъ *Moskwa* въ будущемъ не успѣла опять такимъ-же путемъ добраться еще куда нибудь, совѣтуетъ „Страхопудъ" всей Европѣ, чтобъ она на выше помянутомъ пути какъ можно скорѣе поставила *przedmurze.* Слѣдуетъ затѣмъ немедленно выслать ляховъ въ Сибирь, на Ледовитое Море и Атлантическій океанъ, чтобъ они также сейчасъ учредили *przeciw Moskwy* непреодолимое *przedmurze* не только для всей Европы, но тоже, и то прежде всего, для Америки.

4.

Славянамъ слѣдуетъ непремѣнно учиться мадярскому языку.

Славяне, не понимая дѣла, не хотятъ учиться по мадярски. Страхопудъ думаетъ, что, напротивъ, славяне должны непремѣнно изучать мадярскій языкъ, потому что славяне—рано или поздно—все же овладѣютъ наконецъ мадярами. И какъ же управлять ими? откуду изять органовъ для управленія мадярскимъ народомъ? Мадяры не захотятъ служить органами (чиновниками) славянской власти... а для управленія необходимыя органы, знающіе мадярскій языкъ. Вотъ такихъ то органовъ, знающихъ мадярскій языкъ, доставятъ тѣ изъ славянъ, которые теперь учатся по мадярски. Вотъ будетъ къ стати! Если бы между Славянами не было знающихъ мадярскій языкъ, то имъ никогда не было бы возможно овладѣть мадярами. И такъ учитесь, славяне, помадярски и благодарите мадяръ, что они сами васъ учатъ своему языку, и этимъ очевидно работаютъ въ пользу славянства. Eljen, мадярскіе предводители! *Страхопудъ.*

5.

Письмо Садикъ—паши къ пану Заревичу, редактору газеты „Русь" (1).

Читая вашу газету, я вижу, що вы съумѣли хорошую поставити цѣль „народнему прямуванню." Жаль тôлько, що вы неумѣете

(1) Это письмо не могло быть напечатано въ Газетѣ „Русь", потому что тайный агентъ Страхопуда случайно его перехватилъ. Оно печатается буквально тѣмъ же малорускимъ жаргономъ, на какомъ написанъ подлинникъ и на какомъ издается газета „Русь."

добрати соотвѣтныхъ средствъ, щобъ поставленную цѣль навѣрно осягнути. Вы кажете, добродію, що „найбольшій ворогъ русского народа е Москва.“ Логика говоритъ, що треба того найбôльшого ворога“ доконче побороти. И якимъ же чиномъ вы думаете побороти сего найбольшого ворога? Своими силами вы навѣрно незможете, бо якъ знаете, що Москва по крайней мѣрѣ 10,000 разъ сильнѣйша, чѣмъ вы съ нашимъ „гуртомъ“. Вы неможете устояти противъ своихъ домашнихъ „Русскихъ“, еще меньше противъ Польши—а вы хочете звалити Москву съ нôгъ?! Се, добродѣю, дуже глупо—такъ глупо, що и пастухъ, що пасе жидовскіи гуси, пôзнае, що глупо. Вы щайже видѣли, що Польша, розполагающая сотнею тысячей патріотôвъ и милліонами капиталу, невторопала ничого, хотя имѣла цѣлую западную Европу къ своей сторонѣ— а щожъ теперъ вы, которымъ требабы по крайней мѣрѣ 200 лѣтъ времени *свободнаго развитія*, щобъ до того довести, до чего довела Польша. Вы розчитуете на развитіе силъ? Ба, та якже ихъ вамъ розвити, коли нѣтъ условій къ тому? А знаете, добродѣю, въ чемъ-то состоятъ сіи условія? Вотъ я вамъ скажу. 1) треба свободы, щобъ никто не мѣшалъ розвиватися нашимъ силамъ, т. е. треба быти своимъ паномъ; 2) треба двигателя, который побуждалъ бы то развитіе (такимъ двигателемъ можетъ быти 1) *великій контрастъ* одной народности въ отношенію къ другой—а такого *великого* контраста не видится между Москвою и Русью—2) треба *вѣроятности* вашей побѣды, бо якъ не буде вѣроятности, то розумныи люди не пôйдутъ съ вами—лише дѣти - и вы будете *вѣчно* принуждены боротися съ своими „Москвофилами“.— И чимъ же будете побôльшати свою партію? Силою аргументовъ нѣтъ, бо ихъ нѣтъ, а силою искусно возбужденного чувства также нѣтъ, бо студентъ, не будетъ вѣчно молодымъ; грошми побольшати „гуртъ“ также трудно—коли ихъ нѣтъ. На народъ еще меньше можете числити, бо народъ проклятая Москва уже давно заспокоила, и идея народности ему совсемъ недоступна. Ну и чимъ же вы хочете поборити Москву??? а кромѣ Москвы еще и Польшу и Мадярôвъ и Нѣмцевъ и Румуновъ и жидôвъ, да и еще и своихъ домашнихъ „Москвофилôвъ“? Ужъ конечно, вы не такій круглый дуракъ, щобъ сами тому вѣрили?!

Если вы хочете дойти до поставленной цѣли, т. е. побороти Москву, то вамъ треба, добродѣю, лучитися съ другими, которыи также хотятъ побороти Москву: вамъ треба получитися съ Польшею, съ Турціею, римскимъ папою и вообще съ всѣми врагами славянства, бо тôлько такимъ способомъ возможно свалити Москву.

Вотъ моя рада—щобъ вы покинули даремну писанину, а вступили лучше съ цѣлымъ своимъ гуртомъ въ нашъ турецкій козаки. Ту вы зафасуете и широкіи штаны и чоботы съ ломаными холявами и шапку съ кутасомъ—и пôйдемъ на Москали, а о бôльше мабуть вамъ не ходитъ.

6.

ТЕЛЕГРАМЫ СТРАХОПУДА.

С.-Петербургъ 1 Августа. Польская шляхта намѣрена просить о томъ, чтобъ капиталъ, который былъ назначенъ для вспомоществованія русскихъ, желающихъ покупать имѣнія въ югозападномъ краѣ, былъ дарованъ въ пользу банка rządu narodowego. Что сдѣлаетъ русское правительство—трудно предвидѣть.

Варшава. 2 Августа. Польскіе помѣщики открыли подписку, чтобъ въ случаѣ, если будетъ уничтоженъ указъ о продажѣ польскихъ имѣній въ югозападномъ краѣ, построить Березовскому великолѣпный памятникъ.

7.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НОТА,

о существованіи которой не знаетъ ни одна европейская газета.

Одинъ изъ нашихъ тайныхъ Страхопудскихъ агентовъ, сообщилъ намъ чрезвычайно интересную дипломатическую ноту, адресованую ко всѣмъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ западной Европы. Не имѣя ни малѣйшаго основанія подозрѣвать ея подлинность, мы рѣшились напечатать ее въ вѣрномъ переводѣ изъ французскаго, и полагаемъ навѣрно, что ни одна *оффиціальная* газета, какого бы то не было правительства, не отважится насъ „демантировать". (За *оффиціозныя* мы, конечно ручаться не можемъ).

Нота звучитъ буквально такъ:

Милостивый Государь!

Благодаря усилившейся въ вашей странѣ «цивилизаціи», пришло, наконецъ, время, что и наше царство можетъ выступить изъ прежняго своего изолированнаго положенія, чтобъ вступить въ дружественныя къ вамъ отношенія. Мнѣ пріятно увѣдомить Васъ, что мой августѣйшій Повелитель Господинъ не видитъ уже серіозной преграды, которая отдѣляла бы въ такой мѣрѣ наши интересы отъ вашихъ, чтобъ нельзя было найти почвы, на которой можно бы намъ сблизиться и заодно дѣйствовать.

Вамъ извѣстно, Милостивый Государь, что главный интересъ нашего царства состоитъ въ истребленіи нравственнаго начала въ средѣ человѣчества. До сихъ поръ мы имѣли главныхъ противниковъ въ христіянизмѣ и въ государственной власти, которая, чтобъ удержаться, опиралась болѣе менѣе на нравственномъ началѣ. Содѣйствующихъ намъ союзниковъ мы находили только въ поодинокихъ членахъ человѣческаго общества, но никогда еще не могли пріобрѣсти союзникомъ саму туже христіянскую государственную власть. Теперь, кажется, дѣло другое. Послѣ того, какъ западныя европейскія государства нашли возможнымъ примирить свою политику не только съ условіемъ на существованіе ненравственнаго начала (я говорю о коранѣ), но даже на его подкрѣпленіе въ ущербъ христіянизма,—послѣ того, говорю, можно смѣло сказать, что и интересы нашего царства дадутся привести въ солидарность съ интересами вашего государства. Такую солидарность намъ пріятно видѣть теперь въ предстоящемъ «восточномъ вопросѣ».

Нѣтъ надобности, кажется, и толковать Вамъ, что въ этомъ вопросѣ нашъ интересъ заключается въ сохраненіи турецкаго владычества, которое такъ славно деморализуетъ ввѣренную ему часть человѣческаго общества, и противудѣйствуетъ распространенію христіянизма, именно же въ восточной его формѣ.

Зная, что и Вы въ этомъ отношеніи съ нами соглашаетесь, мнѣ вотъ и пріятно предложить Вамъ, Милостивый Государь, именемъ моего августѣйшаго повелителя, соединить наши силы для скрѣпленія того алліянса, который теперь образуется съ цѣлью поддержать упадающій въ Европѣ магометанизмъ.

Вамъ, какъ р. католику, быть можетъ, совѣстно будетъ вступать въ союзъ съ нами, которыхъ вы, католики, привыкли считать своими злѣйшими врагами. Но будьте увѣрены, что мы „политики" не хуже васъ, и если вы нашли возможнымъ терпѣть и даже поддерживать противный вамъ магометанизмъ, то отчего же бы мы не могли отнестись подобнымъ образомъ къ ка-

толицизму, который для насъ во все не такъ противенъ какъ католики себѣ воображаютъ. Вотъ, что касается православія, этого непримиримаго врага Турціи—такъ дѣло другое. Съ нимъ, какъ вообще съ „варварскимъ востокомъ, никакой сдѣлки быть не можетъ.

Надѣясь на благосклонное принятіе нашего предложенія,

честь имѣю и пр.

Мефистофель

министръ иностранныхъ дѣлъ—
Царства Діявола.

8.

РѢШЕНІЕ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА,

или

что должны сдѣлать кандіоты, болгаре и прочіе христіяне, угнетаемые турками, чтобъ пріобрѣсть симпатію западной Европы и склонить ее къ интервенціи въ свою пользу.

Наконецъ удалось Страхопуду, искренно сочувствующему несчастнымъ христіянамъ въ Турціи, придумать отличное и вѣрное средство, которымъ могутъ эти несчастливицы какъ разъ избавить себя отъ гнета турокъ.

Это средство состоитъ въ слѣдующемъ:

Всѣ христіяне въ Турціи, должны перейти въ жидовство, т. е. принять еврейское вѣроисповѣданіе; кромѣ того должны статься мошенниками, обманщиками, не исполняющими своей подданической должности.

Страхопудъ имѣетъ основаніе думать, что послѣ такой матемарфозы, эти народы пріобрѣтутъ не только симпатію западной Европы, но и энергическую помощь— о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ жиды, живущіе въ княжествѣ руминскомъ. Слѣдуетъ только закричать одно „ой вей!“ а сей часъ пойдетъ оттомонъ по всей западной Европѣ: Англійскіе лорды поднесутъ сію же минуту такую интерпеляцію въ парламентѣ, что перепугаются всѣ министры, думая что какой нибудь ирландецъ хочетъ заступиться за свой пригнетенный народъ; Французское правительство пошлетъ сейчасъ грозную ноту—а господинъ Бейстъ отправитъ сію минуту

даже особеннаго Коммисара, чтобъ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, какъ это сдѣлалъ по случаю трагикомическаго приключенія, съ тремя еврейскими вагабундами (1) въ Галачѣ. О европейской печати ужъ и говорить нечего: она будетъ покровительствовать имъ тѣмъ вѣрнѣе, что большая часть ея находится уже въ рукахъ евреевъ, или похожихъ на евреевъ.

9.

ПРОТЕСТЫ ПРОТИВЪ ЛОГИКИ.

Мы получили слѣдующія письма съ просьбою принять ихъ въ протоколъ Страхопуда:

I. Ваше Высокострахопудіе!

Хотя мы живемъ въ государствѣ либеральномъ и конституціонномъ, и въ странѣ просвѣщенной, однакожъ, намъ не удалось еще освободиться отъ одного деспотизма, который страшнѣе всѣхъ другихъ. Это *Деспотизмъ Логики.* Этотъ деспотизмъ тѣмъ несноснѣйшій, что онъ не разбираетъ даже съ кѣмъ имѣетъ дѣло: у него все равно—митрополитъ ли=то, каноникъ, деканъ или простой приходникъ—да онъ даже и къ капеллану, не бывшему еще ни разу въ пропозиціи консисторской, относится одинако. Этотъ ужасный тиранъ преслѣдуетъ васъ на каждомъ шагу и минуты не даетъ покоя: вотъ послушайте что она (Логика) намъ н. пр. поетъ по поводу нашей поѣздки на канонизацію Кунцевича въ Римъ: „Вы—говоритъ—считаете себя отцами галицко-русскаго народа?“—Да, говоримъ.—Поляки—враги вашего народа?—Точно такъ, отвѣчаемъ мы. — А правда-ли, что унія, навязаная поляками предкамъ вашимъ, служитъ Полякамъ средствомъ поработить вашъ народъ? — Да, говоримъ мы—правду сказать, Поляки дѣйствительно употребляютъ унію, какъ средство для своей пагубной для насъ политики.—Но вы поддерживаете эту унію? Да, ибо мы уніяты. — Стало быть, вы поддерживаете то, что губитъ вашъ народъ—стало быть вы не отцы, а враги своего народа“, говоритъ проклятая логика.... Тутъ мы стали всѣ, какъ физики; и никто уже не зналъ что возразить ей. Скоро, однако, мы опомнились и, посовѣтовавшись между собою, рѣшили повернуть на другую точку и стать на полѣ догматики, полагая, что тутъ на

---

(1) Австрійское правительство, впрочемъ не безъ основанія заступается за румынскихъ евреевъ—потому что это большою частью австрійскіе подданные, которые сотнями бѣжатъ изъ Галиціи предъ каждымъ наборомъ рекрутовъ. Вотъ имъ и слѣдуетъ сдѣлать возможнымъ пребываніе въ Молдавіи, чтобъ не были вынуждены возвратиться въ Галицію и не попасть въ рекруты!?

этомъ полѣ сила вашего противника насъ не постигнетъ — „Мы потому поддерживаемъ упадающую унію, что она, хотя и губитъ народъ въ *семъ* мірѣ, но за то, какъ единоспасительная р. католическая вѣра, спасаетъ души въ *томъ* мірѣ, а въ томъ-то и состоитъ наша главная задача, чтобъ спасать души“.

Логика: Значитъ, вы вѣрите, что милліарды душъ усопшихъ православныхъ, всѣ пойдутъ въ пекло, только р. католическія въ небо.

Мы: Если мы вѣримъ, что римская вѣра единоспасающая, то, конечно, происходитъ изъ этого, что православная можетъ только губить души.

Логика: Это значитъ, что вы приписываете найсправедливѣйшему судіи несправедливость, ибо вѣрите, что Богъ, найсправедлившій судья, можетъ погубить милліарды душъ за то, что они *вѣрили*, что ихъ вѣра спасаетъ... Поэтому слѣдовало бы Богу и васъ осудить за то, что вы *вѣруете*, что ваша вѣра спасаетъ,......

Вотъ какъ страшно прижала насъ къ стѣнѣ эта проклятая логика!—еще хуже чѣмъ Бейстъ славянъ... И такъ должно быть Вашему Высоковострахопурію понятно, что намъ невозможно уже терпѣть дольше этотъ деспотизмъ надъ собою, и поддаваться суду логики, ибо въ такомъ случаѣ мы сами признали бы себе врагами народа, что́, сами согласитесь, для насъ невыгодно.

И такъ, чтобъ отнять всякое основаніе кому бы то ни было, считать насъ за недоброжелателей народа, *мы большинствомъ голосовъ рѣшили: протестовать противъ логики и не признавать* власти ея надъ нами. Мы приверженцы свободы и конституціи и пренебрегаемъ всякимъ насиліемъ (1) (тѣмъ болѣе со стороны логики, которая неканонизована и даже не имѣетъ права носить титулъ: ни Excellentissima, ни Illustrissima, ни даже verendissima).

Мы логики непризнаемъ! непризнаемъ!! непризнаемъ!!! непризнаемъ!!!! и непризнаемъ!!!!! и на томъ конецъ.

Римскіе путники.

(Слѣдуютъ подписи).

Vidi. Strachopudus m. p.

---

(1) Право насилія мы признаемъ въ конституціонномъ государствѣ только за уніятскою іерархіею, которая имѣетъ право держать народъ въ оковахъ уніи, хотя бы она была источникомъ деморализаціи, душегубства и всего несчастья, постигшаго народъ.—

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ СКОПИНСКАГО ГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО БАНКА.

Скопинскій Городской Общественный Банкъ принимаетъ изъ всѣхъ мѣстностей Россіи вклады, отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей, церквей, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ лично и чрезъ почту на безсрочное время, т. е. до востребованія и на сроки отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ, на вѣчное время и на текущій счетъ. Проценты назначаются 1-го Октября сего года: на вклады безсрочные по **ШЕСТЬ** руб на **СТО** въ годъ, на вклады, которые будутъ поступать на срочное время, Банкъ имѣетъ платить проценты по **ШЕСТИ СЪ ПОЛОВИНОЮ** руб. на **СТО** въ годъ, на вклады вѣчные проценты будутъ выдаваться по **СЕМИ** руб. на **СТО** въ годъ, на вклады, вносимые на текущій счетъ, Банкъ выдаетъ проценты по **ПЯТИ** руб. на **СТО** въ годъ (1).

Вклады возвращаются и проценты на нихъ выдаются вкладчикамъ наличнымъ въ тотъ же день, а находящимся въ отлучкѣ съ первою отходящею почтою. Для доставленія болѣе удобствъ при переводѣ капиталовъ изъ кредитныхъ установленій въ Банкъ на процентное обращеніе, Банкъ принимаетъ на себя обязанность истребовать откуда слѣдуетъ по билетамъ кредитныхъ учрежденій слѣдующія деньги. На именныхъ билетахъ владѣльцы должны сдѣлать засвидѣтельствованную надпись о предоставленіи Банку права истребовать откуда слѣдуетъ по нимъ слѣдующую сумму, безъименные же билеты кредитныхъ устновленній представляются въ Банкъ безъ всякихъ на нихъ надписей. На вклады билеты выдаются вкладчикамъ сообразно ихъ желанію, именные или безъименные, но съ тѣмъ, чтобы вкладъ былъ не менѣе: на именной билетъ пятидесяти руб., а на безъименный трехъ сотъ рублей (2).

---

(1) На тѣ срочные вклады, которые внесены въ Банкъ до 1-го Октября 1867 года, проценты будутъ выдаваться во все то время, на которое внесены вклады, въ томъ размѣрѣ, какимъ обусловлены тѣ вклады потому, что измѣнять размѣръ процентовъ на эти вклады законъ, изъясненный во 2-мъ пунктѣ къ 32 статьѣ Банковаго положенія, изданнаго 6 февраля 1862 года, не предоставилъ Банку права.

(2) Влады вносятся въ Банкъ при объявленіяхъ писанныхъ, по слѣдующей формѣ: въ Правленіе Скопинскаго Городскаго Общественнаго Банка, (отъ такого то. Объявленіе. Представляя при семъ въ Банкъ столько-то рублей для приращенія процентами на такой-то срокъ (на 3-ри, на 4-ре, на 5-ть и т. д. до 12-ти лѣтъ или до востребованія) прошу Банкъ выдать на мое имя, или на имя, неизвѣстнаго, билетъ въ такое-то мѣсто. Подпись. Если вкладъ вносится съ условіями на прим. о предоставленіи вклада, или ѣ него процентовъ, въ пользу родственниковъ. или на предметы благотворитель-

Ввѣренные Банку вклады сообразно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Банковаго положенія, обезпечиваются основымъ Банковымъ капиталомъ и всѣмъ состояніемъ Скопинскаго городскаго общества, простирающимся на **НѢСКОЛЬКО МИЛЛІОНОВЪ** рублей. Билеты Банка, какъ неподлежащіе ни въ какомъ случаѣ измѣненію въ своей нарицательной стоимости, принимаются присутственными мѣстами въ залогъ наравнѣ съ наличными деньгами. Вкладчики, усматривая значительную для себя пользу отъ возвышенія Банкомъ процентовъ на вклады противъ другихъ кредитныхъ учрежденій, и при томъ сознавая, что законъ, изъясненый, въ Банковомъ положеніи, вполнѣ благонаждежно гарантируетъ вклады Банка, до такой значительной степени ежедневными вкладами увеличиваютъ сумму Банковыхъ вкладовъ, что оборотъ Банка въ семъ году будетъ простираться свыше **ПЯТИ МИЛЛІОНОВЪ** руб. Вклади поступаютъ: изъ Архангельской, Бакинской, Воронежеской, Вологодской, Владимірской, Вятской, Волынской, Виленской, Витебской, Городской, Екатеринославской, Енисейской, Иркутской, Казанской, Калужской, Кіевской, Ковенской, Костромской, Курской, Курляндской Кутаисской, Лифляндской, Московской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Подольской, Рязанской, Симбирской, Саратовской, Смоленской, Самарской, Ставропольской, С.-Петербургской, Тверской, Тамбовксой, Тульской, Тифлисской, Таврической, Тобольской, Томской, Уфимской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Эриванской, Эстляндской, Ярославской губерній, Амурской, Бессарабской, Дагестанской, Забакальской, Киргизской, Кубанской, Кавказской, Мингрельской, Семипалатинской, Терской областей, земли войска Донскаго, Восточной Сибири, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. При таковъ прочно установившемся всеобщемъ народномъ довѣріи къ Банку, онъ развился, какъ видно изъ № 134-го Сѣверной Почты, такъ быстро, какъ никогда не развивался еще ни одинъ Общественный Банкъ. Въ настоящее время Банкъ, по громадности своихъ оборотовъ, занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ прочихъ стапятидесяти учрежденныхъ въ Россіи городскихъ Банковъ. Онъ на свой основный капиталъ въ 1866 году получилъ девиденда болѣе ста процентовъ на рубль; въ такомъ огромномъ размѣрѣ девиденда на основаный капиталъ не получало до сихъ поръ ни одно кредитное учрежденіе (1).

ности и проч., то таковыя условія должны быть объяснены; если вкладъ вносится на вѣчное время, то вкладчикъ долженъ сдѣлать положительное указаніе Банку относительно платежа на вѣчный вкладъ процентовъ и объяснить при томъ: предоставляетъ ли онъ себѣ право перемѣнять условія относительно вѣчнаго вклада, или таковыя должны оставаться неизмѣнными.

(1) Вклады церковныхъ суммъ въ Скопинскій Банкъ вносятся изъ Рязанской и всѣхъ прочихъ Епархій на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 14 Октября 1865 года опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, которымъ

Банкъ принимаетъ къ учету векселя отъ лицъ, имѣющихъ по закону право обязываться векселями и извѣстныхъ Банку своею состоятельностію, и учитываетъ купоны процентныхъ бумагъ и самыя бумаги эти, вышедшія въ тиражъ, и переучитываетъ векселя, учтенные въ другихъ Банкахъ. Учетная операція ограничивается годовымъ срокомъ, Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, товаровъ, вещей, земли, находящіеся въ Скопинскомъ и другихъ уѣздахъ Рязаской губерніи и домовъ, находящихся въ г. Скопинѣ. Кромѣ того Банкъ ожидаетъ отъ правительства разрѣшенія на выдачу ссудъ подъ залогъ иногородныхъ домовъ. Ссуды выдаются на сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ; проценты, получаются по учетной операціи по восьми рублей, а по ссудамъ—по девяти руб. на сто въ годъ.

Банкъ покупаетъ процентныя бумаги на свой счетъ и по коммисіи третьихъ лицъ и продаетъ упомянутыя бумаги, какъ принадлежащія Банку, такъ и по коммисіи, по тѣмъ цѣнамъ какія въ день покупки или продажи Банкомъ бумагъ будутъ установлены С.-Петербургскою биржею, о которыхъ цѣнахъ Банкъ ежедневно получаетъ телеграфическія свѣдѣнія. За покупку и продажу бумагъ, Банкъ получаетъ не свыше той суммы, въ которую обходятся публикѣ подобныя покупки и продажи, производимыя черзъ С.-Петербургскіе и Московскіе банкирскія конторы, а именно: Банкъ получаетъ вознаграждение за покупку и продажу процетныхъ бумагъ отъ 1/8% до 1/4% съ рубля, смотря по размѣру суммы, съ которой получается эта прибыль, хотя въ настоящее время банковая операція, относящаяся до покупки и продажи бумагъ достигла огромныхъ размѣровъ, но Банкъ положилъ себѣ за правило выполнять порученія наличныхъ продавцевъ и покупателей бумагъ въ тотъ же день, а отсутствующихъ съ первою отходящею почтою.

Банкъ принимаетъ на храненіе вклады, заключающіеся въ золотѣ и серебрѣ, во всѣхъ видахъ процентныхъ и всякаго рода денежныхъ бумагахъ, за храненіе за полгода Банкъ получаетъ съ металическихъ вкладовъ по 1½ коп. съ рубля съ ихъ цѣнности,. а за бумаги: за каждую стоимостью не свыше ста пятидесяти руб. по 2½ коп., отъ ста пятидесяти одного до двухъ сотъ пятидесяти рублей по 5 коп., отъ двухъ сотъ пятидесяти одного до пяти сотъ рублей 10 коп., отъ пяти сотъ одного до тысячи по 15 к., за духовное завѣщаніе получается единовременно по 3 руб. за каждое.

Банкъ переводитъ денежныя суммы изъ Скопина въ С.-Петербургъ и Москву и обратно изъ Москвы и Петербурга въ Скопинъ на слѣдующихъ основаніяхъ: лица, желающія переводить деньги изъ Скопина въ Москву или Петербургъ, вносятъ таковые въ Банкъ, который выдаетъ на внесенные суммы переводные билеты на Мос-

---

предоставлено право всѣмъ церковнымъ причтамъ церковныя кошельковыя суммы самимъ отсылать въ Банкъ, для приращенія процентами, не обращаясь къ посредничеству епархіальнаго Начальства.

ковскую или Петербургскую контору торговаго дома Юнкера и К°, который принялъ на себя коммиссіонерство по дѣламъ Банка, этимъ билетамъ торговый домъ Юнкера и К°, выплачиваетъ деньги немедленно, желающіе переводить деньги изъ Москвы или Петербурга въ Скопинъ, вносятъ таковыя въ упомянутый торговый домъ, откуда получаютъ переводные билеты, по которымъ Банкъ немедленно выдаетъ деньги. За переводъ Банкъ получаетъ по 1 руб. со всякой суммы до тысячи и по 1 руб. за каждую послѣдующую за тѣмъ 1000 руб. Переводы могутъ быть дѣлаемы и по телеграфу, но съ тѣмъ, чтобы переводящій суммы платилъ за каждый телеграфическій переводъ цѣну четырехъ депешъ (1).

Правленіе Банка открыто ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, и въ производствѣ своихъ операцій руководствуется положеніемъ, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 6-го Февраля 1862 года, и дополнительными къ нему правилами, изданными 16 Мая 1866 года (2).

---

(1) Отчетъ Скопинскаго Банка за 1667 годъ отпечатанъ въ коммерческомъ календарѣ на 1868 годъ, издаваемомъ Ф. П. Баймаковымъ, жительствующимъ въ С.-Петербургѣ Адмиралтейской части, 2-го Участка въ домѣ Графа Орлова—Давыдова. Цѣна календарю съ пересылкою 1 руб. 75 коп.

(2) Лица, имѣющія надобность получить отъ Банка какія либо относящіяся о Банковыхъ операцій свѣдѣнія могутъ таковые отъ него требовать лично чрезъ почту и по телеграфу, которыя сообщаются немедлено. Сверхъ того Банкъ иметъ высылать желающимъ Банковое положеніе съ дополнительными къ нему правилами.

Директоръ *Рыковъ*.

ржаніе 8-ой кн. „Вѣстника западной Россіи“ за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Содержаніе 8-ой кн. „Вѣстника западной Росс[ии]"
за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.